

АРБИТРАЖНЫЕ СПОРЫ

Журнал
Арбитражного суда
Северо-Западного округа

№ 2(98)
апрель-июнь 2022 г.

Зарегистрирован Роскомнадзором.
Свидетельство ЭЛ № ФС77-81594
от 06.08.21

Учредитель —
Арбитражный суд
Северо-Западного округа

Редакционный совет:
С. Ф. Маркин (председатель)
С. В. Соколова
А. Е. Филиппов
А. Е. Кузнецов
В. А. Филиппова
Ответственная за выпуск —
В. А. Филиппова

Издательство и редакция
ООО «КАДИС»
Гл. редактор — А. Е. Кузнецов
Исп. редактор — А. В. Пилипенко

Санкт-Петербург,
10-я Красноармейская ул., 17
Тел.: +7 (812) 493-54-66
www.arbspor.ru
e-mail: publish@arbspor.ru

Подписка — Л. П. Горбунова
Тел.: +7 (812) 313-01-17
e-mail: fas@kadis.ru

№ 2 (98)
апрель-июнь 2022 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА. АНАЛИЗ

Яковлев Артемий Эдгардович, Мышевская Карина Владимировна

О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности (2020 год — первое полугодие 2021 года).....стр. 2 [перейти к статье](#)

Селецкая Светлана Владимировна, Петряшова Анна Александровна

Актуальные вопросы судебной практики рассмотрения дел, связанных с реализацией общего имущества супругов в процедуре банкротства.....стр. 33 [перейти к статье](#)

АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Гаврилова Наталья Юрьевна

Судебная экспертиза в арбитражном процессе: вопросы квалификации эксперта и оценки его компетенции.....стр. 56 [перейти к статье](#)

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Ячменёв Георгий Григорьевич

Некоторые вопросы применения общих положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в практике Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации (2019–2021 годы).....стр. 62 [перейти к статье](#)

Кудинова Мария Сергеевна

Банкротство: тенденции и актуальная судебная практика.....стр. 147 [перейти к статье](#)

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Чернов Григорий Александрович

Частичная недействительность сделок должника как российская альтернатива обязательственному оспариванию.....стр. 190 [перейти к статье](#)

Яковлев Юрий Юрьевич

Актуальные вопросы надлежащего оказания юридических услуг в практике арбитражных судов Северо-Западного округа.....стр. 197 [перейти к статье](#)

ДЕБЮТ

Вступительное слово М. З. Шварца.....стр. 218 [перейти к статье](#)

Владимирова Любовь Владимировна

Развитие учения о гражданской процессуальной ответственности и мерах защиты: процессуальный эстоппель в сфере доказательственной деятельности.....стр. 221 [перейти к статье](#)

Дзыбал Максим Антонович

Тенденции развития доступности правосудия в гражданском процессе.....стр. 242 [перейти к статье](#)

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА. АНАЛИЗ

О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности (2020 год — первое полугодие 2021 года)

Яковлев Артемий Эдгардович

Судья Арбитражного суда Северо-Западного округа, кандидат юридических наук

Мышевская Карина Владимировна

Помощник судьи Арбитражного суда Северо-Западного округа

В статье рассматриваются вопросы правовой природы привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности, проанализирована судебная практика, касающаяся субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, рассмотрены общие положения данной ответственности, а также основания и условия ее применения.

Ключевые слова: банкротство, субсидиарная ответственность, контролирующее должника лицо, корпоративные отношения, учредители, участники, юридическое лицо.

Общие положения

Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц (далее также — КДЛ) по обязательствам должника (несостоятельного лица) представляет собой особый вид гражданско-правовой ответственности и наступает в связи с причинением вреда имущественным правам кредиторов должника.

Субъектами субсидиарной ответственности являются лица, имеющие либо имевшие не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника (статья 61.10 Федерального закона от 26.10.02 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»; далее — Закон о банкротстве). К таким лицам обычно относятся руководители или члены органов управления должника, при этом учитываются отношения родства или свойства, должностного положения; лица, полномочные совершать сделки от имени должника на основании доверенности либо ином специальном полномочии; лица, определяющие в силу должностного положения действия должника, в частности главные бухгалтеры, финансовые директора

должника; лица, имеющие возможность иным образом, в том числе путем принуждения руководителя, оказывать влияние на деятельность должника.

Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц наступает в связи с причинением вреда имущественным правам кредиторов должника

В отношении КДЛ действуют следующие опровержимые **презумпции**. Предполагается, что лицо являлось контролирующим должника лицом, если это лицо:

- 1) являлось руководителем должника или управляющей организации должника, членом исполнительного органа должника, ликвидатором должника, членом ликвидационной комиссии;
- 2) имело право самостоятельно либо совместно с заинтересованными лицами распоряжаться пятьюдесятью и более процентами голосующих акций или долей уставного капитала корпорации либо имело право назначать (избирать) руководителя должника;
- 3) извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица (пункт 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве).

Если в качестве руководителя должника выступает управляющая компания, считается, пока не доказано иное, что контролирующими должника лицами являются как эта управляющая компания, так и ее руководитель, которые по общему правилу несут солидарную ответственность.

Необходимо отметить, что руководитель, формально входящий в состав органов юридического лица (номинальный руководитель), не утрачивает статус контролирующего лица, поскольку подобное поведение не освобождает руководителя от осуществления обязанностей по выбору представителя и контролю за его действиями (бездействием), а также по обеспечению надлежащей работы системы управления юридическим лицом; по общему правилу номинальный и фактический руководители несут субсидиарную ответственность, предусмотренную статьями 61.11 и 61.12 Закона о банкротстве, а также ответственность, указанную в статье 61.20 Закона о банкротстве, солидарно.

Судебная практика исходит из того, что субсидиарная ответственность применяется и к лицам, причинившим вред совместно с контролирующим должника лицом. Данная ситуация возможна, когда банкротство вызвано действиями этого лица, заключающимися в организации деятельности корпоративной группы таким образом, что на должника возлагаются

исключительно убытки, а другие участники группы получают прибыль. По смыслу пунктов 3, 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 21.12.17 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее — постановление № 53) осуществление контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности. Суд в таком случае оценивает степень вовлеченности лица в процесс управления должником, проверяя, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника.

Закон о банкротстве устанавливает **два состава** привлечения к субсидиарной ответственности: непередача документации и невозможность погашения требований по вине КДЛ. В последнем составе можно выделить несвоевременную подачу заявления о собственном банкротстве (статья 61.12) и такое ведение бизнеса, которое привело к невозможности полного погашения требований кредиторов (статья 61.11).

Особенности требований о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности заключаются в упрощенном процессе доказывания, в частности посредством введения презумпций вины ответчика и в установленном законом порядке определения размера ответственности виновного лица (пункт 11 статьи 61.11).

Процесс доказывания обозначенных выше оснований привлечения к субсидиарной ответственности упрощен законодателем для истцов путем введения соответствующих опровержимых презумпций, при подтверждении условий которых предполагается наличие вины ответчика в доведении должника до банкротства и на ответчика перекладывается бремя доказывания отсутствия оснований для удовлетворения иска.

Особенности требований о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности заключаются в упрощенном процессе доказывания

Презумпция вины ответчика состоит в том, что невозможности полного погашения требований кредиторов предшествовали следующие обстоятельства:

- 1) совершение КДЛ вредоносных сделок;
- 2) внутренние документы должника имеют недостатки, приводящие к затруднительному формированию и реализации конкурсной массы;
- 3) имеет место налоговое правонарушение, и имущественная санкция за такое правонарушение превышает пятьдесят процентов размера требований кредиторов третьей очереди;

4) должник не исполнил юридическую обязанность по хранению документов, предусмотренных законодательством;

5) на дату возбуждения дела о банкротстве в соответствующие реестры не внесены юридически обязательные сведения о корпорации (пункт 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве).

В соответствии с пунктом 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве **размер** субсидиарной ответственности КДЛ равен совокупному размеру требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, а также заявленных после закрытия реестра требований кредиторов и требований кредиторов по текущим платежам, оставшихся не погашенными по причине недостаточности имущества должника. При этом необходимо отметить, что требование о привлечении к субсидиарной ответственности принадлежит независимым от должника кредиторам и является исключительно средством их защиты. В настоящее время абзацем третьим пункта 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве установлено правило, согласно которому в размер субсидиарной ответственности не включаются требования, принадлежащие ответчику либо заинтересованным по отношению к нему лицам.

При заявлении требований о взыскании убытков и/или субсидиарной ответственности необходимо учитывать следующее. В силу статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), пункта 4 статьи 20.4 и пункта 1 статьи 61.13 Закона о банкротстве арбитражный управляющий и руководитель должника обязаны возместить должнику, кредиторам и иным лицам убытки, причиненные ими в результате нарушения законодательства о несостоятельности. В статье 61.13 Закона о банкротстве также определена ответственность КДЛ за фиктивное банкротство и признание (неоспаривание) необоснованных требований кредиторов, предъявленных как в деле о банкротстве, так и вне его.

Конечной целью предъявления соответствующего требования является возмещение вреда, причиненного кредиторам, а потому необходимо учитывать взаимозаменяемость и взаимодополняемость требования о возмещении убытков и требования о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности (пункт 20 постановления № 53); различия таких требований заключаются лишь в том, довело ли контролирующее лицо должника до банкротства либо нет, от чего в итоге зависит подлежащая взысканию сумма. В связи с этим при определении соотношения данных требований необходимо исходить из их зачетного характера по отношению друг к другу (пункт 1 статьи 6, абзац первый пункта 1 статьи 394 ГК РФ; *определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 03.07.20 № 305-ЭС19-17007(2)*).

Конечной целью предъявления требования о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является возмещение вреда, причиненного кредиторам

Как показывают результаты анализа судебной практики, Арбитражным судом Северо-Западного округа (далее — АС СЗО) за полтора года рассмотрено порядка 420 дел, связанных с субсидиарной ответственностью КДЛ, из которых 41 судебный акт отменен или изменен, что составляет примерно 10 процентов от рассмотренных дел.

В большинстве случаев причиной отмен судебных актов первой и апелляционной инстанций судом кассационной инстанции является несоответствие выводов суда, содержащихся в определении, решении, постановлении, фактическим обстоятельствам дела, установленным арбитражным судом первой и апелляционной инстанций, и имеющимся в деле доказательствам (часть 1 статьи 288 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации; далее — АПК РФ).

Применительно к обзору судебной практики АС СЗО можно отметить, что в случае нарушения логической связи между имеющимися в деле доказательствами, обстоятельствами, установленными судом, и теми выводами, которые суд сделал из этих обстоятельств, судебные акты отменяются и дело направляется на новое рассмотрение. При этом суд кассационной инстанции обращает внимание судов на неверное соотнесение установленных обстоятельств с нормой материального права, подлежащей применению, и, как следствие, на неверное ее применение.

Суд кассационной инстанции, руководствуясь статьей 288 АПК РФ, действуя в системной связи с другими положениями главы 35 АПК РФ, с целью исправления возможных судебных ошибок в актах судов первой и апелляционной инстанций достаточно часто указывает на неверно распределенное бремя доказывания и отсутствие правовой оценки представленным документам, добросовестности действий КДЛ.

Теперь обратимся к ситуациям применения судами презумпций доказывания.

КДЛ могут быть привлечены к субсидиарной ответственности, если их виновное поведение привело к невозможности погашения задолженности перед кредиторами должника. При установлении того, повлекло ли поведение КДЛ банкротство должника, необходимо принимать во внимание следующее: 1) наличие у ответчика возможности оказывать существенное влияние на деятельность должника; 2) реализация ответчиком соответствующих полномочий привела (ведет) к негативным для должника и его кредиторов последствиям; масштаб негативных последствий соотносится с масштабами деятельности должника; 3) ответчик является инициатором такого поведения и (или) потенциальным выгодоприобретателем возникших в связи с этим негативных последствий.

... В деле о банкротстве общества определением суда первой инстанции отказано во взыскании с контролировавших должника лиц убытков в порядке субсидиарной ответственности.

Суд апелляционной инстанции определение суда первой инстанции отменил и привлек КДЛ к субсидиарной ответственности по обязательствам общества.

Как следует из материалов дела, общество предоставило значительный кредит технической организации, последняя кредит не вернула и прекратила деятельность.

Документы, связанные с выдачей кредита, руководителем общества не представлены.

Отказывая в удовлетворении заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, суд первой инстанции указал на то, что факт непередачи бывшим руководителем должника документов бухгалтерского учета конкурсному управляющему сам по себе не может быть положен в обоснование удовлетворения заявленных требований даже при презумпции вины лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в том числе и в связи с отсутствием доказательств причинно-следственной связи между его действиями и неплатежеспособностью должника.

Суд апелляционной инстанции не согласился с выводами суда первой инстанции, установив отсутствие в материалах дела доказательств, свидетельствующих о наличии разумных целей в действиях руководителя и учредителя общества, а также о том, что они как бывшие руководители общества передали всю документацию, касающуюся деятельности должника, конкурсному управляющему.

Суд первой инстанции указал, что руководители и участники юридического лица, получившего кредит от должника, не являются субъектами ответственности по пункту 4 статьи 10 Закона о банкротстве, поскольку ответчики не относятся к субъектам такой ответственности.

Как отметил суд округа, пока не доказано иное, предполагается, что должник признан несостоятельным (банкротом) вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица, в том числе в случае причинения вреда имущественным правам кредиторов в результате совершения этим лицом или в пользу этого лица либо одобрения этим лицом одной или нескольких сделок должника.

В конструкцию пункта 4 статьи 10 Закона о банкротстве заложена презумпция причинно-следственной связи между приведенными действиями (бездействием) контролирующих должника лиц и признанием должника несостоятельным (банкротом). При доказанности условий, составляющих презумпцию вины в доведении до банкротства, бремя по ее опровержению

переходит на другую сторону, которая вправе приводить доводы об отсутствии вины, в частности о том, что банкротство вызвано иными причинами, не связанными с недобросовестным поведением ответчика.

Суд апелляционной инстанции посчитал, что платежами, совершенными в нарушение Закона о банкротстве, кредиторам должника причинены убытки. Доказательств обоснованности и разумности своих действий при совершении платежей ответчиками не представлено, преследуемые цели, экономическая целесообразность их совершения ими не раскрыты. Презумпция доведения должника до банкротства в результате заключения убыточных сделок и, как следствие, невозможности удовлетворения требований кредиторов должника ответчиками не опровергнута.

Суд апелляционной инстанции при установлении того, повлекло ли поведение ответчиков банкротство должника, принял во внимание следующее: 1) наличие у ответчика возможности оказывать существенное влияние на деятельность должника; 2) реализация ответчиком соответствующих полномочий привела (ведет) к негативным для должника последствиям; масштаб негативных последствий соотносится с масштабами деятельности должника, то есть способен кардинально изменить структуру его имущества в качественно иное состояние; 3) ответчик является инициатором такого поведения и (или) потенциальным выгодоприобретателем возникших в связи с этим негативных последствий.

Постановление апелляционного суда оставлено судом округа без изменения (*постановление АС СЗО от 01.03.21 по делу № А56-75683/2016*).

В передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам ВС РФ отказано (*определение ВС РФ от 03.06.21 № 307-ЭС19-10761(3)*).

Контролирующее должника лицо несет субсидиарную ответственность по долгам должника-банкрота в случае, когда банкротство вызвано действиями этого лица, заключающимися в организации перевода бизнеса должника на аффилированное ему юридическое лицо и повлекшими банкротство должника.

... В преддверии банкротства общества его руководитель переводит хозяйственно-экономическую деятельность, отношения с контрагентами должника, а также работников должника на аффилированное последнему предприятие.

Должник и предприятие осуществляют деятельность на одном рынке услуг, имеют общую клиентскую базу, местонахождение обеих организаций совпадает. Корпоративная почта предприятия располагалась на одном хостинге и доменном имени с сайтом должника.

Учредитель и директор предприятия являлись работниками должника и имели отношения с группой компаний, в которую входят предприятие и должник.

Конкурсный управляющий обратился в суд первой инстанции с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности КДЛ.

Суд первой инстанции заявление конкурсного управляющего удовлетворил частично, привлек солидарно к субсидиарной ответственности директора должника, а также учредителя и директора предприятия. Суд апелляционной инстанции не нашел оснований для отмены судебного акта.

Суды первой и апелляционной инстанций установили, что учредитель и директор предприятия получили выгоду от перевода хозяйственной и экономической деятельности должника.

Разрешая спор, суды руководствовались положениями статей 10, 61.10 и 61.11 Закона о банкротстве, позицией, изложенной в пункте 12 Обзора судебной практики ВС РФ № 4 (2020), утвержденного Президиумом ВС РФ 23 декабря 2020 года.

Судебные акты оставлены без изменения постановлением суда округа (*постановление АС СЗО от 19.02.21 по делу № А56-70851/2018*).

В передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам ВС РФ отказано (*определение ВС РФ от 16.06.21 № 307-ЭС21-8388(1,2)*).

... В другом случае дело было направлено на новое рассмотрение, поскольку судами не исследованы состав, размер и момент возникновения оставшихся непогашенными требований; применение к должнику финансовой ответственности за просрочку исполнения обязательства не может быть квалифицировано как возникновение у него признаков объективного банкротства (*постановление АС СЗО от 18.06.21 по делу № А44-6845/2017*).

Если при заявлении о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности приведены достаточно серьезные доводы и представлены существенные косвенные доказательства, которые во взаимосвязи позволяют признать убедительными аргументы о возникновении оснований для субсидиарной ответственности, то в силу статьи 65 АПК РФ бремя доказывания обратного переходит на привлекаемое к ответственности лицо.

... Конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности учредителя и директора общества.

Суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении заявления.

Одним из оснований заявления являлся акт выездной налоговой проверки общества и решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения. Конкурсный управляющий указал, что в результате проведения налоговой проверки и начисления соответствующих санкций общество утратило возможность осуществлять хозяйственную деятельность и контролировавшее должника в период совершения налоговых правонарушений лицо должно нести субсидиарную ответственность.

В обоснование требования о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности по обязательствам должника конкурсный управляющий сослался на положения статьи 61.11 Закона о банкротстве.

Из заявления конкурсного управляющего следует, что прекращение финансово-хозяйственной деятельности должника не имело объективных экономических причин и было вызвано привлечением общества к налоговой ответственности.

Сделав вывод об отсутствии оснований для привлечения ответчика к субсидиарной ответственности, суды ограничились ссылкой на то, что заявителем не представлено доказательств противоправных действий ответчика, приведших к нарушению прав кредиторов должника, что противоречит правовым подходам к доказыванию обстоятельств дела о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности.

Суд кассационной инстанции с учетом правового подхода к вопросам доказывания, изложенного в определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15.02.18 № 302-ЭС14-1472(4,5,7), указал, что, если заинтересованные лица привели достаточно серьезные доводы и представили существенные косвенные доказательства, которые во взаимосвязи позволяют признать убедительными их аргументы о возникновении отношений фактического контроля и подчиненности, в силу статьи 65 АПК РФ бремя доказывания обратного переходит на привлекаемое к ответственности лицо, и направил обособленный спор на новое рассмотрение (*постановление АС СЗО от 19.02.21 по делу № А13-3565/2018*).

В предмет доказывания в рамках обособленного спора о применении к КДЛ субсидиарной ответственности в случае предъявления требования к нескольким последовательно сменявшим друг друга лицам, имевшим возможность определять деятельность юридического лица, во всяком случае входят: установление фактов, негативно повлиявших на имущественное положение общества, выделение из указанных фактов обстоятельств, которые привели к его банкротству и невозможности осуществления расчетов с кредиторами и которые повлекли причинение имущественного ущерба без указанных последствий, оценка

правомерности действий контролирующих должника лиц при осуществлении организации его текущей деятельности и (в случае выявления неправомерных действий) установление причинно-следственной связи между указанными действиями и негативными экономическими последствиями для должника, а также степени вины каждого из КДЛ в наступлении указанных последствий.

... В рамках дела о несостоятельности общества конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности нескольких директоров должника, последовательно сменявших друг друга.

Суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении заявления. Суды исходили из того, что полномочия одного из директоров прекратились более чем за три года до возникновения у должника признаков несостоятельности (банкротства), а последним исполнительным органом общества являлась управляющая компания, которая впоследствии ликвидирована.

Отказывая в привлечении директоров к субсидиарной ответственности по мотивам совершения ими от имени общества экономически невыгодных сделок, суды указали, что такие сделки не повлекли объективного банкротства общества.

Как отметил суд кассационной инстанции, положения законодательства не исключают возможность привлечения контролирующего лица к иной ответственности за действия, совершенные за пределами названного трехлетнего периода, например к ответственности, предусмотренной законодательством о юридических лицах (статья 53.1 ГК РФ, статья 71 Федерального закона от 26.12.95 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», статья 44 Федерального закона от 08.02.98 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и т. д.).

Как разъяснено в пунктах 17, 20 постановления № 53, если из-за действий (бездействия) контролирующего лица, совершенных после появления признаков объективного банкротства, произошло несущественное ухудшение финансового положения должника, такое контролирующее лицо может быть привлечено к гражданско-правовой ответственности в виде возмещения убытков по иным, не связанным с субсидиарной ответственностью основаниям.

При решении вопроса о том, какие нормы подлежат применению — общие положения о возмещении убытков (в том числе статья 53.1 ГК РФ) либо специальные правила о субсидиарной ответственности (статья 61.11 Закона о банкротстве), суд в каждом конкретном случае оценивает, насколько существенным было негативное воздействие контролирующего лица (нескольких контролирующих лиц, действовавших совместно либо отдельно) на деятельность должника, проверяя, как сильно в результате такого воздействия

изменилось финансовое положение должника, какие тенденции приобрели экономические показатели, характеризующие должника, после этого воздействия.

Если допущенные контролирующим лицом (несколькими контролирующими лицами) нарушения явились необходимой причиной банкротства, применению подлежат нормы о субсидиарной ответственности (пункт 1 статьи 61.11 Закона о банкротстве), совокупный размер которой, по общим правилам, определяется на основании абзацев первого и третьего пункта 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве.

В том случае, когда причиненный контролирующими лицами вред, исходя из разумных ожиданий, не должен был привести к объективному банкротству должника, такие лица обязаны компенсировать возникшие по их вине убытки в размере, определяемом по правилам статей 15, 393 ГК РФ.

Независимо от того, каким образом при обращении в суд заявитель поименовал вид ответственности и на какие нормы права он сослался, суд применительно к положениям статей 133 и 168 АПК РФ самостоятельно квалифицирует предъявленное требование. При недоказанности оснований привлечения к субсидиарной ответственности, но доказанности противоправного поведения контролирующего лица, влекущего иную ответственность, в том числе установленную статьей 53.1 ГК РФ, суд принимает решение о возмещении таким контролирующим лицом убытков.

Конкурсным управляющим заявлено о применении к ответчикам ответственности в связи с совершением последними действий, повлекших невозможность осуществления расчетов с кредиторами, что предусмотрено статьей 61.11 Закона о банкротстве.

Спорная ответственность подлежит применению за совершение контролирующим должника лицом противоправных действий, повлекших негативные имущественные последствия для должника, которые, как указано выше, выражаются в причинении должнику ущерба. При этом ответственность, как следует из приведенных выше разъяснений, может быть применена, если указанный ущерб повлек возникновение признаков объективного банкротства должника и если указанных последствий не наступило. Наличие или отсутствие причинно-следственной связи между противоправными действиями контролирующего лица и наступлением признаков объективного банкротства имеет значение для квалификации судом подлежащего применению вида ответственности, отсутствие такой причинно-следственной связи применения имущественной ответственности к руководителю должника не исключает.

Таким образом, в предмет доказывания в рамках обособленного спора о применении к контролирующим должника лицам субсидиарной ответственности в случае предъявления требования к нескольким последовательно сменявшим друг друга лицам, имевшим возможность определять деятельность юридического лица, во всяком случае входят: установление фактов, негативно повлиявших на

имущественное положение общества, выделение из указанных фактов обстоятельств, которые привели к его банкротству и невозможности осуществления расчетов с кредиторами и которые повлекли причинение имущественного ущерба без указанных последствий, оценка правомерности действий контролирующих должника лиц при осуществлении организации его текущей деятельности и (в случае выявления правонарушений) установление причинно-следственной связи между указанными действиями и негативными экономическими последствиями для должника, а также степени вины каждого из контролирующих лиц в наступлении указанных последствий.

Неправомерные действия (бездействие) контролирующего лица могут выражаться, в частности, в принятии ключевых деловых решений с нарушением принципов добросовестности и разумности, в том числе в согласовании, заключении или одобрении сделок на заведомо невыгодных условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом (фирмой-однодневкой и т. п.), даче указаний по поводу совершения явно убыточных операций, назначении на руководящие должности лиц, результат деятельности которых будет очевидно не соответствовать интересам возглавляемой организации, создании и поддержании такой системы управления должником, которая нацелена на систематическое извлечение выгоды третьим лицом во вред должнику и его кредиторам, и т. д.

При рассмотрении заявления конкурсного управляющего о привлечении к ответственности руководителей должника суды дали лишь формальную оценку наличию предусмотренных пунктом 4 статьи 10, статьей 61.11 Закона о банкротстве презумпций, фактически не исследовав и не установив причины банкротства общества, в частности связанные с нецелевым использованием предоставленного ему третьим лицом финансирования, которое явилось непосредственной причиной предъявления заявителем по делу о банкротстве обществу имущественного требования, а также с достаточной степенью вероятности могло исключить возможность исполнения обществом предъявленного ему требования.

Суд первой инстанции при определении круга лиц, на которых следует возложить ответственность за невозможность осуществления обществом расчетов по своим обязательствам после предъявления к нему требования третьим лицом, не дал оценки разумности и добросовестности действий ответчиков при организации текущей деятельности общества, связанной с использованием выделенного финансирования, особенностями и целями ее осуществления применительно к периоду деятельности каждого из ответчиков.

Суд апелляционной инстанции, в том числе применив положения статьи 61.10 Закона о банкротстве об ограничении периода контроля над обществом применительно к рассмотрению вопроса об ответственности контролирующих должника лиц в деле о банкротстве, не установил момента наступления

обстоятельств, которые повлекли за собой предъявление заявителем к обществу требования о возврате неосновательного обогащения, равно как и послужили причиной невозможности его исполнения.

Учитывая изложенное, суд кассационной инстанции направил обособленный спор на новое рассмотрение (*постановление АС СЗО от 15.06.21 по делу № А56-111609/2018*).

В передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам ВС РФ отказано (*определение ВС РФ от 20.09.21 № 307-ЭС21-16100*).

Необходимо отметить, что к вопросам актуальности оценки степени вины КДЛ в доведении корпораций до несостоятельности суд кассационной инстанции обращался неоднократно (*постановления АС СЗО от 21.04.21 по делу № А56-39962/2017, от 11.12.20 по делу № А56-61918/2018*).

Пока не доказано иное, предполагается, что лицо являлось контролирующим должника, если это лицо в том числе являлось руководителем должника.

... Конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности по обязательствам общества-должника.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда, в удовлетворении заявления отказано.

Суды отметили, что ответчик не является КДЛ, поскольку запись в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ) об ответчике как участнике и руководителе общества признана недостоверной.

В кассационной жалобе Федеральная налоговая служба (далее — ФНС) указала, что внесения записи о недостоверности сведений в ЕГРЮЛ недостаточно для освобождения ответчика от субсидиарной ответственности, поскольку ответчик представлял сведения в ЕГРЮЛ, подписывал налоговые декларации как руководитель общества. По мнению ФНС, суд, сделав вывод о том, что ответчик не является контролирующим должника лицом, в таком случае должен был выявить фактического бенефициара должника и его руководителя.

Суд кассационной инстанции отметил, что в силу пункта 1 статьи 61.10 Закона о банкротстве под контролирующим должника лицом понимается физическое лицо, имеющее право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий. Пока не доказано иное, предполагается, что лицо являлось контролирующим должника, если это лицо в том числе являлось руководителем должника (подпункт 1 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве).

Из материалов регистрационного дела следует, что сведения о возложении на ответчика обязанностей единоличного исполнительного органа общества внесены в ЕГРЮЛ на основании заявления ответчика с удостоверением подлинности его подписи нотариусом.

При таком положении суд кассационной инстанции согласился с доводом ФНС о том, что внесение в ЕГРЮЛ записей о недостоверности ранее зарегистрированных изменений в сведения об обществе само по себе не свидетельствует ни о том, что ответчик не является контролирующим должника лицом, ни о наличии оснований для его освобождения от субсидиарной ответственности.

Обособленный спор направлен на новое рассмотрение (*постановление АС СЗО от 14.04.21 по делу № А21-14700/2019*).

Рассмотренные судами схожие по обстоятельствам дела по применению презумпций свидетельствуют о том, что практика по данному вопросу устоялась, обычно обособленные споры передаются на новое рассмотрение по причине недостаточного исследования доводов заявителей (*постановления АС СЗО от 23.04.19 по делу № А56-80045/2015, от 27.06.21 по делу № А56-46040/2017, от 03.03.20 по делу № А56-18880/2016, от 15.09.20 по делу № А56-10016/2017, от 15.10.20 по делу № А56-76234/2018, от 27.11.20 по делу № А56-2785/2019, от 01.12.20 по делу № А56-34933/2018, от 22.07.20 по делу № А44-10978/2018, от 22.06.20 по делу № А56-112523/2017, от 25.02.20 по делу № А56-78438/2017, от 17.06.20 по делу № А56-85853/2016, от 14.05.21 по делу № А56-52527/2019*).

Презумпция вины

Контролирующие должника лица могут быть привлечены к субсидиарной ответственности, если их виновное поведение привело к невозможности погашения задолженности перед кредиторами должника.

... Обществом в преддверии несостоятельности последовательно руководили директор-1 и директор-2.

Конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности директора-2.

Суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили заявление. Основанием ответственности послужил ряд сделок по отчуждению имущества должника, бездействие директора-2 при передаче конкурсному управляющему документации должника, не обращение в суд с заявлением о несостоятельности (банкротстве) должника.

Суд округа отметил, что согласно позиции ВС РФ, изложенной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 22.06.20 № 307-

ЭС19-18723(2,3), контролирующие должника лица могут быть привлечены к субсидиарной ответственности, если их виновное поведение привело к невозможности погашения задолженности перед кредиторами должника.

При установлении того, повлекло ли поведение ответчиков банкротство должника, необходимо принимать во внимание следующее:

1) наличие у ответчика возможности оказывать существенное влияние на деятельность должника;

2) реализация ответчиком соответствующих полномочий привела (ведет) к негативным для должника и его кредиторов последствиям; масштаб негативных последствий соотносится с масштабами деятельности должника, то есть способен кардинально изменить структуру его имущества в качественно иное — банкротное состояние (однако не могут быть признаны в качестве оснований для субсидиарной ответственности действия по совершению хоть и не выгодных, но несущественных по своим размерам и последствиям для должника сделок);

3) ответчик является инициатором такого поведения и (или) потенциальным выгодоприобретателем возникших в связи с этим негативных последствий.

Должником были совершены сомнительные сделки как в период руководства должником директором-1, так и во время руководства директора-2.

Кассационная инстанция указала, что суды не определили степень вовлеченности каждого из руководителей общества в конкретный период деятельности, не выяснили, кто конкретно из контролирующих должника лиц совершил сомнительные сделки и являются ли такие сделки единственной причиной несостоятельности; то есть не установлено, чьи и какие именно действия привели к банкротству общества. Суд округа направил обособленный спор на новое рассмотрение (*постановление АС СЗО от 03.08.21 по делу № А13-9038/2016*).

Доказывая отсутствие оснований привлечения к субсидиарной ответственности, в том числе при опровержении установленных законом презумпций (пункт 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве), контролирующее лицо вправе ссылаться на то, что банкротство обусловлено исключительно внешними факторами: неблагоприятной рыночной конъюнктурой, финансовым кризисом, существенным изменением условий ведения бизнеса, авариями, стихийными бедствиями, иными событиями и т. п.

... В деле о банкротстве общества конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении бывшего руководителя общества к субсидиарной ответственности по обязательствам должника.

Суд первой инстанции привлек руководителя к субсидиарной ответственности, судебный акт оставлен без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций.

Руководитель должника в качестве возражений указывал, что к лицу, привлекаемому к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, не может быть применена презумпция вины ввиду наличия объективных причин невозможности передать документацию конкурсному управляющему: в данном случае документация, по предположению директора, удерживается третьим лицом.

Как указал суд кассационной инстанции, в силу подпункта 2 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве, пока не доказано иное, предполагается, что полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица, если документы бухгалтерского учета и (или) отчетности отсутствуют, в результате чего существенно затруднено проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, в том числе формирование и реализация конкурсной массы.

Исходя из разъяснений, изложенных в пункте 24 постановления № 53, применяя при разрешении споров о привлечении к субсидиарной ответственности презумпции, связанные с непередачей документации (подпункт 2 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве), необходимо учитывать, что заявитель должен представить суду объяснения относительно того, как отсутствие документации (отсутствие в ней полной информации или наличие в документации искаженных сведений) повлияло на проведение процедур банкротства.

Привлекаемое к ответственности лицо вправе опровергнуть названные презумпции, доказав, что недостатки представленной управляющему документации не привели к существенному затруднению проведения процедур банкротства, либо доказав отсутствие вины в передаче, ненадлежащем хранении документации, в частности подтвердив, что им приняты все необходимые меры для исполнения обязанностей по ведению, хранению и передаче документации при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась.

Под существенным затруднением проведения процедур банкротства понимается в том числе невозможность выявления всего круга лиц, контролирующих должника, его основных контрагентов, а также:

- невозможность определения основных активов должника и их идентификации;
- невозможность выявления совершенных в период подозрительности сделок и их условий, не позволившая проанализировать данные сделки и рассмотреть вопрос о необходимости их оспаривания в целях пополнения конкурсной массы;

— невозможность установления содержания принятых органами должника решений, исключившая проведение анализа этих решений на предмет причинения ими вреда должнику и кредиторам и потенциальную возможность взыскания убытков с лиц, являющихся членами данных органов.

Суды приняли во внимание приведенные доводы о том, что отсутствие документов, опосредующих хозяйственные операции должника, создало существенные затруднения для выявления и оспаривания подозрительных сделок общества, и привлекли КДЛ к ответственности.

В рассматриваемом случае конкурсный управляющий представил суду объяснения относительно того, как отсутствие документации должника повлияло на проведение процедур банкротства. В свою очередь, ответчик не опроверг презумпции, связанные с непередачей документации (подпункт 2 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве), не доказал, что недостатки представленной управляющему документации не привели к существенному затруднению проведения процедур банкротства, не представил доказательства своей невиновности в передаче, ненадлежащем хранении документации, в частности не подтвердил, что им приняты все необходимые меры для исполнения обязанностей по ведению, хранению и передаче документации при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась (*постановление АС СЗО от 18.06.21 по делу № А56-133070/2018*).

В передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам ВС РФ отказано (*определение ВС РФ от 09.09.21 № 307-ЭС21-14859*).

При рассмотрении дела о привлечении к субсидиарной ответственности необходимо дифференцировать степень подлежащей применению ответственности к каждому из контролирующих лиц применительно к степени их участия в деятельности общества и вины в совершении вменяемых им нарушений.

... В рамках дела о банкротстве общества конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности по долгам общества его директора и единственного участника.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда, требование конкурсного управляющего удовлетворено: директор и участник общества солидарно привлечены к субсидиарной ответственности на основании пункта 4 статьи 10, статей 61.11 и 61.12 Закона о банкротстве.

Заявляя требование о субсидиарной ответственности к ответчикам, конкурсный управляющий указал на то, что руководитель и участник общества были обязаны принять решение об обращении в суд с заявлением о банкротстве

должника в момент объективного банкротства. Кроме того, заявитель констатировал, что ряд сделок, совершенных должником с одобрением их участником общества, являются убыточными, что повлияло на платежеспособность общества.

Суд кассационной инстанции отметил, что, поскольку деятельность юридического лица опосредуется множеством сделок и иных операций, по общему правилу не может быть признана единственной предпосылкой банкротства последняя инициированная контролирующим лицом сделка (операция), которая привела к критическому изменению возникшего ранее неблагоприятного финансового положения — появлению признаков объективного банкротства.

Исходя из разъяснений пункта 9 постановления № 53, само по себе ухудшение финансового положения должника, равно как и появление задолженности перед отдельными кредиторами, не указывает с обязательностью на возникновение обязанности его руководителя по обращению в суд. Директором даны объяснения о принятых им мерах по выходу общества из финансового кризиса.

Делая вывод о том, что ответчики не обосновали причины непринятия ими всех необходимых мер, направленных на поддержание платежеспособности общества, суды двух инстанций оценки доводов, которые привели ответчики, по существу не дали. Судами не принята во внимание буквальная формулировка условия презумпции вины контролирующего должника лица в наступлении банкротства в результате совершения им экономически невыгодных сделок, приведенная как в пункте 4 статьи 10, так и в пункте 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве, исходя из которой следует, что ответственность в данном случае возлагается преимущественно на лицо, совершившее от имени должника такую сделку. Фактов прямого руководства учредителем текущей деятельностью общества и совершения от его имени экономически невыгодных сделок судами не установлено.

Ответственность указанных лиц при таких обстоятельствах должна применяться с учетом эпизодов, положенных в ее основание, которые могут быть вменены каждому из ответчиков, и с учетом степени негативного влияния на деятельность должника действий (бездействия) каждого из них. Фактическая и корпоративная аффилированность директора и участника сама по себе не является основанием для применения к ним равной солидарной ответственности.

Суд кассационной инстанции указал на то, что спорные сделки совершены ранее момента объективного банкротства, каких-либо негативных последствий на деятельность общества не оказали, поскольку в последующем требований к должнику по сделкам не предъявлено и сумма задолженности не являлась критичной для должника.

Дело направлено на новое рассмотрение с указанием на необходимость дифференцирования подлежащей применению ответственности к каждому из контролирующих лиц применительно к степени их участия в деятельности общества и вины в совершении вменяемых им нарушений. В силу разъяснений пунктов 18–20 постановления № 53, оценивая действия (бездействие) ответчиков, суды должны: принять во внимание то, насколько имел место рисковый характер предпринимательской деятельности должника (исходя из его уставной и фактической деятельности, ординарности или неординарности сделок), и установить конкретные обстоятельства, характеризующие разумность и добросовестность поведения ответчиков в период наступления финансового кризиса для общества, а также после появления у него признаков объективного банкротства; определить наличие (отсутствие) объективных и/или субъективных причин, повлиявших на наступление финансового кризиса в обществе, и дать им оценку; оценить существенность негативного влияния на деятельность должника действий контролирующих лиц, в частности по совершению сделок, оспоренных в деле о банкротстве; проверить, насколько сильно в результате такого воздействия изменилось финансовое положение должника и какие тенденции приобрели экономические показатели, характеризующие положение должника, после этого воздействия; установить те действия контролирующих должника лиц, которые явились очевидной причиной банкротства, и подлежащую применению гражданско-правовую ответственность исходя из указанных обстоятельств (*постановление АС СЗО от 09.07.21 по делу № А13-6835/2018*).

При применении презумпции вины в несостоятельности должника в случае отсутствия документов его бухгалтерского учета КДЛ может быть привлечено к субсидиарной ответственности в случае, если отсутствие документации реально повлекло невозможность осуществления расчетов с кредиторами и банкротство общества. При наличии в материалах дела доказательств, подтверждающих соблюдение положений относительно порядка ведения бухгалтерского учета должника и хранения его документации, бремя доказывания недостаточности документации должно возлагаться на другую сторону спора.

... В рамках процедуры конкурсного производства конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности директора общества.

Суд первой инстанции заявление удовлетворил частично. Постановлением апелляционного суда определение в обжалуемой части оставлено без изменения.

Суд кассационной инстанции направил обособленный спор на новое рассмотрение, поскольку суды не приняли во внимание факт прекращения доступа КДЛ на территорию должника, который находится на охраняемой территории аэропорта, следствием чего стала невозможность передачи документов КДЛ конкурсному управляющему.

В силу пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве, пока не доказано иное, предполагается, что полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица. В опровержение презумпции, связанной с непредставлением конкурсному управляющему документации, необходимой для формирования конкурсной массы, директор со ссылкой на представленные в материалы дела доказательства указал, что конкурсный управляющий не только имеет доступ к документации должника по месту его нахождения, но и использует указанную документацию в ходе процедур конкурсного производства.

При применении презумпции вины в несостоятельности должника в случае отсутствия документов его бухгалтерского учета или отчетности КДЛ может быть привлечено к субсидиарной ответственности лишь в том случае, если отсутствие документации реально повлекло невозможность осуществления расчетов с кредиторами и банкротство общества. Судами указанные обстоятельства не проверены, конкретная документация, отсутствие которой могло бы затруднить осуществление процедуры конкурсного производства, не установлена, причинно-следственная связь между бездействием КДЛ по представлению документации конкурсному управляющему и невозможностью погашения требований кредиторов не оценена.

При таких обстоятельствах обособленный спор направлен на новое рассмотрение (*постановление АС СЗО от 14.04.21 по делу № А05-9088/2018*).

В передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ отказано (*определение ВС РФ от 23.07.21 № 307-ЭС21-10921(1,2)*).

... При других обстоятельствах обособленный спор направлен на новое рассмотрение, поскольку не установлено, непередача какой именно документации влечет невозможность определения и идентификации активов должника и каким образом непередача (неполная передача) документации повлекла невозможность формирования конкурсной массы (*постановление АС СЗО от 20.02.20 по делу № А56-36289/2017*).

Проблемы исполнения руководителями обязанности по передаче документов также отмечены в *постановлениях АС СЗО от 03.03.20 по делу № А56-12974/2015, от 25.06.20 по делу № А05-13802/2017, от 19.10.20 по делу № А66-5953/2018, от 30.10.20 по делу № А56-44467/2017, от 15.02.21 по делу №*

A66-16823/2017, от 21.05.21 по делу № A56-28388/2016, от 23.07.20 по делу № A52-1240/2016.

Необходимым условием для возложения субсидиарной ответственности по обязательствам должника на КДЛ является наличие причинно-следственной связи между использованием ответчиком своих прав и (или) возможностей в отношении должника и действиями (бездействием) должника, повлекшими его несостоятельность (банкротство), при обязательном наличии вины ответчика в банкротстве должника.

... В рамках дела о банкротстве общества конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением, в котором просил привлечь КДЛ к субсидиарной ответственности.

В солидарном порядке в конкурсную массу с КДЛ взысканы денежные средства.

Как отметил суд округа, при доказанности условий, составляющих презумпцию вины в доведении до банкротства, бремя по ее опровержению переходит на другую сторону, которая вправе приводить доводы об отсутствии вины, в частности о том, что банкротство вызвано иными причинами, не связанными с недобросовестным поведением ответчика.

КДЛ указали, что имелся бизнес-план инвестиционного проекта в подтверждение добросовестности действий руководителей должника и такой бизнес-план находится у банка.

В соответствии с правовой позицией ВС РФ, изложенной в определении от 21.04.16 № 302-ЭС14-1472, суд должен проверить, каким образом действия контролирующего лица повлияли на финансовое состояние должника.

В силу разъяснений, приведенных в абзаце третьем пункта 12 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.15 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство (пункт 2 статьи 401 ГК РФ). По общему правилу лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине (пункт 2 статьи 1064 ГК РФ). Бремя доказывания своей невиновности лежит на лице, нарушившем обязательство или причинившем вред. Вина в нарушении обязательства или в причинении вреда предполагается, пока не доказано обратное.

Таким образом, необходимыми условиями для возложения субсидиарной ответственности по обязательствам должника на учредителя, участника или иных лиц, которые имеют право давать обязательные для должника указания либо имеют возможность иным образом определять его действия, являются наличие

причинно-следственной связи между использованием ответчиком своих прав и (или) возможностей в отношении должника и действиями (бездействием) должника, повлекшими его несостоятельность (банкротство), при обязательном наличии вины ответчика в банкротстве должника; наличие причинной связи между обязательными указаниями, действиями названных лиц и фактом банкротства должника с учетом распределения бремени доказывания.

Доказывая отсутствие оснований привлечения к субсидиарной ответственности, в том числе при опровержении установленных законом презумпций (пункт 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве), контролирующее лицо вправе ссылаться на то, что банкротство обусловлено исключительно внешними факторами.

В рассматриваемом случае КДЛ при рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции ссылались на то, что имелся инвестиционный проект, позволяющий в результате ряда сделок получить значительный имущественный актив.

Вместе с тем судом апелляционной инстанции были исследованы только несколько договоров, заключенных банком и должником, что не позволило суду надлежащим образом оценить совокупность отношений общества и банка.

Учитывая наличие в материалах дела документов, свидетельствующих о существовании бизнес-плана возможного выхода из имущественного кризиса, а также отклонение судом апелляционной инстанции ходатайства ответчиков об истребовании названного бизнес-плана у банка, который, в свою очередь, выразил согласие его предоставить по запросу суда, вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии доказательств существования бизнес-плана является необоснованным.

При таких обстоятельствах обособленный спор направлен на новое рассмотрение (*постановление АС СЗО от 23.03.21 по делу № А56-87223/2016*).

Если совершение КДЛ сделок с имуществом должника в свою пользу явилось причиной ухудшения финансового положения должника, повлекло причинение существенного вреда правам кредиторов и привело к банкротству общества, то имеются основания для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности по обязательствам должника.

... В деле о несостоятельности общества конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении КДЛ солидарно к субсидиарной ответственности по обязательствам должника.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда, заявление удовлетворено.

В кассационной жалобе один из ответчиков указывал, что на момент возникновения обязанности по передаче конкурсному управляющему бухгалтерской документации общества он не являлся руководителем должника.

Как отметил суд кассационной инстанции, удовлетворяя заявление конкурсного управляющего, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что заявитель представил достаточные объяснения относительно того, как отсутствие документации должника повлияло на проведение процедур банкротства, при этом ответчики не доказали отсутствие своей вины в непередаче, ненадлежащем хранении документации общества.

Акт передачи бухгалтерской документации, на который ссылался податель жалобы, суды сочли ненадлежащим доказательством такой передачи. Из содержания копии данного акта, приобщенной к материалам дела, следует, что он носит общий характер и в нем не приведены перечень и количество конкретных документов, подлежащих передаче.

Суды также учли, что ответчики, являющиеся родственниками, не обосновали причины, по которым копия указанного акта не направлялась по почте и не передавалась ранее в ходе судебных заседаний конкурсному управляющему либо суду в рамках основного дела о банкротстве и в рамках иных обособленных споров; акт был представлен в материалы дела только спустя год после возбуждения производства о несостоятельности (*постановление АС СЗО от 15.06.20 по делу № А56-39571/2015*).

К актуальным вопросам вины контролирующих должника лиц АС СЗО также обращался в своих *постановлениях от 25.06.21 по делу № А21-4651/2016 и от 19.02.20 по делу № А56-62071/2016*, где указывал на необходимость определения степени влияния поведения каждого из контролирующих лиц на наступление признаков объективного банкротства.

Соотношение убытков и субсидиарной ответственности

Положения статьи 61.17 Закона о банкротстве о распоряжении кредиторами правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности могут применяться к праву требования о взыскании с контролирующего должника лица убытков.

... Арбитражный суд первой инстанции определением, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда, произвел замену взыскателя по определению о взыскании с КДЛ убытков с должника.

В кассационной жалобе КДЛ указало, что кредиторы не вправе распоряжаться правом требования к нему в порядке статьи 61.17 Закона о банкротстве, поскольку с КДЛ в пользу должника взысканы именно убытки и лицо

не было привлечено к субсидиарной ответственности по обязательствам должника.

Суд кассационной инстанции указал, что требование о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве представляет собой групповой косвенный иск, так как предполагает предъявление полномочным лицом в интересах группы лиц, объединяющей правовое сообщество кредиторов должника, требования к контролирующим лицам, направленного на компенсацию последствий их негативных действий по доведению должника до банкротства. Такой иск направлен на возмещение вреда, причиненного контролирующим лицом кредитору. Соответствующий подход нашел свое подтверждение в пунктах 2, 6, 15, 22 постановления № 53.

Вместе с тем в институте субсидиарной ответственности остается неизменной генеральная идея о том, что конечная цель предъявления соответствующего требования заключается в необходимости возместить вред, причиненный кредиторам. Именно поэтому в числе прочего Пленум ВС РФ исходит из взаимозаменяемого и взаимодополняемого характера рядового требования о возмещении убытков и требования о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности (пункт 20 постановления № 53). Разница заключается лишь в том, довело ли контролирующее лицо должника до банкротства либо нет, от чего зависит подлежащая взысканию сумма, так как размер ответственности сам по себе правовую природу требований никак не характеризует.

Независимо от того, каким образом при обращении в суд заявитель поименовал вид ответственности и на какие нормы права он сослался, суд самостоятельно квалифицирует предъявленное требование.

Законом о банкротстве кредиторам после удовлетворения иска о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности предоставлено полномочие выбрать способ распоряжения требованием к контролирующему лицу в виде уступки кредитору части этого требования в размере требования кредитора (подпункт 3 пункта 2 статьи 61.17).

С учетом единой гражданско-правовой природы субсидиарной ответственности и требования о взыскании убытков с контролирующего должника лица суды первой и апелляционной инстанций обоснованно применили положения статьи 61.17 Закона о банкротстве о распоряжении кредиторами правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности к праву требования о взыскании с контролирующего должника лица убытков (*постановление АС СЗО от 30.07.21 по делу № А26-1616/2015*).

Субсидиарная ответственность и возмещение убытков представляют собой меры гражданско-правовой ответственности, при этом привлечение к

субсидиарной ответственности контролирующего должника лица по тем же основаниям, по которым последний уже привлечен к ответственности в виде взыскания убытков, приведет к повторному привлечению к гражданской ответственности за одни и те же действия, что нормами действующего законодательства не предусмотрено.

... Конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о взыскании убытков с бывшего руководителя должника.

В заявленных требованиях отказано.

Как установлено судами, определением арбитражного суда в рамках другого обособленного спора бывший руководитель общества привлечен к субсидиарной ответственности по долгам должника. В определении указано, что одним из оснований субсидиарной ответственности стали действия КДЛ по перечислению в пользу третьих лиц денежных средств.

Основанием требований о взыскании убытков с КДЛ являлись те же платежи в пользу третьих лиц, что и в деле о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности.

Рассмотрев требование о взыскании убытков с бывшего руководителя должника, суды первой и апелляционной инстанций отказали в его удовлетворении исходя из того, что за вменяемые действия, приведшие к причинению ущерба должнику, ответчик уже привлечен к субсидиарной ответственности и взыскание с него убытков за те же самые действия приведет к двойной ответственности. На недопустимость возмещения убытков и привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по одним и тем же основаниям с учетом зачетного характера указано в определении ВС РФ от 03.07.20 № 305-ЭС19-17007(2).

Суд кассационной инстанции не нашел оснований для отмены судебных актов (*постановление АС СЗО от 16.07.20 по делу № А21-328/2016*).

... При рассмотрении аналогичного спора суд кассационной инстанции указал на необходимость проверки наличия оснований для взыскания с руководителя убытков, в том числе установления того, не имеют ли они зачетного характера по отношению к субсидиарной ответственности (*постановление АС СЗО от 27.05.21 по делу № А21-155/2017*).

Размер ответственности

Если на момент рассмотрения заявления о привлечении к субсидиарной ответственности невозможно определить ее размер, арбитражный суд после установления всех имеющих значение для

привлечения к субсидиарной ответственности фактов выносит определение, содержащее в резолютивной части выводы о доказанности наличия оснований для привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности и о приостановлении рассмотрения этого заявления до окончания расчетов с кредиторами.

... Конкурсные кредиторы общества обратились в арбитражный суд с заявлениями о привлечении бывшего руководителя должника к субсидиарной ответственности и взыскании с него денежных средств в размере 76 386 787 рублей.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявлений.

Постановлением апелляционного суда определение отменено, принят новый судебный акт о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности и взыскании с него в конкурсную массу должника 76 386 798 рублей.

На момент принятия постановления апелляционного суда мероприятия по формированию конкурсной массы общества не завершены.

Как отметил суд кассационной инстанции, в силу пункта 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица равен совокупному размеру требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, а также заявленных после закрытия реестра требований кредиторов и требований кредиторов по текущим платежам, оставшихся не погашенными по причине недостаточности имущества должника.

Согласно пункту 7 статьи 61.16 Закона о банкротстве, если на момент рассмотрения заявления о привлечении к субсидиарной ответственности по основанию, предусмотренному статьей 61.11 названного закона, невозможно определить размер субсидиарной ответственности, арбитражный суд после установления всех иных имеющих значение для привлечения к субсидиарной ответственности фактов выносит определение, содержащее в резолютивной части выводы о доказанности наличия оснований для привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности и о приостановлении рассмотрения этого заявления до окончания расчетов с кредиторами либо до окончания рассмотрения требований кредиторов, заявленных до окончания расчетов с кредиторами.

Для определения размера ответственности субсидиарных должников необходимо установить, какая часть требований кредиторов может быть погашена за счет имущества основного должника. До завершения реализации имущества должника данный вопрос не может быть разрешен с достаточной степенью достоверности.

Суд кассационной инстанции указал на то, что мероприятия по формированию конкурсной массы общества не завершены, конкурсным управляющим принимаются меры по пополнению конкурсной массы, в том числе

оспорены и признаны судом недействительными сделки должника с применением последствий их недействительности в виде взыскания денежных средств в конкурсную массу.

В связи с изложенным постановление апелляционного суда отменено, рассмотрение обособленного спора в части размера субсидиарной ответственности приостановлено судом кассационной инстанции до окончания расчетов с кредиторами (*постановление АС СЗО от 28.06.21 по делу № А56-61555/2019*).

Если банкротство наступило в результате действий (бездействия) контролирующего лица, однако помимо названных действий (бездействия) увеличению размера долговых обязательств способствовали и внешние факторы (например, имел место неправомерный вывод активов должника под влиянием контролирующего лица и одновременно порча произведенной должником продукции), размер субсидиарной ответственности контролирующего лица может быть уменьшен по правилам абзаца второго пункта 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве.

... В рамках дела о банкротстве общества ФНС обратилась в арбитражный суд с заявлением о привлечении директоров и участников общества к субсидиарной ответственности по обязательствам должника и о взыскании с них в солидарном порядке 2 747 226 000 рублей в конкурсную массу.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда, заявление удовлетворено частично: двое из трех ответчиков привлечены к субсидиарной ответственности по обязательствам общества.

Производство по обособленному спору приостановлено до окончания расчетов с кредиторами должника.

Постановлением суда кассационной инстанции определение и постановление отменены в части привлечения одного из директоров общества, одновременно являющегося участником контрагентов общества, к субсидиарной ответственности по обязательствам должника. В остальной части судебные акты оставлены без изменения. Определением ВС РФ от 07.10.19 № 307-ЭС17-11745(2) постановление суда кассационной инстанции отменено, определение и постановление оставлены в силе.

Суд первой инстанции возобновил производство по делу. ФНС в порядке статьи 49 АПК РФ уточнила ранее заявленное требование и просила солидарно взыскать с КДЛ 2 742 051 000 рублей.

КДЛ ходатайствовали об уменьшении размера субсидиарной ответственности, поскольку к негативным последствиям привело доначисление

недоимки по налогам и сборам, ряд сделок должника, перечисленных в заявлении о привлечении к субсидиарной ответственности, были совершены в рамках обычной хозяйственной деятельности.

Как указал суд округа, в абзаце третьем пункта 19 постановления № 53 разъяснено, что, если банкротство наступило в результате действий (бездействия) контролирующего лица, однако помимо названных действий (бездействия) увеличению размера долговых обязательств способствовали и внешние факторы (например, имел место неправомерный вывод активов должника под влиянием контролирующего лица и одновременно порча произведенной должником продукции), размер субсидиарной ответственности контролирующего лица может быть уменьшен по правилам абзаца второго пункта 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве.

Тем самым размер ответственности контролирующего должника лица может быть уменьшен лишь в случае представления таким лицом достоверных доказательств наличия иных, имевших место помимо его действий (бездействия) обстоятельств, повлекших неплатежеспособность должника. Такие доказательства КДЛ в материалы дела не представлены, в связи с чем основания для снижения размера ответственности отсутствуют (*постановление АС СЗО от 02.12.20 по делу № А56-83793/2014*).

Вывод суда, изложенный в резолютивной части определения о приостановлении производства по делу, о наличии оснований для привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности является общеобязательным, что исключает повторную проверку этого вывода после возобновления производства по обособленному спору.

... Конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении в солидарном порядке к субсидиарной ответственности КДЛ в размере требований кредиторов, оставшихся непогашенными.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда и суда округа, заявление конкурсного управляющего удовлетворено; производство по заявлению приостановлено до окончания расчетов с кредиторами.

По ходатайству конкурсного управляющего протокольным определением производство по обособленному спору возобновлено.

Определением, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда, заявление конкурсного управляющего удовлетворено частично: с КДЛ в пользу должника и его кредиторов солидарно в порядке

привлечения к субсидиарной ответственности взыскана соответствующая денежная сумма.

КДЛ указали на отсутствие законных оснований для привлечения их к субсидиарной ответственности и неправомерность включения в размер субсидиарной ответственности судебных расходов. По мнению КДЛ, судебные расходы подлежат взысканию с должника или заявителя по делу о несостоятельности на основании статьи 59 Закона о банкротстве.

Суды, руководствуясь пунктом 43 постановления № 53, указали, что изложенный в резолютивной части определения о приостановлении производства по делу вывод суда о наличии оснований для привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности является общеобязательным (статья 16 АПК РФ), что исключает повторную проверку этого вывода после возобновления производства по обособленному спору на основании абзаца первого пункта 9 статьи 61.16 Закона о банкротстве.

При определении размера субсидиарной ответственности с учетом оценки представленных конкурсным управляющим доказательств судами учтено положение пункта 9 статьи 61.11 Закона о банкротстве, которым допускается возможность уменьшения размера или полного освобождения от субсидиарной ответственности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, если это лицо докажет, что оно при исполнении функций органов управления или учредителя (участника) юридического лица фактически не оказывало определяющего влияния на деятельность юридического лица (осуществляло функции органа управления номинально), и если благодаря предоставленным этим лицом сведениям установлено фактически контролировавшее должника лицо, в том числе отвечающее условиям, указанным в подпунктах 2 и 3 пункта 4 статьи 61.10 названного закона, и (или) обнаружено скрывавшееся последним имущество должника и (или) контролирующего должника лица. Вопреки требованиям статьи 65 АПК РФ, доказательств наличия указанных обстоятельств в материалах дела не усматривается.

Определение суда первой инстанции и постановление апелляционного суда оставлены без изменения судом кассационной инстанции (*постановление АС СЗО от 04.09.20 по делу № А05-14106/2016*).

Срок привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности

Для целей применения специальных положений законодательства о субсидиарной ответственности по общему правилу принимается во внимание трехлетний период, предшествующий моменту, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования

кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов (момент объективного банкротства).

... В деле о банкротстве общества конкурсный кредитор обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности бывшего директора должника и его участников.

Определением суда первой инстанции признано доказанным наличие оснований для привлечения директора и участников общества к субсидиарной ответственности по обязательствам должника.

Постановлением апелляционного суда определение отменено в части признания доказанным наличия оснований для привлечения участников общества к субсидиарной ответственности. Суд апелляционной инстанции посчитал ошибочным вывод суда первой инстанции о возложении на участников общества ответственности за нарушение ведения бухгалтерского учета должником. Также апелляционный суд указал на соблюдение участниками публичного порядка ликвидации должника.

Как отметил суд округа, в пункте 4 постановления № 53 разъяснено, что по смыслу взаимосвязанных положений абзаца второго статьи 2, пункта 2 статьи 3, пунктов 1 и 3 статьи 61.10 Закона о банкротстве для целей применения специальных положений законодательства о субсидиарной ответственности по общему правилу учитывается контроль, имевший место в период, предшествующий фактическому возникновению признаков банкротства, независимо от того, скрывалось ли действительное финансовое состояние должника или нет, то есть принимается во внимание трехлетний период, предшествующий объективному банкротству.

Суд кассационной инстанции указал, что суды не установили ни конкретной даты, с которой должником была утрачена способность удовлетворить требования кредиторов, ни момент возникновения фактических признаков банкротства. Отсутствие указанных сведений исключает возможность как определить контролирующее должника лицо, ответственное за его банкротство, так и решить вопрос о наличии оснований для применения субсидиарной ответственности.

При таких обстоятельствах обособленный спор направлен на новое рассмотрение (*постановление АС СЗО от 30.10.20 по делу № А56-116888/2017*).

В другом деле суды также приняли во внимание, что под контролирующим должника лицом понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, право давать обязательные для исполнения

должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий.

••• Конкурсный управляющий должника обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должника последнего директора и участника общества и предыдущих директоров и участников.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда, заявление удовлетворено в отношении последнего директора и участника общества, в части удовлетворения заявления о привлечении к субсидиарной ответственности предыдущих директоров и участников общества отказано.

Суд кассационной инстанции отметил, что предыдущий директор и участник общества совершили от имени общества экономически невыгодные сделки в трехлетний период, предшествовавший моменту несостоятельности. Между тем суд первой инстанции не дал оценку указанным обстоятельствам как основаниям для привлечения к субсидиарной ответственности КДЛ, а также не оценил такие действия с учетом причин и момента возникновения признаков банкротства общества.

Обособленный спор в части отказа в привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности направлен на новое рассмотрение (*постановление АС СЗО от 10.02.21 по делу № А21-3781/2019*).

Проведенный анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что нормы законодательства о несостоятельности при привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности применяются судами Северо-Западного округа в основном единообразно и правильно.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА. АНАЛИЗ

Актуальные вопросы судебной практики рассмотрения дел, связанных с реализацией общего имущества супругов в процедуре банкротства

Селецкая Светлана Владимировна

Судья Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда

Петряшова Анна Александровна

Начальник отдела обеспечения судопроизводства Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда

В статье рассмотрены конкретные примеры из судебной практики по делам, связанным с реализацией общего имущества супругов в процедуре банкротства.

Ключевые слова: банкротство, банкротство физических лиц, реализация имущества, общее имущество супругов, судебная практика.

Настоящая статья подготовлена по результатам анализа практики рассмотрения Четырнадцатым арбитражным апелляционным судом дел, связанных с реализацией общего имущества супругов в процедуре банкротства.

По данным Федресурса, на территории Российской Федерации количество граждан (включая индивидуальных предпринимателей), признанных банкротами, в январе — сентябре 2021 года составило 137 485, что в 1,8 раза больше, чем за девять месяцев 2020 года. В январе — сентябре 2020 года рост был в 1,6 раза к такому же периоду 2019 года¹. Граждане, как правило, сами инициируют свое банкротство, в отличие от компаний, где заявителями выступают кредиторы. Должники в I полугодии 2021 года выступили заявителями в 95% процедур (95,2% в I полугодии 2020 года). Кредиторы инициировали 3,9% дел (было 4%), ФНС России — 1,1% дел (было 0,9%)².

¹ Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности — fedresurs.ru (URL: <https://fedresurs.ru/news/a0f63046-bc8e-4f8b-9ac5-1c970748d291>).

² URL: <https://fedresurs.ru/news/151817a5-4112-4ba0-8220-b099d5cee0f4>.

Таким образом, тенденция к росту количества дел рассматриваемой категории наблюдается повсеместно.

Отношения, связанные с несостоятельностью (банкротством) граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, регулируются Федеральным законом от 26.10.02 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве). В соответствии со статьей 213.2 этого закона при рассмотрении дела о банкротстве гражданина применяются такие процедуры, как реструктуризация долгов, реализация имущества и мировое соглашение.

В случае признания гражданина банкротом и введения процедуры реализации имущества в конкурсную массу включается все имущество гражданина, которое у него имеется на дату принятия такого решения, а также выявленное или приобретенное в последующем. Это относится и к имуществу, составляющему долю гражданина в общей собственности, на которое может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским и семейным законодательством.

Основными этапами процедуры реализации имущества должника являются: проведение описи и оценки имущества гражданина финансовым управляющим; утверждение арбитражным судом положения о порядке, условиях и сроках реализации имущества гражданина с указанием начальной цены продажи имущества путем вынесения определения; проведение торгов; представление финансовым управляющим в арбитражный суд отчета о результатах реализации имущества гражданина и реестра требований кредиторов с указанием размера погашенных требований кредиторов; вынесение судом определения о завершении процедуры реализации имущества.

При банкротстве физических лиц зачастую выясняется, что должник состоит или состоял в браке. В этом случае возникают вопросы, связанные с тем, какое имущество может быть включено в конкурсную массу должника и реализовано, каким образом должна быть осуществлена реализация такого имущества, чтобы соблюсти интересы сторон, каким образом распределяются вырученные в процессе продажи общего имущества денежные средства.

В настоящей статье обращено внимание на отдельные примеры судебной практики по вопросам, возникающим в процессе реализации общего имущества супругов в процедуре банкротства.

Определение общего имущества супругов, которое может быть реализовано в ходе процедуры банкротства

Разделу между супругами подлежит их общее имущество, то есть все нажитое ими в период брака движимое и недвижимое имущество, которое может быть объектом права собственности граждан, независимо от того, на имя кого из супругов оно было приобретено, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества.

К общему имуществу супругов относятся доходы каждого из супругов от трудовой, предпринимательской и интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения. Общим имуществом являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое в период брака имущество.

Наиболее часто апелляционным судом рассматриваются дела о несостоятельности (банкротстве) физических лиц, в ходе которых реализуются такие виды общего имущества супругов, как квартиры и автомобили, реже встречаются земельные участки, нежилые помещения и бытовая техника, встречалось также включение в конкурсную массу должника в качестве единственного имущества дебиторской задолженности его супруги (*постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.11.20 по делу № А13-5056/2016*).

Не является общим и не подлежит разделу между супругами имущество: приобретенное хотя и во время брака, но на личные средства одного из супругов, принадлежавшие ему до вступления в брак; полученное в дар или в порядке наследования; вещи индивидуального пользования, за исключением драгоценностей и других предметов роскоши; исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный одним из супругов; средства материнского (семейного) капитала.

Зачастую при разрешении вопроса о том, является ли имущество, выявленное финансовым управляющим, общим имуществом супругов, подлежит установлению факт того, на какие денежные средства оно приобретено.

... Так, в рамках одного дела должник и его финансовый управляющий обратились в арбитражный суд с требованием об исключении земельного участка из конкурсной массы должника, мотивировав это тем, что спорный земельный участок приобретен супругой должника на денежные средства, переданные ей в дар братом, в связи с чем участок не является общей совместной собственностью.

Суды трех инстанций отказали в удовлетворении заявленных требований, поскольку в материалы дела не предъявлены доказательства, подтверждающие фактическую передачу данных денежных средств (расписка либо иные документы), и равным образом не представляется возможным установить, что именно за счет этих средств приобретен спорный земельный участок (*постановления Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.02.21 и Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.05.21 по делу № А13-3196/2020*).

... В рамках другого дела должник и его супруга обратились в арбитражный суд с заявлением об исключении автомобиля из конкурсной массы, поскольку он приобретен хоть и в период их нахождения в браке, но супругой должника за счет полученных в дар от дочери денежных средств по договору целевого дарения денежных средств и расписке о получении денежных средств.

Суды трех инстанций пришли к выводу, что спорный автомобиль приобретен супругой должника за счет личных денежных средств, в связи с чем (на основании статьи 36 Семейного кодекса Российской Федерации) является ее личным имуществом и на него режим общей совместной собственности супругов не распространяется.

Ссылка финансового управляющего на фиктивность представленного договора целевого дарения денежных средств отклонена судом, поскольку о фальсификации данного документа в порядке статьи 161 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации им не заявлено (*постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.09.20 и Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.12.20 по делу № А56-50241/2017*).

Отдельно хотелось бы отметить, что квартиры, а также доли в праве собственности на них, полученные посредством безвозмездной сделки (договора приватизации), совершенной в период нахождения в браке, не являются общим имуществом супругов (*постановления Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.01.19 по делу № А05-11367/2017, от 21.10.20 по делу № А05-8259/2019, от 14.07.21 по делу № А05-14577/2019*).

Споры, связанные с утверждением положения о реализации имущества должника

Как следует из пункта 1 статьи 213.26 Закона о банкротстве, в течение одного месяца с даты окончания проведения описи и оценки имущества гражданина финансовый управляющий обязан представить в арбитражный суд положение о порядке, об условиях и о сроках реализации имущества гражданина с указанием начальной цены продажи имущества. Данное положение утверждается арбитражным судом и должно соответствовать правилам продажи имущества должника, установленным статьями 110, 111, 112, 139 Закона о банкротстве.

Согласно практике апелляционного суда большинство разногласий сторон относительно реализации имущества разрешается именно в процессе утверждения положения о его реализации.

Приобретенные за счет материнского капитала доли супруги должника и ее детей не подлежат включению в конкурсную массу и реализации.

... Гражданин З. по договору купли-продажи от 08.04.08 с использованием кредитных средств приобрел квартиру стоимостью 1 430 000 рублей. Для приобретения квартиры он заключил с ЗАО «Банк ВТБ 24» кредитный договор на сумму 1 300 000 рублей. В обеспечение исполнения обязательств квартира передана в залог ЗАО «Банк ВТБ 24».

Гражданин З. 27.10.10 вступил в брак с гражданкой П., имевшей несовершеннолетнюю дочь, в браке рожден сын.

Государственный сертификат на материнский (семейный) капитал на сумму 365 698 рублей 40 копеек выдан 16.03.11. Супругами 30.03.11 дано нотариальное удостоверение обязательства об оформлении квартиры в общую собственность родителей и детей с определением размера долей по соглашению в течение шести месяцев с даты снятия обременения с квартиры. Денежные средства материнского капитала были направлены на погашение основного долга и уплату процентов по кредитному договору.

АО «Райффайзенбанк» (кредитор) и супруги 21.04.17 заключили кредитный договор с целью исполнения денежных обязательств заемщика по рефинансируемому договору, в соответствии с которым залогодатели в обеспечение своих обязательств по кредитному договору передали в залог квартиру.

По иску супруги суд общей юрисдикции 07.12.18 прекратил право собственности гражданина З. на указанную квартиру, признал право собственности на долю 13/16 в праве общей долевой собственности на квартиру за ним и по 1/16 за его супругой и ее детьми.

Решением арбитражного суда от 27.05.20 гражданин З. признан банкротом и в отношении его введена процедура реализации имущества должника, утвержден финансовый управляющий.

Требование АО «Райффайзенбанк» в сумме 533 081 рубль 30 копеек, обеспеченное залогом, включено в третью очередь реестра требований кредиторов должника.

АО «Райффайзенбанк» направило финансовому управляющему положение о порядке, условиях и сроках продажи квартиры как единого объекта недвижимости с установленной начальной ценой продажи 972 000 рублей.

Финансовый управляющий, не согласившись с условиями, предложенными банком, обратился в суд с заявлением о разрешении разногласий путем утверждения положения о порядке, сроках и условиях продажи имущества должника, полагая, что приобретенные за счет материнского капитала доли супруги должника и ее детей (в размере 1/16 каждая) не подлежат включению в конкурсную массу и реализации в деле о банкротстве.

АО «Райффайзенбанк» в данном случае настаивало на продаже всей квартиры, а не доли в праве собственности, поскольку квартира является предметом залога в пользу банка, а все ее сособственники признаются созалогодателями и отвечают перед банком по обязательствам из кредитного договора солидарно.

Суд утвердил положение о порядке и условиях проведения торгов по продаже имущества в редакции, предложенной финансовым управляющим, в соответствии с которым на продажу выставляется доля в размере 13/16 в праве собственности на квартиру. Апелляционный суд поддержал позицию суда первой инстанции.

Окружной суд, соглашаясь с выводами судов, отметил, что, как разъяснено в абзаце четвертом пункта 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 25.12.18 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» (далее — постановление № 48), обращение взыскания на имущество, принадлежащее на праве общей собственности гражданину-должнику и иному лицу, не являющемуся супругом (бывшим супругом) должника, в процедурах банкротства производится в соответствии с общими положениями пункта 4 статьи 213.25 Закона о банкротстве, без учета особенностей, установленных пунктом 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве.

В данном случае доли в размере 1/16 каждая выделены в пользу бывшей супруги и ее детей на основании пункта 4 статьи 10 Федерального закона от 29.12.06 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и не могут быть отнесены к совместно нажитому супругами имуществу.

В соответствии с пунктом 2 статьи 353 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), если предмет залога остался в общей собственности приобретателей имущества, такие приобретатели становятся солидарными залогодателями.

Согласно правовой позиции, изложенной в пункте 11 Обзора судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал, утвержденного Президиумом ВС РФ 22 июня 2016 года, определение долей супругов и их детей в праве собственности на квартиру не требует согласия залогодержателя и не влияет на установленные договором ипотеки правоотношения, поскольку заложенное имущество (квартира) находится в общей собственности указанных лиц.

То обстоятельство, что сособственники квартиры являются солидарными залогодателями, не исключает применения императивного правила, установленного пунктом 4 статьи 213.25 Закона о банкротстве.

Суды пришли к обоснованному выводу о том, что приобретенные за счет материнского капитала доли супруги должника и ее детей не подлежат включению в конкурсную массу и реализации.

ВС РФ поддержал выводы судов, отказав в передаче жалобы АО «Райффайзенбанк» для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам (*постановления Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.04.21 и Арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.07.21, определение ВС РФ от 06.10.21 № 307-ЭС21-19044 по делу № А13-3083/2020*).

Если раздел имущества был произведен супругами до признания одного из них банкротом, в конкурсную массу может включаться только доля в имуществе, принадлежащая должнику.

... Определением суда общей юрисдикции от 19.02.14 произведен раздел совместно нажитого супругами имущества, в соответствии с которым за ними признано право собственности на квартиру в размере 1/2 доли, а также произведен раздел долга по кредитному договору перед банком в равных долях.

Решением суда общей юрисдикции от 24.04.14 с супругов в пользу банка взыскано по 1 652 103 рубля 75 копеек, обращено взыскание на доли в праве собственности на квартиру.

Задолженность гражданки П. (супруги) перед банком полностью погашена.

Решением арбитражного суда первой инстанции от 25.01.18 гражданин П. (супруг) признан банкротом, введена процедура реализации имущества, утвержден финансовый управляющий.

Определением от 12.02.18 в реестр требований кредиторов включены требования банка в размере 2 231 048 рублей 10 копеек как обеспеченные залогом имущества должника, а именно долей в праве собственности на квартиру в размере 1/2.

Финансовый управляющий 30.03.20 в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве опубликовал сообщение о проведении торгов по реализации имущества должника — квартиры.

Гражданка П. обратилась в арбитражный суд с заявлением, в котором просила признать недействительным положение о порядке и условиях проведения торгов по продаже имущества, полагая, что действия по реализации квартиры полностью, без учета того, что доля в размере 1/2 в праве собственности на нее принадлежит ей, являются неправомерными.

Суд первой инстанции, установив, что гражданка П. не была извещена об обращении взыскания на долю должника и наличии у нее преимущественного права на приобретение доли должника до проведения публичных торгов, а также

приняв во внимание, что вступившим в законную силу определением суда общей юрисдикции от 19.02.14 произведен раздел совместно нажитого супругами имущества, удовлетворил заявление в полном объеме.

Суд апелляционной инстанции дополнительно отметил, что с учетом обстоятельств спора оснований для включения в конкурсную массу квартиры полностью, а не доли, принадлежащей должнику, не имелось.

Суд кассационной инстанции, соглашаясь с выводами судов, указал, что в рассматриваемом случае на основании судебного акта общая совместная собственность супругов на спорное имущество прекратилась и положения пункта 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве, регулирующей реализацию имущества, принадлежащего должнику на праве общей совместной собственности с супругом, применению не подлежат.

Согласно пункту 4 статьи 213.25 Закона о банкротстве, подлежащему применению в данном случае, в конкурсную массу может включаться имущество гражданина, составляющее его долю в имуществе, на которое может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским законодательством, семейным законодательством.

Как правильно указал суд апелляционной инстанции, оснований для включения в конкурсную массу квартиры полностью не имелось.

Суды правомерно приняли во внимание, что раздел общего долга супругов перед банком был произведен в судебном порядке, а задолженность гражданки П. погашена в полном объеме.

ВС РФ, рассмотрев кассационную жалобу банка, отказал в передаче дела для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам (*постановления Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.09.20 и Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.02.21, определение ВС РФ от 10.06.21 № 307-ЭС21-8084 по делу № А44-3433/2017*).

Если раздел имущества супругов произведен после утверждения арбитражным судом порядка его реализации, то указанные обстоятельства не могут являться основанием для внесения изменений в уже утвержденный порядок.

... Определением арбитражного суда от 08.08.19 утверждено положение о порядке, условиях и сроках реализации имущества гражданина. Исходя из отчета об оценке имущества установлена начальная стоимость квартиры в размере 11 994 000 рублей.

Решением суда общей юрисдикции от 13.02.20 общее совместное имущество должника и его супруги разделено, за супругой должника признано право на 1/2 долю в праве собственности на квартиру.

Указанные обстоятельства послужили основанием для обращения супруги должника в арбитражный суд для пересмотра решения об утверждении положения по вновь открывшимся обстоятельствам.

Отказывая в удовлетворении заявления о пересмотре определения от 08.08.19, суд первой инстанции указал, что решением суда общей юрисдикции от 13.02.20 режим общей собственности супругов на спорное имущество не изменен, доли супругов из спорного имущества в натуре не выделялись.

Апелляционный суд согласился с выводами суда первой инстанции, отметив, что обстоятельства, на которые ссылается супруга должника, возникли после принятия обжалуемого акта. Поскольку брак между супругами расторгнут 20.12.19, раздел имущества произведен решением от 13.02.20.

Окружной суд оставил судебные акты без изменения, обратив внимание на то, что обстоятельства, возникшие после принятия судебного акта, могут являться основанием для предъявления самостоятельного иска (*постановления Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.11.20 и Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28.01.21 по делу № А05-4384/2018*).

Определение долей в праве общей собственности супругов в судебном порядке не влечет трансформации залога имущества в залог долей.

... Решением суда общей юрисдикции от 28.01.16 брак должника и его супруги расторгнут.

Определением арбитражного суда от 30.03.17 возбуждено производство по делу о банкротстве гражданина В.

Решением арбитражного суда от 28.04.17 должник признан банкротом, в отношении его введена процедура реализации имущества, утвержден финансовый управляющий.

Постановлением апелляционного суда от 27.09.19 признаны общим обязательством супругов требования банка в сумме 405 009 937 рублей 56 копеек, из которых 242 171 785 рублей обеспечены залогом имущества.

Финансовый управляющий 20.01.18 обратился в суд с ходатайством об утверждении положения о порядке, сроках и условиях продажи имущества в редакции залогового кредитора, ссылаясь на необходимость реализации имущества без учета разделения его на доли бывших супругов В., которые заявили о наличии разногласий, указав на то, что принятие решения по данному обособленному спору до вступления в законную силу судебного акта о выделении долей супругов в праве собственности на спорные нежилые

помещения и земельные участки в натуре нарушает права супруги должника, которая имеет преимущественное право покупки спорного имущества.

Решением суда общей юрисдикции от 12.07.18 произведен раздел имущества бывших супругов, в соответствии с которым за ними признано право собственности в равных долях на каждый из объектов недвижимого имущества.

Суд первой инстанции, рассмотрев заявление финансового управляющего, 06.03.20 признал его обоснованным, отказав в удовлетворении разногласий.

Апелляционный суд согласился с правомочностью выводов суда первой инстанции, отметив, что при последующем разделе общего имущества супругов, переданного в залог по договору залога, заключенному одним из супругов с третьим лицом, залог в отношении этого имущества сохраняется независимо от того, кем из супругов был заключен договор залога и как будет разделено общее имущество супругов.

Поскольку обремененное залогом имущество находилось в совместной собственности супругов, то изменение режима общей собственности супругов с совместной на долевую и определение долей в праве общей собственности супругов по смыслу положений статей 7, 38 Федерального закона от 16.07.98 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», статьи 353 ГК РФ не влечет трансформации залога имущества в залог долей в праве общей долевой собственности.

При изложенных обстоятельствах суд правомерно утвердил положение в спорной редакции и отклонил доводы супруги должника о наличии у нее преимущественного права покупки данного имущества (доли в нем) (*постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.07.20 по делу № А13-2000/2017*).

... Решением арбитражного суда от 19.02.19 гражданин Л. признан банкротом, в отношении его введена процедура реализации имущества, утвержден финансовый управляющий.

Финансовый управляющий 05.09.19 обратился в суд с заявлением об утверждении положения о порядке, сроках и условиях продажи квартиры площадью 60,8 кв. м. К участию в обособленном споре в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, привлечена супруга должника.

Банк (кредитор) в ходе рассмотрения ходатайства финансового управляющего представил проект положения о порядке продажи имущества должника, согласно которому реализации подлежала квартира как единый лот.

Денежные средства на приобретение указанной квартиры были получены должником и его супругой как созаемщиками. При этом с согласия созаемщиков в залог банку была передана вся квартира, а не доля в праве общей собственности на нее.

Супруга должника возражала против продажи своей доли в квартире, считая, что продаже подлежит только доля должника.

Определением суда первой инстанции положение утверждено в редакции, представленной банком.

Апелляционный суд поддержал выводы суда первой инстанции, отметив, что определение долей в праве общей собственности супругов по смыслу положений статей 7, 38 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)», статьи 353 ГК РФ не влечет трансформации залога имущества в залог долей в праве общей долевой собственности. В силу этого кредитор, требования которого обеспечены залогом такого имущества, вправе рассчитывать на погашение своих требований из средств, вырученных в ходе конкурсного производства от продажи самого заложенного имущества, а не доли в праве (*постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.05.20 по делу № А13-19558/2018*).

Исполнительский иммунитет

В пункте 39 постановления Пленума ВС РФ от 13.10.15 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» разъяснено, что при рассмотрении дел о банкротстве граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, суды должны учитывать необходимость обеспечения справедливого баланса между имущественными интересами кредиторов и личными правами должника (в том числе его правами на достойную жизнь и достоинство личности).

Согласно разъяснениям, изложенным в пункте 3 постановления № 48, при наличии у должника нескольких жилых помещений, принадлежащих ему на праве собственности, помещение, в отношении которого предоставляется исполнительский иммунитет, определяется судом, рассматривающим дело о банкротстве, исходя из необходимости как удовлетворения требований кредиторов, так и защиты конституционного права на жилище самого гражданина-должника и членов его семьи, в том числе находящихся на его иждивении несовершеннолетних, престарелых, инвалидов, обеспечения указанным лицам нормальных условий существования и гарантий их социально-экономических прав.

В процессе рассмотрения споров, связанных с утверждением положений о порядке, условиях и сроках реализации имущества гражданина, зачастую также рассматривается вопрос о том, обладает ли спорное имущество исполнительским иммунитетом.

При наличии у должника нескольких жилых помещений, принадлежащих ему на праве собственности, помещение, в отношении которого предоставляется исполнительский иммунитет, определяется судом.

... Решением арбитражного суда от 07.06.19 в отношении Б. открыта процедура реализации имущества гражданина.

Финансовым управляющим не обнаружено имущества, принадлежащего гражданину Б. Однако установлено, что супруга должника — гражданка Б. является собственником двух жилых помещений, приобретенных в период брака с должником, а именно 3/10 доли жилого помещения общей площадью 110 кв. м и жилого помещения общей площадью 48,3 кв. м. Указанное имущество не является предметом залога.

Финансовый управляющий 16.03.20 представил суду на утверждение положение о порядке, сроках и условиях продажи имущества должника, принадлежащего его супруге и приобретенного в период их нахождения в зарегистрированном браке, в соответствии с которым реализации посредством проведения открытых торгов на электронной торговой площадке подлежит жилое помещение площадью 48,3 кв. м с начальной ценой продажи 2 700 000 рублей.

Суд привлек к участию в деле в качестве третьего лица супругу должника — гражданку Б.

Определением суда первой инстанции утверждено положение о порядке, сроках и условиях продажи имущества гражданина Б. в редакции финансового управляющего.

Супруги с вынесенным определением не согласились и обратились в апелляционный суд, в обоснование жалобы указав на то, что спорное имущество является единственным для должника, суд при вынесении судебного акта не учел права супруги на долю в отчуждаемом имуществе и права детей; заявители представили дополнительные доказательства.

Апелляционная инстанция, признав жалобу обоснованной, отказала в удовлетворении требований финансового управляющего.

Суд установил, что в период брака должником и его супругой была также приобретена другая квартира, площадью 110 кв. м.

Должник, его супруга и несовершеннолетние дети должника зарегистрированы в квартире площадью 48,3 кв. м. Указанная квартира находится в надлежащем санитарно-гигиеническом состоянии и пригодна для постоянного проживания. Как следует из открытых публичных источников, размещенных в сети Интернет, дом, в котором расположена данная квартира, не является аварийным.

Напротив, согласно техническому паспорту квартира площадью 110 кв. м имеет степень износа 60%, а согласно заключению строительно-технического

исследования не соответствует требованиям СанПиН 2.1.2.2645-10 «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям проживания в жилых зданиях и помещениях», в связи с чем не является пригодной для проживания.

Таким образом, отчуждение квартиры площадью 48,3 кв. м приведет к ухудшению условий проживания должника, его супруги и несовершеннолетних детей, что не учтено финансовым управляющим.

Окружной суд подтвердил правомерность выводов апелляционного суда, отметив, что при наличии у должника нескольких жилых помещений, принадлежащих ему на праве собственности, помещение, в отношении которого предоставляется исполнительский иммунитет, определяется судом исходя из необходимости как удовлетворения требований кредиторов, так и защиты конституционного права на жилище самого гражданина-должника и членов его семьи.

При отсутствии подтверждения наличия у должника иного пригодного для проживания помещения, помимо спорной квартиры, в которой должник и члены его семьи зарегистрированы по месту жительства, апелляционный суд обоснованно отказал в утверждении упомянутого положения, а также распространил в отношении этой квартиры исполнительский иммунитет.

Кроме того, суд кассационной инстанции разъяснил, что представление в данном случае дополнительных доказательств должником и его супругой только в апелляционном суде и принятие их судом не является процессуальным нарушением, влекущим отмену постановления, поскольку суд апелляционной инстанции усмотрел необходимость проверки как раз тех обстоятельств, которые должен был проверить суд первой инстанции (*постановления Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.11.20 и Арбитражного суда Северо-Западного округа от 05.02.21 по делу № А66-5851/2018*).

Факт принадлежности гражданину на праве собственности жилого помещения не свидетельствует о том, что такое помещение для его собственника является единственным пригодным для проживания.

... Финансовый управляющий гражданина Н. (признанного банкротом) обратился в арбитражный суд с заявлением об утверждении положения о порядке, сроках и условиях реализации имущества должника — расположенной в г. Москве квартиры общей площадью 49,3 кв. м (начальная продажная цена — 11 994 000 рублей).

Суд первой инстанции, установив, что у должника на праве собственности, кроме спорной квартиры, имеется также жилой дом площадью 131,6 кв. м, расположенный в г. Иваново, а сам должник зарегистрирован по третьему

адресу, утвердил положение о реализации имущества в редакции финансового управляющего.

Должник обратился с жалобой в апелляционный суд, ссылаясь на то, что спорная квартира принадлежит также его супруге и находится в совместной собственности.

Апелляционный суд согласился с выводами суда первой инстанции, разъяснив следующее.

Поскольку для должника спорная квартира не является единственным жильем, оснований для исключения ее из конкурсной массы у суда первой инстанции не имелось.

Пунктом 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве определен порядок реализации общего имущества супругов в деле о банкротстве.

Таким образом, права супруги могут быть учтены при реализации совместно нажитого имущества. При этом супруга должника не лишена права на обращение в суд в общем порядке с иском о разделе общего имущества супругов и выделе имущества, причитающегося на ее долю. Супруга должника также имеет в дальнейшем право претендовать на выплату 50 процентов стоимости от реализации совместного имущества. Вместе с тем обязательное участие супруга при рассмотрении вопроса об утверждении положения о порядке, условиях и сроках продажи имущества законом не предусмотрено (*постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.11.19 по делу № А05-4384/2018*).

Споры относительно права преимущественной покупки

Согласно пункту 1 статьи 250 ГК РФ при продаже доли в праве общей собственности постороннему лицу остальные участники долевой собственности имеют преимущественное право покупки продаваемой доли по цене, за которую она продается, и на прочих равных условиях, кроме случая продажи с публичных торгов.

Положения Закона о банкротстве, регламентирующие порядок проведения торгов по продаже имущества гражданина в рамках дел о несостоятельности, не противоречат вышеуказанным положениям ГК РФ.

Тем не менее в ходе процедуры банкротства должника-гражданина его супругу (супруге) зачастую приходится отстаивать свое право преимущественной покупки в судебном порядке. При этом задача суда — проконтролировать соблюдение баланса интересов как супруга (супруги) должника, так и его кредиторов.

Сособственнику должна предоставляться возможность воспользоваться преимущественным правом покупки по цене, предложенной победителем торгов, посредством направления предложения о заключении договора.

... В конкурсную массу должника включен автомобиль Lada Granta, зарегистрированный за должником 04.06.16.

В период с 05.08.15 по 09.11.18 должник находился в браке с гражданкой Н.

Финансовый управляющий должника, ссылаясь на то, что автомобиль является совместно нажитым имуществом должника и гражданки Н., и полагая возможным предоставить последней право выкупа доли должника в праве собственности на автомобиль, обратился в суд с заявлением об утверждении стоимости имущества — 1/2 доли в праве на транспортное средство — в размере 134 000 рублей и предоставлении супруге должника права выкупить его из конкурсной массы как совместно нажитое имущество.

Финансовым управляющим в материалы дела представлено заключение о рыночной стоимости транспортного средства, согласно которому рыночная стоимость автомобиля составляет 268 000 рублей.

Суд отказал в удовлетворении заявления финансового управляющего.

Апелляционная инстанция согласилась с правомерностью такого отказа, пояснив, что при продаже доли должника-банкрота сталкиваются противоположные и защищаемые законом имущественные интересы кредиторов и сособственников должника. При действующем правовом регулировании баланс этих интересов будет соблюден следующим образом.

Цена доли должника в праве общей собственности должна быть определена по результатам открытых торгов.

После определения в отношении доли должника победителя торгов (в том числе иного лица, а не супруги должника) сособственнику должна предоставляться возможность воспользоваться преимущественным правом покупки по цене, предложенной победителем торгов, посредством направления предложения о заключении договора.

В случае отказа сособственника или отсутствия его волеизъявления в течение определенного срока с даты получения им предложения имущество должника подлежит реализации победителю торгов.

Такой подход отвечает существу преимущественного права покупки, заключающегося в наличии у определенного законом лица правовой возможности приобрести имущество на тех условиях (в том числе по той цене), по которым это имущество готово приобрести третье лицо. До выявления победителя торгов такого третьего лица не имеется.

Специального регулирования преимущественного права покупки доли в праве общей собственности на имущество при обращении на нее взыскания в

законодательстве не имеется, а вопрос о реализации преимущественного права покупки в иных ситуациях, связанных с банкротством (в частности, о цене, по которой покупатель может реализовать свое право), в Законе о банкротстве разрешен в пользу рыночной цены, определенной на торгах (пункт 3 статьи 179, пункт 8 статьи 195, пункт 4 статьи 201 Закона о банкротстве) (*постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.10.20 по делу № А13-12770/2019*).

Если у супругов имеются общие обязательства (в том числе при наличии солидарных обязательств либо предоставлении одним супругом за другого поручительства или залога), причитающаяся супругу часть выручки выплачивается после выплаты за счет денег супруга по этим общим обязательствам, при этом отсутствуют основания для предоставления преимущественного права покупки.

... Финансовым управляющим должника (гражданки М.) проведены торги по продаже имущества, включенного в конкурсную массу, — квартиры общей площадью 58,3 кв. м.

Победителем торгов признан гражданин Ш.

Супруг должника обратился в суд с заявлением о признании торгов по продаже квартиры недействительными, а также просил предложить ему как титульному созаемщику приобрести 1/10 долю в праве собственности на квартиру с преимущественным правом выкупа.

В обоснование требований заявитель указал, что кредитный договор, в обеспечение обязательств по которому в залог передана квартира, заключен им совместно с супругой, заявитель условия договора не нарушал, исполнял обязательства своевременно, согласия на банкротство супруги не давал, сам банкротом не является, заявителю принадлежат 9/10 долей в праве собственности на квартиру, в то время как супруге принадлежит 1/10 доля. Кредитор и финансовый управляющий не предложили ему как второму созаемщику перезаключить договор на одного заемщика, не предоставили возможности выкупить долю супруги в праве на квартиру. Заявитель также указал, что раздел имущества супругов не производился.

Финансовый управляющий и кредитор (банк) с заявлением не согласились, указав, что требования кредитора рассмотрены в деле о банкротстве и признаны обеспеченными залогом квартиры, реализация которой проводится в рамках дела о банкротстве, продажа доли в праве собственности на имущество противоречит положениям Закона о банкротстве. Кроме того, кредитор указал, что протокол отменен, предмет спора отсутствует.

Суды обеих инстанций сочли требования необоснованными.

Поскольку в данном случае собственник квартиры является банкротом, то реализация его имущества осуществляется в соответствии с нормами Закона о банкротстве, которым такая реализация предусмотрена только на торгах.

Пунктом 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве определен порядок реализации общего имущества супругов в деле о банкротстве.

При изложенных обстоятельствах отсутствуют основания для предоставления заявителю возможности выкупить долю должника в праве на квартиру (*постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.07.20 по делу № А05-2668/2018*).

Финансовым управляющим, помимо нарушения права супруги должника на преимущественную покупку его доли в квартире, также неправомерно проданы на торгах доли в праве собственности на квартиру, принадлежащие супруге и детям должника.

... Должник и его супруга, которая представляла интересы общих детей, обратились в арбитражный суд, ссылаясь на нарушение финансовым управляющим при реализации принадлежащей должнику доли в праве собственности на квартиру преимущественного права других собственников на приобретение отчуждаемой доли и реализацию на торгах долей, не принадлежащих должнику.

Суд первой инстанции отклонил доводы заявителей о незаконности реализации долей в праве собственности на квартиру, не принадлежащих должнику. Кроме того, суд пришел к выводу, что заявителями пропущен срок исковой давности, о применении которой заявлено финансовым управляющим, в связи с чем отказал в удовлетворении заявленных требований.

Апелляционный суд не согласился с выводами суда первой инстанции и признал договор купли-продажи квартиры, заключенный по итогам торгов, недействительным, а в порядке применения последствий его недействительности обязал: покупателя (победителя торгов) — вернуть квартиру в конкурсную массу должника, финансового управляющего — вернуть победителю торгов уплаченные денежные средства.

Окружной суд, отменяя указанный судебный акт и направляя дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указал на следующее.

Апелляционный суд не учел, что на торгах, проводившихся в рамках дела о банкротстве должника, продавалась не только доля в праве общей долевой собственности на квартиру, принадлежащая должнику, но и доли, принадлежащие его детям; в обоснование своих требований заявители ссылались на незаконность реализации на торгах, проводившихся в рамках дела о банкротстве, долей в праве собственности на квартиру, не принадлежащих

должнику. Однако указанные доводы оценки не получили. Влечет ли указанное обстоятельство недействительность (ничтожность) оспариваемого договора, суд не установил.

В порядке применения последствий недействительности оспариваемого договора апелляционный суд обязал победителя торгов возвратить квартиру в конкурсную массу, а финансового управляющего — возвратить победителю торгов 1 214 000 рублей, при этом не выяснив, принадлежит ли спорная квартира победителю торгов. Кроме того, суд не учел, что процедура реализации имущества гражданина завершена, соответственно, полномочия финансового управляющего прекращены.

При новом рассмотрении дела апелляционный суд пришел к выводу, что финансовым управляющим допущено нарушение процедуры реализации имущества должника и заключенный им договор купли-продажи следует признать недействительным. Однако, поскольку определением арбитражного суда по данному делу производство по делу о банкротстве должника завершено и полномочия финансового управляющего прекращены, на основании пункта 19 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.12 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» суд оставил заявление без рассмотрения применительно к пункту 4 части 1 статьи 148 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Окружной суд, рассмотрев кассационную жалобу покупателя квартиры (победителя торгов), оставил обжалуемое постановление апелляционного суда без изменения, но не согласился с выводами о признании спорного договора недействительным по основанию нарушения права преимущественной покупки в связи со следующим.

Нарушение преимущественного права детей должника на приобретение принадлежащей ему доли в праве общей долевой собственности на квартиру не является основанием для признания оспариваемого договора недействительным.

Вместе с тем на торгах, проводившихся в рамках дела о банкротстве, продавалась не только доля в праве общей долевой собственности на квартиру, принадлежащая должнику, но и доли, принадлежащие его детям.

Согласно разъяснениям, приведенным в абзаце четвертом пункта 7 постановления № 48, обращение взыскания на имущество, принадлежащее на праве общей собственности гражданину-должнику и иным лицам, не являющимся супругом (бывшим супругом) должника, в процедурах банкротства производится в соответствии с общими положениями пункта 4 статьи 213.25 Закона о банкротстве, без учета особенностей, установленных пунктом 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве.

С учетом изложенного основания для реализации на торгах, проводившихся в рамках дела о банкротстве, долей в праве собственности на спорную квартиру, принадлежащих детям должника, отсутствовали.

Пунктом 1 статьи 174.1 ГК РФ установлено, что сделка, совершенная с нарушением запрета или ограничения распоряжения имуществом, вытекающих из закона, в частности из законодательства о несостоятельности (банкротстве), ничтожна в той части, в какой она предусматривает распоряжение таким имуществом.

Именно это обстоятельство явилось основанием для признания нарушения финансовым управляющим процедуры реализации имущества должника, влекущего недействительность (ничтожность) оспариваемого договора (*постановления Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.07.21 и Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.04.21, от 31.08.21 по делу № А13-14979/2015*).

Особенности распределения денежных средств от реализации общего имущества

Согласно пункту 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве имущество гражданина, принадлежащее ему на праве общей собственности с супругом (бывшим супругом), подлежит реализации в деле о банкротстве гражданина по общим правилам, предусмотренным названной статьей. В таких случаях супруг (бывший супруг) вправе участвовать в деле о банкротстве гражданина при решении вопросов, связанных с реализацией общего имущества. В конкурсную массу включается часть средств от реализации общего имущества супругов (бывших супругов), соответствующая доле гражданина в таком имуществе, остальная часть этих средств выплачивается супругу (бывшему супругу). Если при этом у супругов имеются общие обязательства (в том числе при наличии солидарных обязательств либо предоставлении одним супругом за другого поручительства или залога), причитающаяся супругу (бывшему супругу) часть выручки выплачивается после выплаты за счет денег супруга (бывшего супруга) по этим общим обязательствам.

Супруга (супруг) гражданина-банкрота, являющаяся (-щийся) наряду с ним созалогодателем, не может получить денежные средства, соответствующие ее (его) доле в общем имуществе, приоритетно перед кредитором-залогодержателем.

... Банк заключил с супругами О. кредитный договор в целях приобретения ими квартиры, кредит был предоставлен на сумму 3 520 000 рублей сроком до 18.03.28 под 13% годовых, исполнение обязательств перед банком обеспечено залогом приобретенной квартиры путем оформления ипотеки.

Определением арбитражного суда от 26.09.18 в отношении гражданина О. введена процедура реструктуризации долгов, утвержден финансовый управляющий. Решением от 13.02.19 должник признан банкротом и в отношении его имущества введена процедура реализации.

Определением от 11.04.19 основанное на кредитном договоре требование банка в размере 1 768 492 рублей 57 копеек включено в реестр требований кредиторов должника О. как обеспеченное залогом недвижимого имущества — квартиры.

В ходе проведения торгов по реализации квартиры (предмета залога) размер вырученной суммы составил 3 011 000 рублей.

Супруга должника 10.03.20 обратилась в арбитражный суд с требованием об установлении суммы от реализации заложенного недвижимого имущества в размере 1 091 957 рублей 43 копеек, которую надлежит выплатить ей после реализации заложенного недвижимого имущества, а также с заявлением о разрешении ее разногласий с финансовым управляющим по вопросу распределения денежных средств, вырученных от реализации совместного имущества, являющегося предметом залога.

Суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении указанных требований.

Установив, что супруга должника является его созаемщиком и созалогодателем, суды первой и апелляционной инстанции пришли к выводу о том, что гражданка О. не вправе претендовать на получение вырученной от реализации имущества суммы, соответствующей ее доле в общем имуществе, приоритетно перед кредитором-залогодержателем.

Банку как залоговому кредитору из полученной в результате реализации имущества должника суммы (3 011 000 рублей) причитается 1 735 112 рублей 2 копейки, составляющие размер основных требований залогового кредитора, которые находятся в пределах 80 процентов вырученных средств. Из вырученной от реализации залогового имущества суммы надлежит вычесть расходы, связанные с переводом денежных средств, в размере 1500 рублей, совокупный размер которых не превышает 10 процентов от вырученных в результате реализации имущества средств. Оставшиеся от реализации имущества должника средства в размере 1 274 387 рублей 98 копеек распределены судами между супругами в равных долях по 636 440 рублей каждому.

Окружной суд согласился с выводами судов, сославшись на положения пункта 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве.

В силу правовой позиции, изложенной в определениях ВС РФ от 24.12.18 № 305-ЭС18-15086(1,2) и от 24.12.18 № 304-ЭС18-13615, общий критерий распределения средств при реализации предмета залога, находящегося в совместной собственности супругов, заключается в том, что супруга гражданина-банкрота, являющаяся наряду с ним созалогодателем, то есть должником по обеспечительному обязательству, не может получить денежные средства, соответствующие ее доле в общем имуществе, приоритетно перед кредитором-залогодержателем.

По смыслу пункта 5 статьи 213.27 Закона о банкротстве, если в залоге находится имущество целиком, то 80 процентов вырученных средств подлежат направлению залоговому кредитору (*постановления Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.08.20 и Арбитражного суда Северо-Западного округа от 05.02.21 по делу № А13-9857/2018*).

Участие супруга (супруги) должника в действиях по сокрытию имущества может послужить основанием для отказа в выплате части денежных средств от его реализации.

... Гражданин Д., получив нотариальное согласие своей супруги, по договору дарения от 24.02.16 подарил нежилое помещение своему сыну, который, в свою очередь, по договору от 15.06.16 продал его гражданину Ч. за 6 987 000 рублей.

Гражданин Д. 20.06.16 обратился в суд с заявлением о своем банкротстве.

Судами трех инстанций договор дарения от 24.02.16 признан недействительным, с сына должника взыскано 7 037 000 рублей, составляющих рыночную стоимость помещения. Сын должника названный судебный акт не исполнил.

Финансовый управляющий должника обратился в суд общей юрисдикции с заявлением об истребовании помещения из незаконного владения гражданина Ч. в конкурсную массу. По итогам судебного разбирательства утверждено мировое соглашение, в порядке исполнения которого гражданин Ч. возместил стоимость помещения путем перечисления 7 037 000 рублей в конкурсную массу должника.

Полагая, что в данной ситуации супруга должника не имеет права на получение части денежных средств, поступивших от гражданина Ч. в конкурсную массу, финансовый управляющий обратился в арбитражный суд. Финансовый управляющий отмечал, что должник и его супруга при одобрении и совершении договора дарения помещения в пользу сына действовали согласованно и преследовали цель безвозмездного вывода активов должника в преддверии банкротства, то есть намеревались причинить вред кредиторам последнего.

Суд первой инстанции указал, что признанный недействительным договор дарения является таковым с момента совершения, наличие согласия супруги

должника на совершение данной сделки не повлекло прекращения права общей долевой собственности супругов на помещение.

В силу положений пункта 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве супруга должника вправе получить пропорциональную ее доле в праве общей собственности часть денежных средств, поступивших от гражданина Ч.

Апелляционный суд поддержал выводы суда первой инстанции.

Окружной суд, отменяя указанные акты и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, отметил, что по общему смыслу положений статей 1 и 10 ГК РФ защите подлежат права лица, добросовестно их реализующего; в случае недобросовестного поведения лица суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает ему в защите принадлежащего ему права.

В данном случае договор дарения совершен безвозмездно с заинтересованным лицом при наличии у должника неисполненных обязательств, размер которых существенно превышал стоимость помещения. Сделка признана недействительной на основании пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, а также статьи 10 ГК РФ как совершенная в условиях злоупотребления правом сторонами.

В конкурсную массу денежные средства поступили не от реализации помещения на торгах в установленном порядке, а в связи с признанием собственником помещения — гражданином Ч. обоснованности предъявленного к нему финансовым управляющим требования и выплатой названной суммы в порядке исполнения условий мирового соглашения.

Суды не дали оценку доводам финансового управляющего о недобросовестности супруги должника.

При новом рассмотрении, разрешая разногласия сторон, суды первой и апелляционной инстанций, с выводами которых согласился суд округа, исходили из того, что спорные денежные средства поступили в конкурсную массу не в результате реализации общего имущества супругов с торгов, учли злоупотребление правом и указали на отсутствие оснований для выплаты супруге должника доли от спорных денежных средств.

ВС РФ также подтвердил правомерность указанных выводов (*постановления Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.12.18, 30.10.19 и Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.04.19, 28.01.20, определение ВС РФ от 26.05.20 № 307-ЭС17-22291(2) по делу № А66-7048/2016*).

Выводы

Как показывает судебная практика, в настоящее время в Четырнадцатом арбитражном апелляционном суде сложился единообразный подход при разрешении споров, связанных с реализацией общего имущества супругов в процедуре банкротства. В практике рассмотрения данной категории споров судьи

руководствуются правовыми позициями, сформированными Верховным Судом Российской Федерации, Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации, актуальной практикой Арбитражного суда Северо-Западного округа, а также следуют принципу соблюдения баланса интереса сторон.

АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Судебная экспертиза в арбитражном процессе: вопросы квалификации эксперта и оценки его компетенции

Гаврилова Наталья Юрьевна

Заместитель начальника ФБУ Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации

В статье изложены требования к квалификации судебного эксперта, отражены способы проверки и подтверждения компетентности негосударственного эксперта. Выделены определенные пробелы в законодательстве, предлагаются пути решения.

Ключевые слова: судебная экспертиза, арбитражный процесс, квалификационные требования к эксперту, компетентность эксперта, негосударственный судебный эксперт, оценщик.

Судебная экспертиза является одним из наиболее надежных средств доказывания. Если в ходе рассмотрения дела необходимо разъяснить возникающие вопросы, требующие специальных знаний, арбитражный суд назначает экспертизу по ходатайству лица, участвующего в деле, с согласия лиц, участвующих в деле, или по собственной инициативе (часть 1 статьи 82 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации; далее — АПК РФ).

Арбитражное процессуальное законодательство дает право лицам, участвующим в деле, представить в суд вопросы, которые должны быть разрешены при проведении экспертизы, ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц, а также о проведении экспертизы в конкретном экспертном учреждении, как в государственном, так и в негосударственном (части 2 и 3 статьи 82 АПК РФ).

Таким образом, выбор эксперта или экспертной организации, оценка компетентности эксперта становятся одним из сложных моментов при назначении экспертизы судом.

Судебная экспертиза является одним из наиболее надежных средств доказывания

Квалификационные требования к экспертам государственного судебно-экспертного учреждения установлены статьей 13 Федерального закона от 31.05.01 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в

Российской Федерации» (далее — Закон о государственной экспертной деятельности). Государственные эксперты имеют высшее образование, соответствующее экспертному профилю, проходят дополнительную профессиональную подготовку по конкретной экспертной специальности, аттестуются экспертно-квалификационными комиссиями на право самостоятельного производства экспертиз по этой специальности. Компетентность эксперта подтверждается свидетельством на право самостоятельного производства экспертиз, выдача которого происходит только после прохождения экспертом дополнительного профессионального образования и аттестации, в строгом соответствии с ведомственными нормативными актами. Для государственных экспертов утверждены методические материалы, на основании которых производится исследование, законодательно установлен порядок контроля качества производства исследований, порядок повышения квалификации.

Компетентность эксперта в случае назначения экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, подлежит оценке судом. При этом нормативно-правовой регламентации требований к квалификации негосударственного эксперта, равно как и к подтверждающим квалификацию документам, законодательно не установлено. Положения статьи 13 Закона о государственной экспертной деятельности, согласно статье 41 этого же закона, на негосударственных экспертов не распространяются. АПК РФ также не установлены ни требования к компетенции эксперта, ни перечень необходимых подтверждающих документов.

Только пунктом 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 04.04.14 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» суду предписано выяснить и указать в определении о назначении экспертизы сведения об образовании эксперта, его специальности, стаже работы, занимаемой должности.

Судебная практика показывает, что в первую очередь при выборе негосударственного эксперта в качестве базовых минимальных требований стоит учитывать соответствующее экспертному профилю высшее профессиональное образование и стаж работы. Кроме того, вполне показательно наличие дополнительного профессионального образования и повышения квалификации.

Компетентность эксперта в случае назначения экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, подлежит оценке судом

Часто негосударственные эксперты прикладывают сертификаты и свидетельства систем добровольной сертификации, партнерств, сообществ. Как правило, данные документы носят формальный характер, плохо проверяемы и не отражают реальную картину компетентности эксперта.

Многочисленные системы добровольной сертификации экспертов стали возникать после организации в 2005 году на базе Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (РФЦСЭ) Системы добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы. Компетентность негосударственных экспертов в данной системе оценивается в соответствии с требованиями нормативно-правовых актов Минюста России, предъявляемыми к экспертам системы судебно-экспертных учреждений ведомства. С 2011 года сертификация экспертов в указанной системе осуществляется региональными центрами судебной экспертизы Минюста России с учетом территориальной сферы экспертного обслуживания.

Система сертификации предполагает организацию и осуществление экспертными комиссиями, действующими на базе региональных центров судебной экспертизы, независимой и квалифицированной оценки компетентности негосударственных экспертов в рамках конкретной экспертной специальности с выдачей сертификата соответствия сроком на три года. Процедура сертификации аналогична аттестации государственных экспертов.

Следует отметить, что согласно статье 21 Федерального закона от 27.12.02 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» создание системы добровольной сертификации возможно любым юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем или их объединением. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии Российской Федерации (Росстандарт) осуществляет регистрацию систем добровольной сертификации и ведет единый реестр зарегистрированных систем добровольной сертификации.

Лицо или лица, создавшие систему добровольной сертификации, самостоятельно устанавливают перечень объектов, подлежащих сертификации, и их характеристик, на соответствие которым осуществляется добровольная сертификация, правила выполнения предусмотренных данной системой добровольной сертификации работ и порядок их оплаты, определяют участников данной системы добровольной сертификации.

Регистрация производится Росстандартом в уведомительном формате на основании заявления лица, создающего систему сертификации, и утвержденных этим лицом правил функционирования системы добровольной сертификации.

На настоящий момент на территории Северо-Западного региона функционирует множество организаций, осуществляющих сертификацию негосударственных судебных экспертов. Как правило, эти организации ссылаются на требования Минюста России при проверке компетентности

эксперта. Вместе с тем правомерность и достоверность данной проверки вызывает вопросы.

Рассмотрим, какие еще есть способы проверки и подтверждения компетентности негосударственного эксперта.

На наш взгляд, это наличие квалификационного аттестата оценщика при привлечении оценщика арбитражным судом к производству экспертизы в случае необходимости определения стоимости объекта. Требование о наличии квалификационного аттестата установлено статьей 21.1 Федерального закона от 29.07.98 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» в целях составления отчетов об оценке.

С одной стороны, оценочная и судебно-экспертная деятельность — это различные виды деятельности. Законодательство об оценочной деятельности не распространяется на судебно-экспертную. С другой стороны, сходство этих видов деятельности как раз проявляется через использование близкого методического аппарата и одинаковой материнской науки (экономики, теории стоимости), знания из которой применяются в процессе проведения исследования.

Основное отличие оценочной деятельности от судебно-экспертной состоит в процессуальной природе. Оценочная деятельность представляет собой досудебное, осуществляемое вне процессуальных рамок консультирование по вопросам стоимости. Судебно-экспертная деятельность, направленная на определение стоимости, осуществляется исключительно в процессуальных рамках.

Вместе с тем суд может назначить производство экспертизы любому сведущему лицу, и именно поручение экспертизы устанавливает правовой статус этого сведущего лица как эксперта.

Таким образом, и судебная, и экспертная практика показывает, что наличие у оценщика квалификационного аттестата можно и нужно рассматривать как подтверждение его компетентности в вопросах определения стоимости при привлечении в арбитражный процесс в качестве негосударственного эксперта.

Отметим, что, когда речь идет о государственных экспертах, в частности системы Минюста России, определение стоимости различных объектов (транспортных средств, промышленных и продовольственных товаров, объектов недвижимости) производится в судебно-экспертных учреждениях Минюста России в рамках соответствующих видов судебных экспертиз. При назначении судебной экспертизы государственным экспертам квалификационный аттестат в области оценочной деятельности не требуется.

Отдельного внимания требует оценка квалификации негосударственного эксперта при определении рыночной стоимости восстановительного ремонта транспортного средства, в частности по спорам в рамках договоров ОСАГО.

Необходимо учитывать, что законодательством об оценочной деятельности предусмотрены три типа квалификационных аттестатов по направлениям оценочной деятельности: оценка недвижимости, оценка движимого имущества и

оценка бизнеса (приложение № 4 к приказу Министерства экономического развития Российской Федерации от 29.05.17 № 257). Оценщики определяют плату за пользование или владение имуществом, то есть оценивают исправные объекты.

Для определения стоимости восстановительного ремонта необходима техническая подготовка и инженерные знания, которыми оценщики, как правило, не владеют. В этой связи требование о наличии у негосударственного эксперта квалификационного аттестата оценщика не является обязательным и необходимым.

Полагаем, что для определения рыночной стоимости восстановительного ремонта транспортного средства более показательным является требование о включении эксперта в государственный реестр экспертов-техников, осуществляющих независимую техническую экспертизу транспортных средств.

Так, статья 12.1 Федерального закона от 25.04.02 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» описывает порядок проведения независимой технической экспертизы транспортных средств в целях установления обстоятельств причинения вреда транспортному средству, установления повреждений транспортного средства и их причин, технологии, методов и стоимости его восстановительного ремонта.

Эксперты Минюста России, выполняющие автотехнические экспертизы, в соответствии с пунктом 18 Требований к экспертам-техникам, осуществляющим независимую техническую экспертизу транспортных средств, в том числе требований к их профессиональной аттестации, оснований их аннулирования (утверждены приказом Министерства транспорта Российской Федерации от 22.09.16 № 277), состоят в реестре экспертов-техников.

На наш взгляд, необходимость законодательной регламентации квалификационных требований к негосударственным экспертам признана и судебным, и экспертным сообществом. Целесообразно законодательно ввести систему обязательной аттестации лиц, занимающихся судебно-экспертной деятельностью, вне зависимости от формы собственности экспертного учреждения. При этом подобная система будет эффективной только при условии наличия единых методик и единых квалификационных требований к экспертам соответствующих специальностей.

Целесообразно законодательно ввести систему обязательной аттестации лиц, занимающихся судебно-экспертной деятельностью, вне зависимости от формы собственности экспертного учреждения

Очевидно, что регламентирование процесса аттестации негосударственных экспертов требует разработки, принятия и изменения ряда законов об экспертной деятельности. Оптимальным вариантом видится принятие нового единого закона о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Некоторые вопросы применения общих положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в практике Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации (2019–2021 годы)

Ячменёв Георгий Григорьевич

Председатель Арбитражного суда Забайкальского края, кандидат юридических наук

В статье рассмотрены некоторые вопросы применения общей части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях Российской Федерации с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации (принципы привлечения к административной ответственности, действие закона об административном правонарушении во времени, вина юридического лица, сроки давности привлечения к административной ответственности, особенности рассмотрения дел об административных правонарушениях арбитражными судами), а также проанализированы положения Федерального закона от 26.03.22 № 70-ФЗ, вступившего в силу 6 апреля 2022 года.

Ключевые слова: дефекты правового регулирования, обратная сила закона, состав административного правонарушения, принципы и сроки давности привлечения к административной ответственности.

Действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ, Кодекс) является одним из самых изменяемых (дополняемых) законодательных актов, его даже называют российским «поправочным королем»¹. Например, по состоянию на февраль 2017 года, по подсчетам специалистов, средняя периодичность внесения изменений в КоАП РФ составила раз в 10 дней². Только в течение 2021 года было принято 39 федеральных законов, вносящих изменения (дополнения) в Кодекс, в том числе и в статьи, помещенные в его раздел I («Общие положения»). По справедливому замечанию судьи Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) С. Д. Князева, ставшие, по сути, перманентными поправки, охватывающие собой все (общую, особенную, процессуальную) части КоАП РФ, свидетельствуют о серьезных изъянах (недостатках) этого Кодекса³.

¹ Бершицкий Э. Е. Правовая определенность и оценочные категории: краткий очерк на примере составов правонарушений в различных отраслях права. М.: Статут, 2021. С. 24.

² Мораторий или дискуссия: как остановить «бешеный принтер» законодательства (13 февраля 2017 года) // <https://pravo.ru/review/view/138089/>.

³ Князев С. Д. Еще раз о кодификации законодательства об административной ответственности в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Административное право и процесс. 2022. № 2. С. 6–7.

При этом в литературе обращается внимание на то, что с каждым годом (после внесения изменений и дополнений) рассчитанный по специальной формуле индекс синтаксической сложности законов КоАП РФ увеличивается: если на момент принятия (в 2001 году) такой индекс составлял 36,8 балла, то к 2020 году он увеличился до 43,2 балла; среди всех кодексов по сложности восприятия текста КоАП РФ занимает четвертое место (после Градостроительного кодекса, Бюджетного кодекса и Земельного кодекса); для понимания смысла текста КоАП РФ по индексу синтаксической сложности законов сопоставим с работой Иммануила Канта «Критика чистого разума. Книга вторая. Аналитика основоположений», в два раза сложнее произведения А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», в три раза сложнее романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и в четыре раза — рассказа А. П. Чехова «Каштанка»⁴.

⁴ Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / А. В. Кнутов, С. М. Плаксин и др. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 67, 79, 81 и 87.

Среди всех кодексов по сложности восприятия текста КоАП РФ занимает четвертое место

Среди дефектов действующего КоАП РФ некоторыми авторами отмечаются внутреннее противоречие его норм и нечеткие формулировки (в том числе при описании объективной стороны целого ряда административных правонарушений)⁵, незавершенность законодательной мысли⁶ и другие.

⁵ См., например: Шлютер М. С. Административная ответственность за правонарушения в области охраны недр и недропользования. М.: Проспект, 2015.

⁶ Кожохарь И. П. Дефекты нормативно-правового регулирования. М.: Проспект, 2021. С. 136.

В пункте 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 23.06.20 № 28-П весьма наглядно продемонстрировано, к чему приводят отмеченные дефекты КоАП РФ.

В частности, КС РФ особо отметил, что возможность двух альтернативных, но не лишенных оснований вариантов толкования положений статьи 4.6 и части 1.3 статьи 32.2 КоАП РФ — притом что срок административной наказанности имеет принципиальное значение как при назначении наказания, так и при квалификации правонарушения — не согласуется с принципом правовой определенности. Между тем неопределенность правовой нормы влечет ее неоднозначное понимание и, следовательно, возможность ее произвольного применения, а потому и нарушение принципа равенства, соблюдение которого может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями; неопределенность же ее содержания порождает опасность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, к нарушению не только принципов равенства и верховенства закона, но и установленных Конституцией РФ гарантий государственной, включая судебную, защиты прав, свобод и законных интересов граждан.

При этом если взаимоисключающие варианты толкования одной и той же нормы, продиктованные, помимо прочего, различиями в ее понимании при сопоставлении с другими нормами, оказываются не лишенными разумного юридического обоснования, укладывающегося в конституционные рамки законодательного усмотрения, а единая судебная практика применения нормы не сформирована, что не позволяет уяснить ее подлинное содержание даже с помощью обращения к конституционным целям и принципам, то наиболее корректным, если не единственно возможным способом выявления реального содержания и значения правового регулирования является — во исполнение принципа разделения властей (статья 10 Конституции РФ) — законодательное уточнение нормативных положений, чья неясность и неоднозначность, не преодолимые средствами юридического толкования, создают серьезные препятствия для полноценного обеспечения равенства перед законом и судом в процессе их применения⁷.

⁷ Федеральным законом от 11.06.21 № 201-ФЗ статья 4.6 КоАП РФ была изложена в новой редакции, которая устранила указанные КС РФ недостатки.

Неопределенность правовой нормы влечет ее неоднозначное понимание

Во многом по этим причинам уже не один год идет дискуссия о необходимости реформирования КоАП РФ⁸. Было подготовлено несколько проектов новой редакции Кодекса, однако все они были отклонены Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации.

⁸ См., например: *Агапов А. Б.* Политико-правовые предпосылки реформирования законодательства об административных правонарушениях //

Административное право и процесс. 2016. № 6. С. 53–59; *Овчарова Е. В.* Необходимость принятия и концепция проекта нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Законодательство. 2016. № 10. С. 24–25; *Побежимова Н. И.* Основные причины необходимости реформирования законодательства об административной ответственности // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2017. № 4. С. 69–72; *Князев С. Д., Арановский К. В., Данилов Ю. М.* Административно-деликтный закон в конституционных перспективах кодификации // Правоприменение. 2020. № 3. С. 124–134.

5 июня 2019 года была представлена разработанная Правительством РФ Концепция нового КоАП РФ⁹.

⁹ Подробнее см.: *Куракин А. В., Карпухин Д. В.* Актуальные вопросы Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Российская юстиция. 2020. № 2. С. 2–6; *Кисин В. Р.* Некоторые суждения по поводу Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2020. № 2. С. 37–42.

Очередной проект, в основу которого положено разграничение материального и процессуального законодательства об административной ответственности, был разработан Минюстом России во исполнение поручения, данного Правительством РФ по результатам разработки указанной Концепции. Подготовленные Минюстом России проекты КоАП РФ и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях размещены на официальном сайте проектов нормативно-правовых актов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

В настоящее время широко обсуждаются, в том числе со ссылками на решения КС РФ, принятые за последние три года (постановления от 15.01.19 № 3-П, от 04.02.19 № 8-П, от 14.11.19 № 35-П, от 04.02.20 № 7-П, от 07.04.20 № 15-П, от 14.04.20 № 17-П, от 23.06.20 № 28-П, от 15.07.20 № 36-П, от 15.10.20 № 41-П, от 16.10.20 № 42-П, от 18.03.21 № 7-П, от 30.03.21 № 9-П, от 06.04.21 № 10-П, от 12.05.21 № 17-П, от 09.07.21 № 34-П, от 21.07.21 № 39-П и др.), предложения относительно исчерпывающей законодательной регламентации принципов административной ответственности; признаков и категорий административных правонарушений (оконченных, длящихся, грубых, малозначительных и т. д.); институтов покушения (приготовления) на административное правонарушение и соучастия в его совершении; административной деликтоспособности юридических лиц; перечня, видов и пределов (максимальных размеров) наказаний за административные правонарушения и правил их наложения

(сложения, поглощения, замены), в том числе при множественности административных правонарушений; сроков давности привлечения к административной ответственности, а также порядка их исчисления; оснований и условий освобождения лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, от административной ответственности или от административного наказания и др.¹⁰

¹⁰ Подробнее см.: *Князев С. Д.* Указ. соч. С. 10.

Во всяком случае хотелось бы, чтобы при принятии нового КоАП РФ были учтены указания КС РФ о том, что при конструировании состава административного правонарушения и введении мер ответственности за его совершение обязательно соблюдение требований ясности и недвусмысленности правовых норм, их согласованности в системе действующего правового регулирования. Помимо того, меры административной ответственности и правила их применения должны не только отвечать характеру правонарушения, его опасности для защищаемых законом ценностей, но и обеспечивать учет причин и условий его совершения, личности виновного и степени вины, гарантируя адекватность порождаемых последствий для правонарушителя тому вреду, который им причинен, не допуская избыточного государственного принуждения и сохраняя баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств. При этом регулятивные нормы, непосредственно закрепляющие те или иные правила поведения, нарушение которых признается основанием юридической ответственности, должны быть сформулированы так, чтобы содержащиеся в них конструкции не препятствовали однозначному уяснению смысла действующего правового регулирования (**постановления КС РФ от 04.02.20 № 7-П, от 23.06.20 № 28-П, от 16.10.20 № 42-П, от 12.05.21 № 17-П, от 09.07.21 № 34-П и от 09.11.21 № 47-П**).

До принятия же новых кодексов об административных правонарушениях большое значение для правильного толкования и применения действующего КоАП РФ, нормы которого зачастую сложны для понимания и нередко противоречивы, имеют не только решения КС РФ, но и правоприменительная практика Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ).

Например, пунктами 1 и 2 Обзора практики рассмотрения судами дел об административных правонарушениях, связанных с назначением административного наказания в виде конфискации, а также с осуществлением изъятия из незаконного владения лица, совершившего административное правонарушение, вещей и иного имущества в сфере оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, явившихся орудием совершения или предметом административного правонарушения, утвержденного

Президиумом ВС РФ 19 сентября 2018 года, была устранена коллизия между частью 3 статьи 3.7 КоАП РФ (о недопустимости конфискации алкогольной продукции, находящейся в незаконном обороте), с одной стороны, и санкциями части 2 статьи 14.16, части 2 статьи 14.17.1, частей 3 и 4 статьи 15.12 КоАП РФ, которые предусматривают обязательное (безальтернативное) дополнительное наказание в виде конфискации такой алкогольной продукции¹¹.

¹¹ Подробнее см.: Ячменёв Г. Г. К вопросу о допустимости назначения административного наказания в виде конфискации алкогольной продукции, находящейся в незаконном обороте // Арбитражные споры. 2018. № 4. С. 57–82.

Еще одним ярким примером противоречия между нормами общей и особенной частей КоАП РФ являются часть 4.5 статьи 3.5 и санкция части 2 статьи 14.43.1 Кодекса.

Частью 2 статьи 14.43.1 КоАП РФ предусмотрено, что нарушение изготовителем, исполнителем (лицом, выполняющим функции иностранного изготовителя) или продавцом требований технического регламента о требованиях к автомобильному и авиационному бензину, дизельному и судовому топливу, топливу для реактивных двигателей и мазуту в части несоответствия этим требованиям характеристик автомобильного и авиационного бензина, дизельного и судового топлива, топлива для реактивных двигателей и мазута влечет наложение административного штрафа на юридических лиц в размере 1% суммы выручки от реализации топлива за календарный год, предшествующий году, в котором было выявлено административное правонарушение, либо за предшествующую дате выявления административного правонарушения часть календарного года, в котором было выявлено административное правонарушение, если правонарушитель не осуществлял деятельность по реализации топлива в предшествующем календарном году, но не менее 500 000 рублей.

В то же время согласно части 4.5 статьи 3.5 КоАП РФ размер административного штрафа, исчисляемого исходя из суммы выручки правонарушителя от реализации топлива, не может превышать 3% суммы выручки от реализации топлива за календарный год, предшествующий году, в котором было выявлено административное правонарушение, либо за предшествующую дате выявления административного правонарушения часть календарного года, в котором было выявлено административное правонарушение, если правонарушитель не осуществлял деятельность по реализации топлива в предшествующем календарном году.

•• Принимая во внимание положения части 4.5 статьи 3.5 КоАП РФ, ограничивающие максимальный предел размера административного штрафа за

предусмотренное частью 2 статьи 14.43.1 КоАП РФ правонарушение, Арбитражный суд Владимирской области и Первый арбитражный апелляционный суд при рассмотрении дела № А11-1454/2020 пришли к выводу о том, что минимальный размер административного штрафа, предусмотренный частью 2 статьи 14.43.1 КоАП РФ, в любом случае не может превышать 3% суммы выручки за год от реализации топлива, являющегося объектом технического регулирования ТР ТС 013/2011, на объекте, на котором установлен факт административного правонарушения. В этой связи суды посчитали, что административный штраф, подлежащий применению к обществу за вмененное правонарушение, должен составлять 48 068 рублей 90 копеек (3% от 1 602 296 рублей 67 копеек), и изменили оспариваемое постановление административного органа в соответствующей части.

Арбитражный суд Волго-Вятского округа не согласился с выводами судов первой и апелляционной инстанций о необходимости применения положений части 4.5 статьи 3.5 КоАП РФ при определении размера административного штрафа, предусмотренного частью 2 статьи 14.43.1 КоАП РФ. Указывая на то, что минимальный размер санкции, предусмотренной частью 2 статьи 14.43.1 КоАП РФ, составляет 500 000 рублей, и он может быть снижен только при наличии оснований, установленных статьями 4.1 и 4.1.1 КоАП РФ, суд округа отменил судебные акты и направил дело на новое рассмотрение.

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ (далее — СКЭС ВС РФ) **от 12.10.21 № 301-ЭС21-5453** постановление суда округа отменено.

ВС РФ обратил внимание на то, что часть 4.5 статьи 3.5 КоАП РФ и часть 2 статьи 14.43.1 КоАП РФ были введены в действие одним и тем же Федеральным законом от 29.12.17 № 446-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части ответственности за совершение правонарушений в сфере выпуска и обращения топлива на рынке».

Как следует из паспорта проекта указанного федерального закона, данный закон принят в целях усиления административной ответственности за нарушение требований технического регламента при производстве и (или) реализации моторного топлива. Законопроектом, внесенным к первому чтению, предполагалось дополнить КоАП РФ статьей 14.43.1. В соответствии с частью 2 этой статьи минимальный штраф не мог быть менее 500 000 рублей.

Однако ко второму чтению была внесена поправка, в соответствии с которой статья 3.5 КоАП РФ была дополнена частью 4.5, согласно которой размер административного штрафа, исчисляемого исходя из суммы выручки правонарушителя от реализации топлива, был ограничен 3% суммы выручки от реализации топлива за календарный год, предшествующий году, в котором было выявлено административное правонарушение, либо за предшествующую дату

выявления административного правонарушения часть календарного года, в котором было выявлено административное правонарушение, если правонарушитель не осуществлял деятельность по реализации топлива в предшествующем календарном году.

Поскольку исчисление штрафа, исходя из суммы выручки правонарушителя от реализации топлива, производится только в соответствии со статьей 14.43.1 КоАП РФ, то статья 14.43.1 КоАП РФ не является специальной по отношению к части 4.5 статьи 3.5 КоАП РФ.

При этом положения части 4.5 статьи 3.5 КоАП РФ направлены на обеспечение индивидуального подхода к определению размера административного штрафа исходя из размера выручки правонарушителя и подлежат применению при определении минимального размера штрафа, предусмотренного частью 2 статьи 14.43.1 КоАП РФ.

Невозможность применения части 4.5 статьи 3.5 КоАП РФ к ситуации, когда размер штрафа, исчисленный исходя из 3% от суммы выручки, составит менее 500 000 рублей, привела бы к нарушению конституционного принципа равенства, поскольку ее применение ставилось бы в зависимость от размера выручки. Вряд ли воля законодателя была направлена на то, чтобы ограничить размеры штрафов только за правонарушения, совершаемые на сетевых АЗС, входящих в структуры вертикально интегрированных нефтяных компаний, лишив этой гарантии субъектов малого и среднего предпринимательства. В некоторых случаях это могло бы привести к тому, что сумма штрафа, особенно в случаях привлечения к ответственности по части 3 статьи 14.43.1 КоАП РФ, согласно которой размер штрафа не может быть менее 2 000 000 рублей, оказалась бы более размера самой выручки.

В таком случае административные штрафы, имеющие значительные минимальные пределы, из меры воздействия, направленной на предупреждение административных правонарушений, превратились бы в инструмент подавления экономической самостоятельности и инициативы, чрезмерного ограничения свободы предпринимательства и права собственности, что недопустимо в силу статей 17, 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (части 1, 2 и 3) и 55 (часть 3) Конституции РФ и противоречит общеправовому принципу справедливости¹².

¹² О принципе справедливости применительно к административной ответственности см.: *Хачатуров Р. Л., Липинский Д. А.* Общая теория юридической ответственности. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С. 309–321.

Аналогичные выводы содержатся и в **определении СКЭС ВС РФ от 29.03.22 № 306-ЭС21-23661.**

Таким образом, для уяснения смысла закона и устранения явного противоречия между двумя нормами КоАП РФ высшей судебной инстанции потребовался анализ соответствующего законопроекта и история его принятия, а также обращение к общим принципам юридической ответственности.

Или другой пример.

В определении от 25.05.21 № 310-ЭС20-22195 СКЭС ВС РФ, рассматривая вопрос о соотношении статей 14.49 и 14.55 КоАП РФ, которые разграничивают административную ответственность в отношении оборонной продукции, поставляемой по государственному оборонному заказу, и товаров, поставляемых по государственному контракту по государственному оборонному заказу, указала, что любое административное правонарушение, а равно санкции за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя из текста соответствующей нормы — в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, — каждый мог предвидеть административно-правовые последствия своих действий (бездействия). Иное порождало бы противоречивую правоприменительную практику, ослабляющую гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан (их объединений) от произвольного административного принуждения.

•• Как отметила применительно к данному делу СКЭС ВС РФ, проанализировав положения названных статей и действующего законодательства, одного того обстоятельства, что продовольственные товары (икра из кабачков) поставлялись по государственному контракту в рамках государственного оборонного заказа, недостаточно для признания любой таковой продовольственной продукции оборонной (согласно материалам дела икра из кабачков является обычным продуктом питания и не изготавливалась по технической документации заказчика для военных нужд или военных и гражданских нужд в едином исполнении), и, сославшись на часть 4 статьи 1.5 КоАП РФ, признала правомерным вывод суда первой инстанции о недоказанности антимонопольным органом наличия в действиях общества состава административного правонарушения, ответственность за которое установлена статьей 14.49 КоАП РФ.

То есть в указанном деле СКЭС ВС РФ выявила дефекты при формулировании объективной стороны административного правонарушения, предусмотренного статьей 14.49 КоАП РФ, в связи с чем была вынуждена применить принцип правовой определенности¹³ и положения части 4 статьи 1.5 Кодекса о том, что неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица.

¹³ О понятии, сущности, содержании и значении данного принципа более подробно см.: *Бершицкий Э. Е.* Указ. соч. С. 6–58.

В настоящей статье будут рассмотрены некоторые актуальные вопросы применения общих положений КоАП РФ в практике КС РФ и ВС РФ¹⁴ за 2019–2021 годы и первый квартал 2022 года.

¹⁴ Предметом анализа в основном являются утвержденные Президиумом ВС РФ Обзоры судебной практики и определения СКЭС ВС РФ по конкретным делам.

При этом за рамками статьи намеренно оставлены не менее актуальные вопросы применения особенной части КоАП РФ, в том числе связанные с квалификацией отдельных административных правонарушений¹⁵ и защитой прав потребителей (например, в условиях массового исхода из Российской Федерации иностранных торговых компаний весьма важное значение приобретает выраженная **в определении СКЭС ВС РФ от 16.03.22 № 307-ЭС21-16004** правовая позиция о том, что законодательство о защите прав потребителей прямо не предусматривает право продавца, получившего денежные средства за карту предварительной оплаты, удерживать данные средства при предъявлении к нему владельцем карты требования об их возврате, такое право у продавца отсутствует, денежные средства должны быть возвращены).

¹⁵ См., например, постановления КС РФ от 14.11.19 № 35-П и от 16.10.20 № 42-П, определение КС РФ от 28.12.21 № 2971-О (все три решения посвящены отдельным аспектам применения статьи 8.8 КоАП РФ); постановление КС РФ от 18.03.21 № 7-П (о применении части 7 статьи 7.32 КоАП РФ); пункт 39 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 (2020), утвержденного Президиумом ВС РФ 25 ноября 2020 года (о разграничении составов административных правонарушений, предусмотренных частью 1 статьи 14.5 и частью 1 статьи 14.8 КоАП РФ).

Применение положений статьи 1.7 КоАП РФ

Закон, устанавливающий, изменяющий или отменяющий административную ответственность, должны соответствовать конституционным правилам действия закона во времени: согласно статье 54 Конституции РФ закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет (часть 1); никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением; если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон (часть 2).

Данные правила, основанные на общеправовых принципах справедливости, гуманизма и соразмерности ответственности за совершенное деяние его

реальной общественной опасности, имеют универсальное для всех видов юридической ответственности значение и являются обязательными для правоприменительных органов, в том числе судов.

В постановлениях от 04.02.20 № 7-П и от 09.11.21 № 47-П КС РФ в очередной раз обратил внимание на то, что, регулируя основания, условия и сроки привлечения к административной ответственности, законодатель обязан исходить из того, что юридическая ответственность может наступать лишь за те деяния, которые законом, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями.

Положения статьи 54 Конституции РФ, устанавливающие принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege*¹⁶ и правила действия закона во времени, конкретизируются в отраслевом законодательстве.

¹⁶ Подробнее об этом принципе см.: *Бершицкий Э. Е.* Указ. соч. С. 19–21.

Так, согласно КоАП РФ лицо, совершившее административное правонарушение, подлежит ответственности на основании закона, действовавшего во время совершения административного правонарушения (часть 1 статьи 1.7); при этом закон, смягчающий или отменяющий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшающий положение лица, совершившего административное правонарушение, имеет обратную силу, то есть распространяется и на лицо, которое совершило административное правонарушение до вступления такого закона в силу и в отношении которого постановление о назначении административного наказания не исполнено; если же закон устанавливает или отягчает административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом ухудшает положение лица, то такой закон обратной силы не имеет (часть 2 статьи 1.7); признание утратившим силу закона, устанавливавшего административную ответственность, является обстоятельством, исключающим производство по делу об административном правонарушении (пункт 5 части 1 статьи 24.5); в случае признания утратившим силу закона, устанавливающего административную ответственность за содеянное, судья, орган, должностное лицо, вынесшие постановление о назначении административного наказания, прекращают исполнение постановления (пункт 2 статьи 31.7).

Как указано в постановлении КС РФ от 14.06.18 № 23-П, принятие законов, устраняющих или смягчающих ответственность, по-новому определяет характер и степень общественной опасности тех или иных правонарушений и правовой статус лиц, их совершивших, вследствие чего законодатель не может не предусмотреть — исходя из конституционно обусловленной обязанности распространения действия такого рода законов на ранее совершенные деяния —

механизм придания им обратной силы, а уполномоченные органы не вправе уклоняться от принятия юрисдикционных решений об освобождении конкретных лиц от ответственности и наказания или о смягчении ответственности и наказания, оформляющих изменение статуса этих лиц. Положения статьи 1.7 КоАП РФ, относящиеся к принципам административно-деликтного регулирования, по существу, воспроизводят предписания статьи 54 Конституции РФ, конкретизируя их применительно к сфере административных правонарушений.

Приведенные положения должны учитываться судьями, рассматривающими дела об административных правонарушениях, применительно к внесению изменений не только в КоАП РФ, но и в законы и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность (пункт 4 постановления Пленума ВС РФ от 23.12.21 № 45 «О некоторых вопросах, возникающих при применении судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права»).

Особенно актуальным стало применение положений части 2 статьи 1.7 КоАП РФ в период распространения новой коронавирусной инфекции, когда субъектами Российской Федерации вводится, изменяется и отменяется режим повышенной готовности.

При этом подходы КС РФ и ВС РФ по данному вопросу кардинально различаются.

Так, **в определении от 11.11.21 № 2355-О КС РФ** отметил, что ни региональным нормативным правовым актам, которыми признаны утратившими силу положения, обязывающие граждан не покидать места проживания (пребывания), ни даже возможной в последующем полной отмене решения о введении режима повышенной готовности не может быть придано значение закона, отменяющего административную ответственность за административное правонарушение, предусмотренное частью 1 статьи 20.6.1 КоАП РФ. В противном случае установление административной ответственности в условиях специальных (временных) режимов может утратить свое правовое значение, поскольку будет предполагать освобождение от публично-правовой ответственности лиц, нарушающих специальные требования и ограничения, после отмены таких режимов, притом что соответствующая публично-правовая ответственность изначально устанавливается для обеспечения соблюдения специально вводимых временных ограничений.

В то же время в пункте 22 **Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), № 3**, утвержденного Президиумом ВС РФ 21 февраля 2021 года, разъяснено, что в силу части 2

статьи 1.7 КоАП РФ отмена нормативного правового акта, принятого уполномоченным государственным органом субъекта Российской Федерации и содержащего обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности, или исключение из такого акта отдельных правовых норм, закрепляющих те или иные правила поведения, являются основанием для прекращения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном соответствующей частью статьи 20.6.1 КоАП РФ, либо отмены состоявшегося по делу об указанном правонарушении постановления о назначении административного наказания, если оно не было исполнено (пункт 5 части 1 статьи 24.5 Кодекса).

По сути, аналогичные разъяснения (применительно к законодательству о противодействии коррупции) содержатся и в пункте 62 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 (2021), утвержденного Президиумом ВС РФ 10 ноября 2021 года.

Представляется, что позиция Президиума ВС РФ более соответствует анализируемым положениям статьи 1.7 КоАП РФ, при этом суды общей юрисдикции при рассмотрении после 11 ноября 2021 года дел о привлечении к ответственности по статье 20.6.1 КоАП РФ продолжают придерживаться именно такого подхода (например, постановление ВС РФ от 10.12.21 № 5-АД21-103-К2).

В правоприменительной практике арбитражных судов имеется немало примеров применения положений части 2 статьи 1.7 КоАП РФ при рассмотрении споров, связанных с привлечением к административной ответственности за нарушения законодательства о промышленной безопасности, антимонопольного, валютного, таможенного и иного законодательства.

... Например, при рассмотрении *дела № А56-105885/2020* Арбитражный суд Северо-Западного округа в постановлении от 18.11.21 отметил, что поскольку Правилами организации и осуществления производственного контроля за соблюдением требований промышленной безопасности, утвержденными постановлением Правительства РФ от 18.12.20 № 2168, исключена обязанность представления в Ростехнадзор в составе сведений об организации производственного контроля информации об исполнении предписаний Ростехнадзора, то оспариваемое постановление Управления Ростехнадзора о привлечении к административной ответственности по статье 9.1 КоАП РФ за невыполнение такой обязанности не подлежит исполнению.

Федеральным законом от 01.04.20 № 72-ФЗ «О внесении изменений в статьи 15.25 и 23.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» в санкции частей 4, 4.1 и 5 статьи 15.25 КоАП РФ внесены изменения, в соответствии с которыми за совершение правонарушений, предусмотренных данными нормами, возможно назначение наказания в виде предупреждения или административного штрафа (до принятия и вступления в

силу данного Федерального закона наказание в виде административного штрафа было безальтернативным).

... Данное обстоятельство послужило основанием для признания постановления таможенного органа, вынесенного до 12 апреля 2020 года, незаконным в части назначения административного наказания в виде штрафа (*постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.12.20 по делу № А50-7839/2020*).

Федеральным законом от 20.07.20 № 218-ФЗ «О внесении изменений в статьи 3.5 и 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» санкции частей 4 и 5 статьи 15.25 КоАП РФ вновь претерпели изменения. Так, если до 31 июля 2020 года размер административного штрафа для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц за совершение правонарушения, предусмотренного частью 5 статьи 15.25 КоАП РФ, мог составить от трех четвертых до одного размера суммы денежных средств, не возвращенных в Российскую Федерацию, то после указанной даты размер штрафа составляет от 3 до 10% суммы не возвращенных в установленный срок в Российскую Федерацию денежных средств в валюте Российской Федерации, уплаченных нерезиденту по условиям внешнеторгового договора (контракта), сумма обязательств по которому определена в валюте Российской Федерации и условиями которого предусмотрена оплата в валюте Российской Федерации, и (или) от 5 до 30% суммы не возвращенных в установленный срок в Российскую Федерацию денежных средств, уплаченных нерезиденту по условиям внешнеторгового договора (контракта) в иностранной валюте.

... Руководствуясь частью 2 статьи 1.7 КоАП РФ и постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) от 22.06.12 № 37 «О некоторых вопросах, возникающих при устранении ответственности за совершение публично-правового правонарушения» (далее — постановление Пленума ВАС РФ № 37), Арбитражный суд Северо-Западного округа признал не подлежащим исполнению постановление таможенного органа в части суммы штрафа, превышающего 5% суммы денежных средств, уплаченных нерезиденту за неввезенные товары (*постановление от 05.07.21 по делу № А56-67427/2020*).

Аналогичным образом применяют Федеральный закон от 20.07.20 № 218-ФЗ и другие арбитражные суды (*постановления Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17.05.21 по делу № А19-6746/2020, Арбитражного суда Дальневосточного округа от 24.05.21 по делу № А16-2041/2020, Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.07.21 по делу № А63-16446/2020*,

Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.10.20 по делу № А56-10239/2020).

Необходимо отметить, что в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 24.03.22 № 604-р в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен проект федерального закона «О внесении изменений в статью 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», который, среди прочего, направлен на установление пониженных размеров штрафов за административные правонарушения для всех участников внешнеэкономической деятельности за осуществление незаконных валютных операций с действующих 75–100% суммы незаконной валютной операции до 20–40% и за нерепатриацию экспортерами выручки в валюте Российской Федерации с действующих 3–10% суммы денежных средств, не зачисленных в установленный срок на банковские счета в уполномоченных банках, до 3–5% (за исключением контрактов, связанных с экспортом леса и лесоматериалов), а также на устранение неравного подхода в отношении определения размера санкций за аналогичные административные правонарушения для отдельных субъектов правоотношений в валютной сфере.

Очевидно, что в случае принятия такого закона положение участников внешнеэкономической деятельности, допустивших нарушение валютного законодательства, заметно улучшится, что потребует распространение на них правила об обратной силе данного закона.

В настоящее же время наиболее актуальным является применение положений части 2 статьи 1.7 КоАП РФ в отношении Федерального закона от 26.03.22 № 70-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее — Закон № 70-ФЗ).

В частности, при применении статьи 4.1.2 КоАП РФ (введена Законом № 70-ФЗ), определяющей особенности назначения административного наказания в виде административного штрафа являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства юридическим лицам, отнесенным к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям, и, вне всякого сомнения, улучшающей положение таких юридических лиц, ранее привлеченных к административной ответственности либо совершивших административные правонарушения¹⁷, арбитражным судам необходимо применять правило об обратной силе закона.

¹⁷ Если положения статьи 4.1.2 КоАП РФ в рассматриваемом аспекте (как улучшающие положение лиц, привлеченных к ответственности) каких-либо сомнений не вызывают, то в отношении частей 4 и 5 статьи 2.1, частей 5 и 6 статьи 4.4 КоАП РФ (в редакции Закона № 70-ФЗ) подобный вывод не столь однозначен. Если признать, что указанные положения закона имеют обратную силу, то возникают вопросы о том, обязаны ли арбитражные суды и административные органы учитывать их при рассмотрении дел об

административных правонарушениях, совершенных до 6 апреля 2022 года, и применять пункт 2 статьи 31.7 КоАП РФ в отношении вынесенных до указанной даты решений (постановлений) о привлечении юридического лица к административной ответственности при наличии постановления о привлечении к ответственности должностного лица за совершение аналогичного административного правонарушения, а также решений (постановлений) о привлечении юридического лица к административной ответственности в случае, если по результатам того же контрольного (надзорного) мероприятия данное юридическое лицо привлечено к ответственности на основании другого решения (постановления).

В связи с этим возникает вопрос о том, должны ли суды применять положения статьи 4.1.2 КоАП РФ при рассмотрении дел в порядке главы 25 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) (как о привлечении к административной ответственности, так и об оспаривании решений административных органов) в период с 28 марта до 6 апреля 2022 года, то есть после официального опубликования, но до вступления Закона № 70-ФЗ в силу.

С нашей точки зрения, те положения Закона № 70-ФЗ, которые улучшают положение лиц, привлекаемых (или уже привлеченных) к административной ответственности, должны применяться судами и до 6 апреля 2022 года¹⁸.

¹⁸ Так, в мотивировочной части решения Арбитражного суда Забайкальского края от 30.03.22 по делу № А78-1925/2022 административному органу предложено прекратить исполнение постановления в части административного штрафа, превышающего размер, определенный в соответствии с положениями части 2 статьи 4.1.2 КоАП РФ. Суд самостоятельно не прекратил исполнение оспариваемого постановления в соответствующей части только по той причине, что резолютивная часть решения была объявлена 24.03.22, то есть до принятия и официального опубликования Закона № 70-ФЗ.

В этом случае при рассмотрении дел об оспаривании постановлений административных органов арбитражные суды должны учитывать разъяснения, содержащиеся в пункте 33.2 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.05 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее — постановление Пленума ВС РФ № 5) и пункте 2 постановления Пленума ВАС РФ № 37¹⁹.

¹⁹ Именно так поступил Тринадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 12.04.22 по делу № А56-89552/2021.

Процессуальные же положения Закона № 70-ФЗ (например, о подсудности арбитражным судам дел об административных правонарушениях, перечисленных в абзаце четвертом части 3 статьи 23.1 КоАП РФ и совершенных должностными лицами и иными работниками юридических лиц) в силу части 4 статьи 3 АПК РФ и части 3 статьи 1.7 КоАП РФ должны применяться с 6 апреля 2022 года.

На наш взгляд, наиболее острой проблемой является применение статьи 4.1.2 КоАП РФ в отношении юридических лиц, уже привлеченных до 26 марта 2022 года к административной ответственности арбитражными судами по делам, рассмотренным ими в порядке параграфа 1 главы 25 АПК РФ.

В частности, согласно пункту 2 статьи 31.7 КоАП РФ судья, вынесший постановление о назначении административного наказания, прекращает исполнение постановления в случае признания утратившими силу закона или его положения, устанавливающих административную ответственность за содеянное, за исключением случая одновременного вступления в силу положений закона, отменяющих административную ответственность за содеянное и устанавливающих за то же деяние уголовную ответственность.

Формально Законом № 70-ФЗ КоАП РФ или его отдельные положения, устанавливающие административную ответственность, не признаны утратившими силу.

Вместе с тем в постановлении КС РФ от 14.07.15 № 20-П, в рамках которого проверялась конституционность положений части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 КоАП РФ, указано, что правила части 2 статьи 54 Конституции РФ (о том, что если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон), основанные на общеправовых принципах справедливости, гуманизма и соразмерности ответственности за совершенное деяние его реальной общественной опасности, имеют универсальное для всех видов юридической ответственности значение и являются обязательными и для законодателя, и для правоприменительных органов, в том числе судов; принятие законов, устраняющих или смягчающих ответственность, по-новому определяет характер и степень общественной опасности тех или иных правонарушений и правовой статус лиц, их совершивших, вследствие чего законодатель не может не предусмотреть — исходя из конституционно обусловленной обязанности распространения действия такого рода законов на ранее совершенные деяния — механизм придания им обратной силы, а уполномоченные органы не вправе уклоняться от принятия юрисдикционных решений об освобождении конкретных лиц от ответственности и наказания или о смягчении ответственности и наказания, оформляющих изменение статуса этих лиц.

Исходя из гуманистических соображений на такое лицо распространяются изменения закона, обусловленные снижением общественной опасности наказуемого деяния и ослаблением вследствие этого меры ответственности, в том числе заменяющие вид ответственности на менее строгий, то есть

изменения, которые — в контексте общеправового регулирования и с учетом всех правовых последствий нововведений в сложившейся структуре права — могут расцениваться как улучшающие правовое положение лица, совершившего противоправное деяние.

Иное понимание приведенных законоположений, действующих во взаимосвязи с положениями Конституции РФ, прежде всего ее статьи 54, допускало бы возможность необоснованной формализации соответствующих правовых предписаний и их применение вопреки смыслу и роли законодательных изменений.

Таким образом, Закон № 70-ФЗ, как улучшающий положение юридических лиц, являющихся субъектами малого и среднего предпринимательства, привлеченных арбитражными судами к административной ответственности до 26 марта 2022 года, ввиду ослабления меры ответственности, имеет обратную силу, в связи с чем пункт 2 статьи 31.7 КоАП РФ распространяется на таких лиц в полной мере.

В этой связи возникает вопрос о том, обязаны ли арбитражные суды самостоятельно, без заявлений юридических лиц, привлеченных судами к административной ответственности до 26 марта 2022 года, после указанной даты совершать соответствующие действия по прекращению исполнения решений о привлечении к административной ответственности (как вступивших в законную силу, так и не вступивших, но не обжалованных в апелляционном порядке) в части административного штрафа, превышающего размеры, определенные статьей 4.1.2 КоАП РФ.

По нашему мнению, на указанный вопрос следует ответить положительно.

В пользу такого суждения можно сослаться на пункт 30 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 (2016), утвержденного Президиумом ВС РФ 19 октября 2016 года, в котором указано, что после вступления в силу закона, исключающего административную ответственность за определенное деяние, неисполненное (полностью или в части) к моменту устранения ответственности постановление о назначении административного наказания исполнению не подлежит. При этом положения пункта 2 статьи 31.7 КоАП РФ возлагают на судью, орган, должностное лицо, вынесших постановление о назначении административного наказания, обязанность совершить соответствующие действия по прекращению исполнения этого постановления независимо от обращения лица, привлеченного к административной ответственности, с соответствующим заявлением, а положения статьи 31.8 КоАП РФ устанавливают для совершения названных действий трехдневный срок со дня возникновения основания для разрешения соответствующего вопроса. В рассматриваемом случае таким основанием является вступление в силу закона, исключающего административную ответственность за содеянное.

В пункте 1 постановления Пленума ВАС РФ № 37 разъяснено, что допускается прекращение исполнения решения о привлечении к административной ответственности в части.

С учетом приведенного правового регулирования Арбитражным судом Забайкальского края 30 марта 2022 года в адрес управлений ФССП России, в подразделениях (отделах) которых находятся на исполнении решения о привлечении к административной ответственности юридических лиц, относящихся к субъектам малого и среднего предпринимательства, были направлены запросы о предоставлении соответствующей информации.

При реализации арбитражным судом положений пункта 2 статьи 31.7 КоАП РФ возникает вопрос о том, применительно к какой статье АПК РФ арбитражный суд должен разрешить вопрос о прекращении (в части) исполнения решения о назначении административного наказания.

В пункте 3 постановления Пленума ВАС РФ № 37 разъяснено, что после устранения ответственности исполнительное производство, возбужденное на основании исполнительного документа арбитражного суда, подлежит прекращению арбитражным судом в порядке, определенном статьей 327 АПК РФ.

Однако в настоящее время многие решения арбитражных судов о привлечении к административной ответственности еще не направлены для принудительного исполнения в службу судебных приставов, поскольку не истек 60-дневный срок для добровольной уплаты административного штрафа. Кроме того, некоторые такие решения были приняты незадолго до 26 марта 2022 года и еще не вступили в законную силу (и не обжалованы в апелляционном порядке).

Как представляется, арбитражный суд при разрешении данного вопроса в ситуации, когда решение о привлечении к ответственности по тем или иным причинам еще не направлено для исполнения в службу судебных приставов, должен действовать в рамках статьи 324 АПК РФ, поскольку именно данная статья определяет порядок разрешения вопросов, схожих с теми, которые указаны в части 1 статьи 31.8 КоАП РФ (рассрочка и отсрочка исполнения, изменение способа и порядка исполнения).

Поскольку на основании части 2 статьи 31.8 КоАП РФ лица, заинтересованные в разрешении вопросов о прекращении исполнения решения о назначении административного наказания, извещаются о месте и времени их рассмотрения, при этом частью 1 этой же статьи для разрешения таких вопросов отводится всего три дня, а частью 2 статьи 324 АПК РФ установлен месячный срок, возникает немаловажный вопрос о том, в течение какого из названных сроков арбитражный суд обязан совершить действия по прекращению исполнения (в части) своего решения о привлечении к административной ответственности.

С нашей точки зрения, должен применяться месячный срок, в обоснование чего можно сослаться на разъяснения, содержащиеся в пункте 14 постановления

Пленума ВАС РФ от 27.01.03 № 2 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», согласно которым арбитражным судам при рассмотрении дел, отнесенных КоАП РФ к их подведомственности, необходимо учитывать, что в тех случаях, когда положения главы 25 и иные нормы АПК РФ прямо устанавливают конкретные правила осуществления судопроизводства, именно они должны применяться судами.

К тому же установленный частью 1 статьи 31.8 КоАП РФ трехдневный срок вряд ли является реальным, в том числе из-за сложившейся судебной нагрузки.

Вина юридического лица

На сегодняшний день в юридической науке нет единого подхода к пониманию вины юридического лица²⁰.

²⁰ Подробнее об этом см., например: *Бондарь Е. О., Фадеева И. В.* Проблемы определения вины юридического лица по законодательству об административных правонарушениях // Современное право. 2016. № 2. С. 105–109; *Кисин В. Р.* Некоторые размышления о положении юридического лица как субъекта административно-деликтного отношения // Административное право и процесс. 2019. № 1. С. 41–44; *Очередько В. П., Кокорин И. С.* От теоретической неопределенности к противоречивости судебной практики при определении вины и административной ответственности юридических лиц // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 267–277; *Пересыпкин А. В.* К вопросу о совершенствовании законодательства, регламентирующего административную ответственность юридических лиц // Юрист. 2018. № 11. С. 60–64; *Нестеров В. М.* Административная ответственность юридических лиц в свете обоснованности и справедливости // Административное право и процесс. 2021. № 12. С. 39–42.

В соответствии с частью 2 статьи 2.1 КоАП РФ юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

По мнению П. П. Серкова, особенностью данного определения является то, что содержанием вины юридического лица признается не воля и сознание отдельного человека, а характер деятельности юридического лица, то есть насколько эта деятельность была безукоризненной. Таким образом, в центр понимания поставлен социально-экономический аспект. Соблюдение «правил и норм» осуществляется в форме действий или бездействия, а словами «но

данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению» субъективной стороне состава административного правонарушения в значительной степени придаются объективные элементы (мотивы)²¹.

²¹ Серков П. П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы. М.: Норма; Инфра-М, 2012.

Как разъяснено в пункте 16.1 постановления Пленума ВАС РФ от 02.06.04 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» (далее — постановление Пленума ВАС РФ № 10), при рассмотрении дел об административных правонарушениях арбитражным судам следует учитывать, что понятие вины юридических лиц раскрывается в части 2 статьи 2.1 КоАП РФ. При этом в отличие от физических лиц в отношении юридических лиц КоАП РФ формы вины (статья 2.2 КоАП РФ) не выделяет. Следовательно, и в тех случаях, когда в соответствующих статьях особенной части КоАП РФ возможность привлечения к административной ответственности за административное правонарушение ставится в зависимость от формы вины, в отношении юридических лиц требуется лишь установление того, что у соответствующего лица имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но им не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению (часть 2 статьи 2.1 КоАП РФ). Обстоятельства, указанные в части 1 или части 2 статьи 2.2 КоАП РФ, применительно к юридическим лицам установлению не подлежат.

Приведенные положения КоАП РФ и разъяснения Пленума ВАС РФ позволяют некоторым авторам утверждать, что «юридическое лицо заранее обвиняется в совершении административного правонарушения и обязано доказывать свою невиновность, то есть, по существу, речь идет об объективной форме вины, при этом характер и степень его виновности в инкриминируемом деянии значения не имеют. Главным является причастность юридического лица к административному правонарушению»²².

²² Телегин А. С. К вопросу о юридической природе административного правонарушения // Административное право и процесс. 2020. № 4. С. 19–23.

По мнению Н. А. Морозовой, часть 2 статьи 2.1 КоАП РФ закрепляет не понятие вины юридического лица, а определяет правило, согласно которому вина юридического лица подлежит установлению²³.

²³ Морозова Н. А. Административная ответственность юридических лиц: история, теория, практика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. С. 11.

Иными словами, «при назначении административного наказания юридическому лицу происходит объективное вменение, когда наличие состава административного правонарушения устанавливается при наличии лишь признаков, предусмотренных объективной стороной состава»²⁴.

²⁴ *Панов А. Б.* Административная ответственность юридических лиц. М.: Норма, 2013.

Не соглашаясь с тем, что в КоАП РФ реализован принцип объективного вменения, А. В. Сладкова тем не менее резюмирует, что «при установлении вины юридического лица выяснению подлежат две группы обстоятельств: во-первых, наличие у лица возможности по соблюдению правил и норм, за нарушение которых установлена ответственность (например, что лицу ничто не препятствовало в исполнении требований закона, иначе говоря, правонарушение не было совершено под воздействием форс-мажорных обстоятельств, а также при наступлении иных обстоятельств, носящих более субъективный характер, но наступление которых для данного юридического лица также является непреодолимым препятствием для исполнения обязанностей, возложенных на него законом. При этом между указанными обстоятельствами и совершением противоправного деяния должна существовать прямая причинная связь); а во-вторых, выяснению подлежат обстоятельства, свидетельствующие о том, что лицо не приняло все необходимые и достаточные меры для соблюдения этих правил и норм»²⁵.

²⁵ *Сладкова А. В.* Административное принуждение в области рынка ценных бумаг. М.: Проспект, 2021. С. 135.

Анализ судебно-арбитражной практики показывает, что арбитражные суды при рассмотрении соответствующих дел и установлении вины юридического лица в совершении административного правонарушения руководствуются в основном названной правовой позицией Пленума ВАС РФ. В качестве конкретных примеров можно привести *постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19.10.20 по делу № А52-1123/2020, от 21.01.21 по делу № А56-41585/2020 и от 05.07.21 по делу № А56-67427/2020, Арбитражного суда Московского округа от 20.05.21 по делу № А40-209714/2020, Арбитражного суда Поволжского округа от 07.07.21 по делу № А65-15615/2020, Арбитражного суда Уральского округа от 20.11.20 по делу № А60-7167/2020, Арбитражного суда Центрального округа от 25.06.21 по делу № А14-10137/2020.*

Вместе с тем в теории административного права существует понятие о комплексном понимании вины юридического лица, включающее объективный и

субъективный критерии. При этом объективной виной признается вина организации с точки зрения государственного органа, назначающего административное наказание в зависимости от характера конкретных действий или бездействия юридического лица, нарушающего установленные правила поведения; а субъективной виной — отношение организации в лице ее коллектива, администрации, должностных лиц к противоправному деянию, совершенному этой организацией. Данные элементы вины образуют общее понятие вины юридического лица как признака совершенного им правонарушения и элемента его юридического состава²⁶.

²⁶ *Дугенец А. С.* Административная ответственность в российском праве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 11; Административное право: Учебник / Под ред. Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова. М.: Юрист, 1999. С. 345.

Наконец, в теории административного права получило развитие и субъективное (психологическое) направление определения вины юридического лица, сторонники которого обосновывают отождествление вины юридического лица с деяниями его должностных лиц²⁷. Как правило, вина юридического лица определяется ими посредством проекции вины физических и должностных лиц, непосредственно осуществляющих действия от имени юридического лица в этом коллективе. В частности, М. П. Петров полагает, что «вина юридических лиц должна пониматься как психологическое отношение к содеянному коллектива, определяемое по доминирующей воле»²⁸.

²⁷ См.: *Агапов А. Б.* Административная ответственность: Учебник для магистров. М.: Юрайт, 2012. С. 175–176.

²⁸ *Петров М. П.* Административная ответственность организаций (юридических лиц): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 6.

Некоторыми специалистами теория персонифицированной ответственности юридических лиц подвергается критике. Например, Е. В. Овчарова считает, что вина юридического лица и вина конкретного работника являются неодинаковыми по содержанию признаками различных составов правонарушений. Следовательно, нельзя отождествлять вину юридического лица с виной его конкретного работника²⁹.

²⁹ *Овчарова Е. В.* Административная ответственность юридических лиц. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

Тем не менее данная теория получила поддержку в КС РФ.

В постановлении КС РФ от 14.04.20 № 17-П указано, что, определяя пределы, в которых несет административную ответственность юридическое лицо, законодатель хотя и не считает вину юридического лица тождественной вине лица физического или совокупной виновности нескольких физических лиц, тем не менее признает наличие связи между привлечением к административной ответственности юридического лица и виновными действиями (бездействием) физического лица, тем более что конечной целью наказания юридического лица со всей очевидностью является воздействие на волю и сознание связанных с ним физических лиц, с тем чтобы добиться частной превенции административных правонарушений.

При этом, поскольку совершение административного правонарушения юридическим лицом — это всегда действие (бездействие) действующих от его имени физических лиц, нельзя отрицать возможность учесть, привлекая юридическое лицо к административной ответственности, обстоятельства, характеризующие форму вины соответствующих физических лиц. Административное правонарушение как факт реальной действительности — это всегда единство субъективных и объективных элементов, что находит отражение как в его легальной дефиниции, так и в юридических конструкциях составов административных правонарушений, предусмотренных особенной частью КоАП РФ, а равно проявляется в том, что по объективным элементам можно судить и о субъективных. В частности, по фактическим обстоятельствам, установленным на основе исследования и оценки доказательств и отражающим характер и степень опасности нарушения, его последствия, можно определить и характеристики вины нарушителя, в том числе юридического лица.

Несмотря на то обстоятельство, что вина юридического лица в совершении административного правонарушения не тождественна вине соответствующего физического лица, виновность юридического лица так или иначе является следствием виновности его должностных лиц (работников), привлечение которых к административной или уголовной ответственности не освобождает — в силу прямого указания части 3 статьи 2.1 КоАП РФ — от административной ответственности само юридическое лицо. Вина юридического лица проявляется в виновном действии (бездействии) соответствующих физических лиц, действующих от его имени и допустивших правонарушение.

В связи с этим указание на форму вины применительно к юридическим лицам не может расцениваться как несовместимое с их качественными характеристиками как субъектов права, тем более что оно не предполагает выхода за общие пределы их административной ответственности, обозначенные в части 2 статьи 2.1 КоАП РФ о признании юридического лица виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не

были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению. Винодность юридического лица как обязательный признак субъективной стороны административного правонарушения охватывает собой случаи, когда несоблюдение правил и норм является следствием совершенных как умышленно, так и по неосторожности действий (бездействия) его должностных лиц (работников), имея в виду, что действия юридического лица всегда производны от действий лиц физических, не будучи, однако, в своем юридическом измерении тождественны им.

Например, устанавливая условия и основания ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах, являющейся, как и административная ответственность, видом публичной ответственности, налоговое законодательство предусматривает, что виновным в совершении налогового правонарушения признается лицо, совершившее противоправное деяние умышленно или по неосторожности, а вина организации в таком правонарушении определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо ее представителей, действия (бездействие) которых обусловили его совершение (пункты 1 и 4 статьи 110 Налогового кодекса Российской Федерации; далее — НК РФ). Мировая практика законодательных решений в сфере юридической ответственности (Германия, Дания, Норвегия, Финляндия, Франция и др.) также исходит из того, что в регулировании публичной ответственности юридического лица может быть отражена связь его вины с виной физических лиц, обладающих представительскими, распорядительными или контрольными полномочиями.

При рассмотрении дела об административном правонарушении в процессе исследования доказательств имеет место мысленная реконструкция совершенного правонарушения в единстве его субъективных и объективных элементов на основе фактов, нашедших отражение в реальной действительности. Умышленный характер правонарушения, связанного с противоправным несоблюдением юридическим лицом правил и норм, может быть установлен исходя из характера и обстоятельств действий (бездействия), нарушивших соответствующие требования, характера самих требований, характера последствий, действий юридического лица по их предотвращению, устранению непосредственно в момент их возникновения. Поэтому, хотя предполагается, что умысел юридического лица проявляется в умышленном характере действий (бездействия) его должностных лиц (работников), нет необходимости в установлении конкретных физических лиц, ответственных за исполнение юридическим лицом соответствующих требований, и в обязательном их привлечении к производству по делу об административном правонарушении как «фактических нарушителей» с целью определить форму их вины. При этом предполагается обязанность суда учесть все значимые для дела обстоятельства и обосновать в постановлении по делу, почему правонарушение квалифицируется как совершенное умышленно.

Определяя понятие вины (виновности) физических и юридических лиц при установлении административной ответственности и конструируя альтернативные (умышленные и неосторожные) составы правонарушений, законодатель обладает — в заданных конституционными принципами равенства, справедливости и соразмерности границах — широким усмотрением, в том числе вправе дифференцировать ответственность за конкретное противоправное действие (бездействие) с учетом качественных и количественных характеристик вины, избегая, однако, несоразмерного обременения привлекаемого к ответственности лица.

Несмотря на то что данные правовые позиции были высказаны КС РФ при проверке в порядке конкретного нормоконтроля конституционности положений КоАП РФ, касающихся административной ответственности юридического лица за неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности либо неисполнение требований по соблюдению транспортной безопасности, совершенное умышленно (если эти действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемого деяния), **в постановлении КС РФ от 21.07.21 № 39-П** обращено внимание на их универсальное значение.

В определениях от 25.11.20 № 2824-О и от 25.03.21 № 560-О КС РФ еще раз отметил, что вина юридического лица в совершении административного правонарушения не тождественна вине соответствующего физического лица, однако виновность юридического лица так или иначе является следствием виновности его должностных лиц (работников). Вина юридического лица проявляется в виновном действии (бездействии) соответствующих физических лиц, действующих от его имени и допустивших правонарушение³⁰.

³⁰ Такая позиция КС РФ некоторыми авторами подвергается критике, сводящейся к тому, что вина не может существовать вне субъекта правонарушения, вне совершенного им деяния. См., например: *Кисин В. Р., Хадисов Г. Х.* Объективное вменение в законодательстве об административных правонарушениях // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2020. № 11. С. 11–17.

Проведенный автором анализ правоприменительной практики показал, что в настоящее время арбитражные суды пока еще крайне редко используют выраженные в постановлениях КС РФ от 14.04.20 № 17-П и от 21.07.21 № 39-П правовые позиции относительно вины юридического лица.

При этом чаще всего суды ссылаются на данные постановления усиливают свои выводы о наличии в действиях юридического лица вины, отмечая активную роль в совершении административного правонарушения его руководителей.

•• Например, при принятии *решений от 28.05.20 по делу № А78-3082/2020, от 17.06.20 по делу № А78-3577/2020 и от 26.06.20 по делу № А78-4089/2020*

Арбитражным судом Забайкальского края было учтено, что незаконную реализацию алкогольной продукции осуществлял непосредственно директор общества.

... Арбитражный суд Дальневосточного округа в постановлении от 21.12.21 по делу № А51-11326/2021 указал, что вина юридического лица проявляется в виновном действии (бездействии) соответствующих физических лиц, действующих от его имени и допустивших правонарушение. В этой связи, поскольку капитан судна действовал от имени и по поручению собственника судна, которое находилось в пользовании общества и эксплуатировалось в интересах последнего, оно правомерно признано субъектом административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 18.1 КоАП РФ.

... При определении вины общества в совершении правонарушения, выразившегося в нарушении тишины и покоя при производстве разгрузочно-погрузочных работ в ночное время, суды установили, что соответствующие работы производились сотрудниками принадлежащего обществу магазина. Данное обстоятельство, с учетом рассматриваемой правовой позиции КС РФ, позволило сделать вывод о наличии в действиях общества состава вмененного ему правонарушения (постановление Арбитражного суда Центрального округа от 08.02.21 по делу № А08-1973/2019).

... В постановлении Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.06.21 по делу № А13-580/2021 рассматриваемая правовая позиция КС РФ использована при разграничении составов административных правонарушений, предусмотренных частями 1 и 3 статьи 11.15.1 КоАП РФ.

... Двенадцатый арбитражный апелляционный суд исходит из того, что указание на форму вины применительно к юридическим лицам не может расцениваться как несовместимое с их качественными характеристиками как субъектов права. Вместе с тем использование широкого подхода к определению виновности юридического лица предполагает, что невозможность установления конкретной формы вины не исключает привлечение юридического лица к ответственности (постановления от 08.12.21 по делу № А06-6118/2021, от 10.12.21 по делу № А12-24354/2021, от 13.12.21 по делу № А12-23080/2021 и от 20.12.21 по делу № А12-22871/2021).

... При рассмотрении дела № А78-10384/2020, в рамках которого оспаривалось постановление антимонопольного органа о привлечении общества к административной ответственности по части 2 статьи 14.32 КоАП РФ, Арбитражный суд Забайкальского края и Четвертый арбитражный

апелляционный суд указали, что для установления степени вины общества в совершении вмененного ему административного правонарушения существенное значение имеет выяснение вопросов о виновности должностных лиц Департамента государственного имущества и земельных отношений Забайкальского края и ГКУ «Служба единого заказчика», о роли каждого из них в нарушении требований статей 16 и 17 Федерального закона от 26.07.06 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон о защите конкуренции), в том числе о наличии или отсутствии воздействия на общество с целью принуждения его к участию в запрещенных согласованных действиях (например, по мотиву необходимости освоения в 2019 году выделенных бюджетных средств). По мнению судов, мотивированному ссылками на постановление КС РФ от 14.04.20 № 17-П, без исследования и установления роли каждого из участников соглашения (согласованных действий), в том числе названного органа государственной власти (его должностных лиц) и государственного заказчика, нельзя сделать объективный и обоснованный вывод о доказанности вины общества в совершении вмененного ему административного правонарушения, тем более в форме умысла.

Однако осмелимся предположить, что в самое ближайшее время анализируемая правовая позиция КС РФ будет использоваться арбитражными судами чаще, хотя и несколько в другом ракурсе.

Дело в том, что частью 4 статьи 2.1 КоАП РФ (в редакции Закона № 70-ФЗ) предусмотрено, что юридическое лицо не подлежит административной ответственности за совершение административного правонарушения, за которое должностное лицо или иной работник данного юридического лица привлечены к административной ответственности либо его единоличный исполнительный орган, имеющий статус юридического лица, привлечен к административной ответственности, если таким юридическим лицом были приняты все предусмотренные законодательством Российской Федерации меры для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, за исключением случаев, предусмотренных частью 5 данной статьи.

С учетом рассматриваемой правовой позиции КС РФ возникает вопрос о механизме применения части 4 статьи 2.1 КоАП РФ в том случае, если к административной ответственности в качестве должностного лица привлечен не рядовой работник (продавец, водитель, кассир и т. д.), а руководитель организации.

Ведь если к административной ответственности привлекли руководителя, через которого юридическое лицо приобретает права и принимает на себя обязанности (пункт 1 статьи 53 Гражданского кодекса РФ), то должен следовать и вывод о том, что юридическое лицо (в лице этого руководителя) не приняло всех

предусмотренных законодательством мер для соблюдения правил и норм, за нарушение которых установлена ответственность (о процессуальных аспектах применения части 4 статьи 2.1 КоАП РФ см. ниже).

При рассмотрении вопроса о вине (в том числе вине юридического лица) в совершении административного правонарушения судам необходимо учитывать и правовую позицию, выраженную **в определении СКЭС ВС РФ от 18.11.20 № 302-ЭС20-10494**, о допустимости использования не только положений пунктов 1 и 4 статьи 110 НК РФ, но и других категорий налогового права³¹.

³¹ О применении аналогии закона при рассмотрении дел об административных правонарушениях см.: *Нобель А. Р.* Элементы принципа законности по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2022. № 1. С. 44–45.

В обоснование своих выводов СКЭС ВС РФ отметила, что в письме ФТС России от 07.05.20 № 01-10/24518, на которое общество указывало в дополнении к кассационной жалобе, направленном в суд округа, разъяснено, что в целях обеспечения единообразного подхода при совершении таможенных операций в отношении товаров, вывозимых из Российской Федерации в Республику Беларусь, таможенному декларированию путем подачи декларации на товары подлежат товары, классифицируемые в товарных позициях 2706 00 000 0, 2707, 2709 00 — 2715 00 000 0, 2901, 2902 ТН ВЭД ЕАЭС. В случае вывоза из Российской Федерации в Республику Беларусь иных товаров, классифицируемых в 27-й и 29-й группах ТН ВЭД ЕАЭС, требуется предоставление в таможенные органы Российской Федерации статистических форм учета перемещения товаров в соответствии со статьей 278 Федерального закона от 03.08.18 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о таможенном регулировании) и постановлением Правительства РФ от 07.12.15 № 1329 «Об организации ведения статистики взаимной торговли Российской Федерации с государствами — членами Евразийского экономического союза».

Таким образом, общедоступное (вследствие размещения в справочно-правовых системах) и не отмененное по настоящее время письмо ФТС России от 07.05.20 № 01-10/24518 не исключает такого толкования, что при вывозе с таможенной территории Российской Федерации на таможенную территорию Республики Беларусь товара «меламин», классифицируемого в товарной позиции 2933 61 0000 ТН ВЭД ЕАЭС, требуется только предоставление в таможенные органы Российской Федерации статистических форм учета перемещения товаров, а не таможенное декларирование путем подачи декларации на товары. Соответственно, указанное письмо ФТС России фактически свидетельствует о наличии правовой неопределенности в вопросе о

том, как именно должен оформляться вывоз товара «меламин» в спорной ситуации.

При этом, как это следует из правовых позиций, изложенных в постановлении КС РФ от 05.03.13 № 5-П, вытекающее из конституционных принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства требование определенности правового регулирования предполагает, что механизм его действия должен быть понятен субъектам соответствующих правоотношений из содержания конкретного нормативного положения или системы находящихся в очевидной взаимосвязи нормативных положений.

Подпункт 3 пункта 1 статьи 111 НК РФ устанавливает, что обстоятельствами, исключающими вину лица в совершении налогового правонарушения, признаются в том числе выполнение налогоплательщиком (плательщиком сбора, плательщиком страховых взносов, налоговым агентом) письменных разъяснений о порядке исчисления, уплаты налога (сбора, страховых взносов) или по иным вопросам применения законодательства о налогах и сборах, данных ему либо неопределенному кругу лиц финансовым, налоговым или другим уполномоченным органом государственной власти (уполномоченным должностным лицом этого органа) в пределах его компетенции (указанные обстоятельства устанавливаются при наличии соответствующего документа этого органа, по смыслу и содержанию относящегося к налоговым (расчетным) периодам, в которых совершено налоговое правонарушение, независимо от даты издания такого документа).

Как следует из правовых позиций, изложенных в постановлении КС РФ от 28.11.17 № 34-П, по смыслу названных законоположений НК РФ акты информационно-разъяснительного характера уполномоченных органов влекут благоприятные последствия для налогоплательщика в случае, если они касаются непосредственно норм законодательства Российской Федерации о налогах и сборах, которое состоит из НК РФ и принятых в соответствии с ним федеральных законов о налогах, сборах, страховых взносах и регулирует властные отношения по установлению, введению и взиманию налогов, сборов, страховых взносов в Российской Федерации, а также отношения, возникающие в процессе осуществления налогового контроля, обжалования актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц и привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения (пункт 1 статьи 1 и пункт 1 статьи 2 НК РФ).

Сходное регулирование имеет место в таможенных правоотношениях. В пункте 29 постановления Пленума ВС РФ от 26.11.19 № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» разъяснено, что с учетом положений пункта 5 части 1 статьи 254 Закона о таможенном регулировании начисление пеней может быть признано необоснованным, если

суд установит, что декларант добросовестно следовал письменным разъяснениям уполномоченного федерального органа исполнительной власти о применении таможенного законодательства, данным ему либо неопределенному кругу лиц, письменным консультациям, полученным декларантом от наделенных соответствующей компетенцией должностных лиц таможенных органов (статья 264 Закона о таможенном регулировании).

Кроме того, как это следует из постановления КС РФ от 25.03.08 № 6-П, однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом.

Соответственно, наличие разъяснения, данного неопределенному кругу лиц в письме ФТС России от 07.05.20 № 01-10/24518, является обстоятельством, исключающим вину общества в неосуществлении таможенного декларирования товара «меламин», в связи с чем оспариваемое постановление таможенного органа о привлечении к ответственности по части 1 статьи 16.2 КоАП РФ признано незаконным.

Приведенная правовая позиция СКЭС ВС РФ применяется арбитражными судами и в случае, если действия участника внешнеэкономической деятельности были обусловлены иными разъяснениями ФТС России и даже пресс-релизами территориальных таможенных органов (например, *постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.09.21 по делу № А40-234780/2020*).

Применение принципа non bis in idem

Как известно, источником данного принципа считается римская формула *nemo debet bis puniri pro uno delicto*, что означает «никто не должен дважды нести наказание за одно преступление».

Основой принципа однократности административной ответственности служат положения части 1 статьи 50 Конституции РФ. Несмотря на то что их буквальное толкование ограничивает действие принципа non bis in idem уголовно-правовой сферой, аналогичные положения содержатся и в части 5 статьи 4.1 КоАП РФ. При этом КС РФ в своих решениях неоднократно подчеркивал равную правовую сущность принципа однократности юридической ответственности при привлечении как к уголовной, так и к административной ответственности (например, **постановление от 04.02.19 № 8-П, определения от 26.03.19 № 824-О, от 27.02.20 № 312-О и от 26.04.21 № 614-О**).

В общем виде принцип non bis in idem характеризует запрет на многократное привлечение к административной ответственности за тождественные правонарушения³². Принцип недопустимости привлечения к ответственности дважды за одно и то же административное правонарушение, наряду с принципами законности, презумпции невиновности, индивидуализации

наказания и его соразмерности совершенному правонарушению, образует основу института административной ответственности и правил назначения административного наказания³³.

³² Подробнее о сущности данного принципа см.: *Старостина П. В.* Принцип non bis in idem в административном и уголовном праве (международно-правовые аспекты) // Административное право и процесс. 2013. № 4. С. 67–71.

³³ Подробнее см.: *Нобель А. Р.* Значение принципов производства по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2020. № 12. С. 37; *Он же.* Система материально-правовых принципов производства по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2020. № 1. С. 46–49.

Рассматривая данный принцип в материальном аспекте, А. Р. Нобель отмечает, что основанием административной ответственности не может служить противоправное деяние, за которое лицо уже привлечено к административной ответственности. То есть абсолютно недопустима двойная (параллельная или последовательная) ответственность субъекта за совершение тождественного административного правонарушения. Один и тот же факт противоправного поведения не может являться основанием для вынесения нескольких постановлений о назначении административного наказания. Применение принципа non bis in idem регулируется триединым условием тождества фактов, единства нарушителя и единства защищаемого правового интереса, то есть к одному и тому же лицу не может быть более одного раза применена санкция за однократное незаконное поведение, рассчитанная на защиту одного и того же правового актива. Таким образом, одному физическому или юридическому лицу нельзя назначить административное наказание за деяние, ранее уже являвшееся предметом производства, по результатам которого субъектом административной юрисдикции констатировано совершение административного правонарушения и назначено наказание³⁴.

³⁴ *Нобель А. Р.* Материальный и процессуальный аспекты принципа non bis in idem в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2021. № 4. С. 40.

Согласно позиции Европейского Суда по правам человека запрещено повторное наказание за аналогичное поведение одного лица в тех же временных рамках, если оно вытекает из идентичных фактов или фактов, которые в значительной степени являются теми же самыми (постановления ЕСПЧ от 10.02.09 по делу «Сергей Золотухин (Sergey Zolotukhin) против Российской

Федерации» (жалоба № 14939/03) и от 12.12.13 по делу «Хмель (Khmel) против Российской Федерации» (жалоба № 20383/04)).

КС РФ также указывает на то, что признаками одного и того же деяния является тождество объективной стороны составов правонарушений и их совершение при одних и тех же фактических обстоятельствах (**постановление от 04.02.19 № 8-П**).

В этом же решении КС РФ отметил, что соответствующий запрет не может быть сведен только к собственно административной ответственности, а распространяется и на случаи привлечения лица за содеянное одновременно к административной ответственности по КоАП РФ и к ответственности, хотя и предусмотренной отраслевыми федеральными законами, но по своей правовой природе являющейся публично-правовой, носящей, по общему правилу, карательный, а не восстановительный характер³⁵.

³⁵ В специальной литературе не без оснований отмечается, что наличие аналогичных составов правонарушений в КоАП РФ, НК РФ, Бюджетном кодексе РФ, иных федеральных законах нарушает не только принцип *non bis in idem*, но и принцип законности. См.: *Нобель А. Р.* Элементы принципа законности по делам об административных правонарушениях. С. 43.

Приведенная правовая позиция получила развитие в **постановлении от 06.04.21 № 10-П**, в котором КС РФ выступил против одновременного привлечения к административной ответственности по части 4 статьи 14.13 КоАП РФ и взыскания судебного штрафа за неисполнение решения арбитражного суда по статье 332 АПК РФ.

Аутентичное понимание статей 119, 120 и 332 АПК РФ позволило КС РФ определить судебный штраф за неисполнение судебного акта арбитражного суда как самостоятельную меру юридической ответственности (государственного принуждения), обладающую публично-правовой природой, отчетливо проявляющейся в карательном (штрафном) характере присущих ей санкций.

При этом содержание части 1 статьи 332 АПК РФ в системе действующего правового регулирования дает основания полагать, что установленный ею судебный штраф за неисполнение судебного акта арбитражного суда предусмотрен для тех случаев, когда неисполненное предписание судебного акта не дублирует правовую норму, а представляет собой властное волеизъявление самого суда по применению положений закона на основе их приложения к конкретным фактическим обстоятельствам и в силу этого обладает для правоприменения самостоятельным значением.

В этой связи при простом (дословном) воспроизведении в определении арбитражного суда о введении наблюдения установленной пунктом 3.2 статьи 64 Федерального закона от 26.10.02 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»

обязанности руководителя должника не позднее пятнадцати дней с даты утверждения временного управляющего предоставить ему бухгалтерские и иные документы, отражающие экономическую деятельность должника за три года до введения наблюдения, нарушитель должен подлежать ответственности на основании положений КоАП РФ, имеющих бланкетный характер по отношению к указанной законодательной (нормативной) обязанности. Учитывая же, что реализация процедур банкротства неразрывно сопряжена с принятием арбитражными судами соответствующих судебных актов, применение к руководителю должника ответственности, предусмотренной частью 4 статьи 14.13 КоАП РФ, не будет лишено смысла и в отношении обеспечения обязательности судебных актов, поскольку ее положения так или иначе направлены на административно-правовую охрану не только института банкротства, но и связанных с его реализацией полномочий судебных органов.

Соответственно, придание действующему правовому регулированию значения, допускающего применение к руководителю должника и административного наказания за незаконное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего, и судебного штрафа за неисполнение судебного акта арбитражного суда в связи с установленным в отношении него одним и тем же фактом нарушения обязанности, предусмотренной пунктом 3.2 статьи 64 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», вступало бы в противоречие как с конституционным запретом повторного привлечения к ответственности за одно и то же деяние, так и с конституционными принципами обоснованности и соразмерности (пропорциональности) ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Вместе с тем такое решение вопроса об ответственности за уклонение от своевременного исполнения указанной обязанности во всяком случае не должно влечь за собой состояние безнаказанности руководителя должника за ее неисполнение. Иное ставило бы под сомнение принудительное государственно-правовое обеспечение как надлежащего порядка осуществления различных процедур, применяемых в деле о банкротстве и являющихся необходимым условием оздоровления экономики, так и ответственного исполнения судебных решений. Следовательно, наложение на руководителя должника судебного штрафа за неисполнение судебного акта арбитражного суда может допускаться лишь в качестве меры по исключению его безнаказанности за неисполнение обязанности предоставить соответствующие документы временному управляющему при введении наблюдения, если для привлечения к административной ответственности по части 4 статьи 14.13 КоАП РФ в контексте обстоятельств конкретного дела будут отсутствовать правовые основания.

Обобщая приведенные выше правовые позиции, **КС РФ в постановлении от 12.05.21 № 17-П** отметил, что в трактовке правила *non bis in idem* он исходит из того, что это правило конкретизирует общий принцип справедливости, который

относится и к основаниям публично-правовой ответственности, включая налоговую и административную, когда ее наступление с объективной стороны обусловлено одним и тем же деянием с теми же обстоятельствами его совершения. Это исключает привлечение одного и того же лица к публично-правовой ответственности дважды за то же деяние, в том числе в случаях, когда квалификация действий (бездействия) как противоправных однажды уже опровергнута в качестве основания ответственности решением, принятым в надлежащей юрисдикционной процедуре. При этом имеет значение родовая общность разных видов публично-правовой ответственности, которая имеет в большей мере карательный, нежели восстановительный характер и установлена за совершение деяний, представляющих общественную опасность, притом что ее отдельные виды во многом дополняют друг друга, будучи связаны схожими задачами, едиными принципами и общими целями защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности и правопорядка.

По мнению А. Р. Нобеля, одним из элементов рассматриваемого принципа является запрет на квалификацию одного и того же противоправного действия (бездействия) по нескольким статьям особенной части КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации, если содержащиеся в них нормы соотносятся между собой как общая и специальная или как целое и часть³⁶.

³⁶ *Нобель А. Р.* Материальный и процессуальный аспекты принципа non bis in idem в производстве по делам об административных правонарушениях. С. 41.

Как указывал КС РФ, принцип non bis in idem означает, что уголовным законом должна быть исключена возможность повторного осуждения и наказания лица за одно и то же преступление, квалификации одного и того же преступного события по нескольким статьям уголовного закона, если содержащиеся в них нормы соотносятся между собой как общая и специальная или как целое и часть, а также двойного учета одного и того же обстоятельства (судимости, совершения преступления лицом, ранее совершившим преступление) одновременно при квалификации содеянного и при определении вида и меры ответственности (постановление от 19.03.03 № 3-П). Повторное привлечение лица к одному и тому же виду ответственности за одно и то же деяние — вопреки принципу non bis in idem — приводило бы к ответственности без правонарушения, что недопустимо в правовом государстве (постановления от 21.03.13 № 6-П и от 10.02.17 № 2-П, определение от 27.02.20 № 312-О).

Такая позиция была подтверждена и в Обзоре судебной практики ВС РФ за первый квартал 2013 года, утвержденного Президиумом ВС РФ 3 июля 2013 года (ответ на вопрос 5).

Между тем анализ правоприменительной практики ВС РФ показывает, что нередко случаи, когда выявленные административные правонарушения могут

быть квалифицированы по разным статьям (частям статей) особенной части КоАП РФ.

Например, в **определении СКЭС ВС РФ от 28.02.22 № 307-ЭС21-17792** указано, что выявленное нарушение, состоящее в отсутствии на передней панели справа от водителя в салоне легкового такси визитной карточки водителя такси с фотографией и информации об условии оплаты за пользование легковым такси, о наименовании, адресе и контактных телефонах органа, обеспечивающего контроль за осуществлением перевозок пассажиров и багажа, могло быть квалифицировано как по части 1 статьи 11.14.1 КоАП РФ³⁷, так и по части 1 статьи 14.8 КоАП РФ³⁸.

³⁷ Отсутствие в салоне легкового такси информации, предусмотренной Правилами перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом.

³⁸ Нарушение права потребителя на получение необходимой и достоверной информации о реализуемом товаре (работе, услуге), об изготовителе, о продавце, об исполнителе и о режиме их работы.

В пункте 22 Обзора судебной практики «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении арбитражными судами дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», утвержденного Президиумом ВС РФ 6 декабря 2017 года, и определении СКЭС ВС РФ от 14.06.18 № 308-АД17-22921 было разъяснено, что несоблюдение лицом требований технического регламента Таможенного союза при выполнении на основании государственного контракта в качестве подрядчика работ по содержанию действующей сети автомобильных дорог подлежит квалификации как административное правонарушение, предусмотренное частью 1 статьи 14.43 КоАП РФ и статьей 12.34 КоАП РФ.

Представляется, что подобная ситуация (возможность квалификации одного и того же противоправного действия или бездействия по нескольким статьям особенной части КоАП РФ, что обусловлено явными дефектами Кодекса) может привести к нарушению не только принципа *non bis in idem* (особенно в случае возбуждения дел об административных правонарушениях различными административными органами), но и свидетельствует о нарушении принципа правовой определенности как требования качества закона³⁹, на исключительную важность которого при правовом регулировании привлечения к административной ответственности неоднократно обращал внимание КС РФ (например, пункт 4 мотивировочной части **постановления от 23.06.20 № 28-П** и пункт 4 мотивировочной части **постановления от 09.07.21 № 34-П**).

³⁹ Подробнее о принципе правовой определенности в таком аспекте см.: Бершицкий Э. Е. Указ. соч. С. 49–57.

В постановлении от 21.07.21 № 39-П КС РФ особо отметил, что адекватное уяснение объективной стороны административного правонарушения предполагает необходимость их оценки не только в соотношении друг с другом и признаками иных входящих в состав административного правонарушения элементов, но и во взаимосвязи с находящимися под защитой административной ответственности нормами и правилами.

В этой связи следует поддержать правовую позицию, выраженную **в определении СКЭС ВС РФ от 16.11.20 № 309-ЭС20-1600**, о необходимости разграничения составов административных правонарушений, предусмотренных статьей 9.2 и частью 1 статьи 14.43 КоАП РФ, и недопустимости квалификации соответствующих действий общества по первой из названных норм.

При применении принципа non bis in idem и положений части 5 статьи 4.1 КоАП РФ арбитражным судам необходимо учитывать и правовую позицию, выраженную **в определении СКЭС ВС РФ от 01.02.21 № 301-ЭС20-15182**.

... В рассмотренной ВС РФ ситуации в рамках проведения одной проверки прокурором были выявлены нарушения, допущенные обществом при осуществлении деятельности по управлению 16 многоквартирными домами. То обстоятельство, что нарушения были выявлены в отношении каждого дома и отражены в отдельных актах осмотра по каждому дому, по мнению СКЭС ВС РФ, не свидетельствует о совершении обществом нескольких самостоятельных правонарушений, поскольку каждое из выявленных нарушений в отношении этих домов квалифицируются как нарушение лицензионных требований при осуществлении предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами и образует единый состав правонарушения.

Таким образом, нарушения лицензионных требований, предусмотренных одной лицензией, при осуществлении предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами, выявленные в рамках одной проверки одним и тем же контролирующим органом в отношении одного и того же лица, образуют состав одного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 14.1.3 КоАП РФ.

Учитывая, что по результатам указанной проверки общество уже было привлечено к ответственности по части 2 статьи 14.1.3 КоАП РФ постановлением от 11.06.19 № 574-02-5/19, которое признано законным вступившим в законную силу решением Арбитражного суда Ярославской области от 16.10.19 по делу № А82-12354/2019, вынесение административным органом по результатам этой же проверки еще одного постановления свидетельствует о повторном привлечении общества к административной ответственности за одно и то же административное правонарушение — нарушение лицензионных требований при

осуществлении предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами.

Ранее в **определениях от 12.11.20 № 305-ЭС20-12596, от 16.11.20 № 305-ЭС20-11431 и 305-ЭС20-11900 СКЭС ВС РФ** пришла к выводу о том, что для квалификации правонарушения по части 1 статьи 15.37 КоАП РФ (неисполнение головным исполнителем, исполнителем по государственному оборонному заказу требования о ведении раздельного учета результатов финансово-хозяйственной деятельности) правовое значение имеет временной период неведения раздельного учета результатов финансово-хозяйственной деятельности по различным договорам. От количества договоров самостоятельность выявляемых правонарушений не зависит.

♦♦ Из материалов рассмотренных ВС РФ дел следовало, что в период с 25 мая 2018 года по 29 мая 2019 года раздельный учет результатов финансово-хозяйственной деятельности обществом не велся ни по каким государственным контрактам (контрактам). При этом постановлением ФАС России от 18.06.19 по делу об административном правонарушении № 24/04/15.37-358/2019 общество привлечено к административной ответственности за неведение в указанный период раздельного учета результатов финансово-хозяйственной деятельности по договору, заключенному в целях выполнения государственного оборонного заказа, с назначением наказания в виде штрафа в размере 300 000 рублей. В этой связи предложение прокуратуры по привлечению этой же организации к административной ответственности за аналогичное нарушение, совершенное в тот же проверяемый период, является необоснованным.

После 1 февраля 2021 года практика применения части 2 статьи 14.1.3 КоАП РФ в тех случаях, когда в рамках проведения одной проверки выявляются нарушения, допущенные управляющей компанией при осуществлении деятельности по управлению несколькими многоквартирными домами, складывается единообразно (*постановления Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10.02.21 по делу № А82-13898/2019, Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10.03.21 по делу № А56-55920/2020, Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.03.21 по делу № А56-94440/2020*).

Проведенный автором анализ судебно-арбитражной практики показал, что примененный в определении СКЭС ВС РФ от 01.02.21 № 301-ЭС20-15182 правовой подход применяется судами при рассмотрении дел о привлечении к административной ответственности за нарушение лицензионных требований и в иных сферах деятельности.

... В частности, в постановлениях Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.02.21 по делам № А45-12180/2020 и А45-12184/2020 указано, что в ходе проведения одной проверки прокурором были выявлены нарушения требований одной лицензии, допущенные обществом при осуществлении частной охранной деятельности при оказании охранных услуг на различных объектах (железнодорожных вокзалах). Вынесение прокурором отдельных постановлений о возбуждении дела об административном правонарушении по каждому из допущенных нарушений не свидетельствует о совершении обществом нескольких самостоятельных административных правонарушений, предусмотренных частью 3 статьи 14.1 КоАП РФ, поскольку каждое из таких нарушений в отношении различных объектов охраны квалифицируется как нарушение лицензионных требований при осуществлении частной охранной деятельности и образует единый состав правонарушения.

... К схожим выводам при рассмотрении дела о привлечении к административной ответственности по части 3 статьи 14.1 КоАП РФ пришел и Арбитражный суд Дальневосточного округа, который в постановлении от 14.12.21 по делу № А51-6892/2021 принял во внимание, что нарушения лицензионных требований при осуществлении частной охранной деятельности были выявлены административным органом по заявлению одного и того же лица в ходе проведения одной проверки, при этом охранные услуги оказывались в рамках одного договора. В этой связи суд округа посчитал, что составление административным органом отдельных протоколов по делу об административном правонарушении по каждому из допущенных нарушений не свидетельствует о совершении обществом нескольких самостоятельных административных правонарушений, поскольку каждое из таких нарушений в отношении различных объектов охраны квалифицируется как нарушение лицензионных требований при осуществлении частной охранной деятельности и образует единый состав правонарушения.

... Из постановления Арбитражного суда Уральского округа от 23.06.21 по делу № А50-30349/2020 следует, что все установленные в ходе проверки нарушения требований промышленной безопасности, в том числе указанные в оспариваемом постановлении, выявлены в ходе одной проверки, проведенной одним и тем же контролирующим органом, в один день, в отношении одного юридического лица, при этом все нарушения (в том числе и связанные с ведением документации) связаны с эксплуатацией обществом одного опасного производственного объекта «Участок механизации». Позиция административного органа, с учетом размера санкций по части 1 статьи 9.1 КоАП РФ, фактически предполагает многократное применение существенного административного наказания за любые нарушения отдельных требований промышленной

безопасности, что не соответствует предъявляемым к мерам административной ответственности требованиям соразмерности и справедливости.

... В решениях от 15.02.21 по делу № А78-11079/2020, от 17.02.21 по делу № А78-11128/2020 и от 25.03.21 по делу № А78-267/2021 Арбитражный суд Забайкальского края пришел к выводу о том, что выявление нескольких фактов реализации алкогольной продукции, имевших место в один день в разных обособленных подразделениях юридического лица, включенных в лицензию на розничную продажу алкогольной продукции, в рамках одного контрольного мероприятия, проводимого на основании одного и того же служебного задания (приказа и др.), в отношении одного и того же лицензиата, является разными эпизодами одного и того же единого нарушения — нарушения требований в области оборота алкогольной продукции. При этом юридическое лицо осуществляет деятельность хотя и в разных обособленных подразделениях, но на основании одной лицензии на розничную продажу алкогольной продукции, в связи с чем допущенные им в один и тот же день нарушения образуют состав одного административного правонарушения.

... Аналогичный подход применен Арбитражным судом Забайкальского края и при рассмотрении дела № А78-3440/2021, в рамках которого судом было установлено, что административный орган по результатам проведенного одного контрольного мероприятия исполнения обязанности по представлению деклараций за четвертый квартал 2020 года выявил нарушение срока представления деклараций по двум формам (вместо 20 января 2021 года такие декларации были представлены 4 февраля 2021 года с разницей в 10 секунд), однако привлек общество к ответственности по статье 15.13 КоАП РФ за совершение двух правонарушений (за нарушение срока представления каждой декларации). Постановлением Четвертого арбитражного апелляционного суда от 06.08.21 названное решение оставлено без изменения.

Допускают суды применение названной правовой позиции и при рассмотрении дел о привлечении к ответственности за совершение административных правонарушений, не связанных с нарушением лицензионных требований: например, по статье 7.1 КоАП РФ (*постановление Арбитражного суда Центрального округа от 13.01.22 по делу № А83-14041/2020*), по части 2 статьи 9.21 (*решение Арбитражного суда Забайкальского края от 03.02.22 и постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 30.03.22 по делу № А78-10150/2021*) и по части 1 статьи 14.43 КоАП РФ (*решение Арбитражного суда Забайкальского края от 22.12.21, постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 09.02.22 и постановление*

Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19.04.22 по делу № А78-10514/2021).

Вместе с тем, по нашему мнению, рассматриваемый подход к определению однократности привлечения к ответственности за нарушение иных (помимо лицензионных) требований следует применять с осторожностью.

В настоящее время в судебно-арбитражной практике наблюдается тенденция к распространению приведенных разъяснений ВС РФ на правоотношения в сфере валютного и таможенного регулирования.

... Так, *Арбитражный суд Уральского округа в постановлениях от 16.03.21 по делу № А60-29693/2020 и от 19.03.21 по делу № А60-13997/2020* при рассмотрении вопроса о законности привлечения общества к административной ответственности по статье 16.7 КоАП РФ за представление недействительных документов при совершении таможенных операций установил, что поскольку декларант несколько раз представлял недействительный документ (декларацию о соответствии), то правонарушение приобрело характер единого продолжаемого правонарушения. То обстоятельство, что нарушения отражены в отдельных постановлениях по каждой декларации на товары, не свидетельствует о совершении декларантом нескольких самостоятельных правонарушений. Судом указано, что каждое из выявленных нарушений в отношении декларации на товары квалифицируется по одной статье КоАП РФ как представление недействительных документов, в частности одной и той же декларации о соответствии, выявлено в рамках одной проверки, проведенной одним таможенным органом в отношении одного лица, и образует единый состав правонарушения.

Вполне объяснимо, что арбитражные суды, входящие в Уральский кассационный округ, до недавнего времени придерживались такой же позиции (например, *постановления Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.04.21 по делу № А60-29245/2020, от 16.04.21 по делу № А60-29477/2020 и от 22.04.21 по делу № А60-29475/2020*).

Однако **определениями СКЭС ВС РФ от 18.10.21 № 309-ЭС21-7843 и от 02.11.21 № 309-ЭС21-10835** названные постановления Арбитражного суда Уральского округа отменены.

В обоснование своей позиции ВС РФ указал, что административное правонарушение считается оконченным с момента, когда в результате действия (бездействия) правонарушителя имеются все предусмотренные законом признаки состава административного правонарушения. Применительно к диспозиции статьи 16.7 КоАП РФ элементами состава правонарушения являются: передача декларантом или иным лицом таможенному представителю или иному лицу для представления в таможенный орган при совершении таможенных

операций документа, содержащего недостоверные сведения, которые могут послужить основанием для освобождения от уплаты таможенных пошлин, налогов или для занижения их размера, и (или) несоблюдение установленных международными договорами государств — членов Евразийского экономического союза, решениями Евразийской экономической комиссии, нормативными правовыми актами Российской Федерации запретов и ограничений; представление таможенным представителем или иным лицом указанного документа в таможенный орган при совершении таможенных операций.

В соответствии с пунктом 8 статьи 111 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза таможенная декларация становится документом, свидетельствующим о фактах, имеющих юридическое значение, с момента регистрации.

Следовательно, исполняя обязанность по представлению в таможенный орган путем посредника документов, декларант должен обеспечить достоверность указанных в них сведений, тогда как в данном случае декларант не принял необходимых мер по исполнению своих обязанностей.

В этой связи каждое из оспариваемых постановлений таможенного органа о привлечении к административной ответственности предусматривает санкцию за самостоятельное правонарушение, связанное с ввозом отдельной партии товара, вследствие чего повторное привлечение общества к административной ответственности за одно и то же административное правонарушение в действительности отсутствует.

Соглашаясь с подобной правовой позицией СКЭС ВС РФ, дополнительно укажем, что в противном случае примененный Арбитражным судом Уральского округа подход к определению однократности правонарушения будет распространяться и на иные нарушения, связанные с ввозом и декларированием товаров, в том числе на правонарушения, предусмотренные частью 1 статьи 14.10 КоАП РФ.

Однако пункт 15 постановления Пленума ВАС РФ от 17.02.11 № 11 «О некоторых вопросах применения особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» прямо определяет окончание административного правонарушения, выразившегося в незаконном использовании товарного знака путем ввоза товара, содержащего незаконное воспроизведение этих средств индивидуализации, на таможенную территорию Российской Федерации, с момента перемещения товаров, содержащих незаконное воспроизведение товарного знака, через таможенную границу Российской Федерации и подачи таможенному органу таможенной декларации и (или) документов, необходимых для помещения товаров под таможенную процедуру, условия которой предполагают возможность введения этих товаров в оборот на территории Российской Федерации.

Ожидаемо, что после принятия анализируемых определений СКЭС ВС РФ практика судов, входящих в Уральский кассационный округ, была скорректирована (*постановления Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.12.21 по делу № А60-14827/2021 и от 23.12.21 по делу № А60-14770/2021*).

... Четвертый арбитражный апелляционный суд в своих судебных актах по делам № А19-10887/2020 и А19-18551/2020 допустил возможность применения правовой позиции, выраженной в определениях СКЭС ВС РФ от 12.11.20 № 305-ЭС20-12596, от 16.11.20 № 305-ЭС20-11431 и от 01.02.21 № 301-ЭС20-15182, при квалификации нарушений валютного законодательства в виде неоднократных выплат резидентом физическому лицу — нерезиденту заработной платы наличными денежными средствами в валюте Российской Федерации без использования специальных счетов, открытых нерезидентами в уполномоченных банках, в качестве единого правонарушения, если такие факты установлены органом валютного контроля в рамках одной проверки и отражены в одном акте проверки.

Однако на ошибочность примененного судом апелляционной инстанции подхода для сферы валютных правоотношений указано в *постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 31.05.21 по делу № А19-18551/2020*.

... В *постановлении от 27.09.21 по делу № А78-10138/2020 Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа* указал, что размер штрафа за совершение правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 15.25 КоАП РФ, исчисляется исходя из суммы каждой незаконной валютной операции, в связи с чем инспекция разными постановлениями привлекла общество к административной ответственности за иные незаконные валютные операции (выплаты обществом как резидентом физическим лицам — нерезидентам заработной платы, минуя счет в уполномоченном банке, наличными денежными средствами). Следовательно, при вынесении оспариваемого постановления принцип однократности привлечения к административной ответственности нарушен не был. Вынесение двух постановлений о назначении административного наказания по результатам одной проверки не нарушило прав и законных интересов общества, в том числе и потому, что не повлияло на размер ответственности.

Аналогичной позиции придерживается и *Арбитражный суд Поволжского округа (постановления от 20.01.22 по делу № А12-11778/2021, от 21.01.22 по делу № А12-11769/2021, от 25.01.22 по делу № А12-11777/2021, от 26.01.22 по делу № А12-11774/2021 и от 27.01.22 по делу № А12-11782/2021)*.

О правомерности отдельного привлечения к административной ответственности по части 1 статьи 15.25 КоАП РФ за каждую валютную операцию свидетельствует и правоприменительная практика ВС РФ (например, определения от 02.11.20 № 305-ЭС20-16666, от 29.01.21 № 305-ЭС20-22311 и от 29.12.21 № 302-ЭС21-25016).

Девятый арбитражный апелляционный суд не считает возможным применять правовую позицию, выраженную в определении СКЭС ВС РФ от 01.02.21 № 301-ЭС20-15182, при рассмотрении дел об оспаривании решений административного органа о привлечении к ответственности по статье 14.48 КоАП РФ (*постановления от 20.01.22 по делу № А40-206788/2021, от 26.01.22 по делу № А40-206806/2021, от 02.02.22 по делу № А40-206769/2021 и от 03.02.22 по делу № А40-206631/2021*), а Десятый арбитражный апелляционный суд — по части 2 статьи 7.3 КоАП РФ (*постановление от 15.12.21 по делу № А41-33196/2021*).

Вместе с тем можно предположить, что после 6 апреля 2022 года судебная практика будет меняться, поскольку Законом № 70-ФЗ статья 4.4 КоАП РФ дополнена новыми положениями.

Частью 5 статьи 4.4 КоАП РФ (в новой редакции) предусмотрено, что, если при проведении одного контрольного (надзорного) мероприятия в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля выявлены два и более административных правонарушения, ответственность за которые предусмотрена одной и той же статьей (частью статьи) раздела II Кодекса или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, совершившему их лицу назначается административное наказание как за совершение одного административного правонарушения.

Согласно части 6 той же статьи (в редакции Закона № 70-ФЗ) если при проведении одного контрольного (надзорного) мероприятия в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля выявлены два и более административных правонарушения, ответственность за которые предусмотрена двумя и более статьями (частями статьи) раздела II Кодекса либо закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, при назначении административного наказания за совершение указанных административных правонарушений применяются правила назначения административного наказания, предусмотренные частями 2–4 данной статьи.

Из части 5 статьи 2 Федерального закона от 31.07.20 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее — Закон № 248-ФЗ) следует, что валютный контроль и таможенный контроль отнесены к видам государственного контроля (надзора).

Соответственно, при буквальном толковании новых положений статьи 4.4 КоАП РФ следует признать, что они распространяются и на случаи выявления административных правонарушений при проведении одного контрольного

(надзорного) мероприятия в ходе осуществления валютного или таможенного контроля.

Как представляется, актуальным будет и вопрос о возможности применения рассматриваемых положений на случаи выявления административных правонарушений в ходе осуществления прокурорского надзора, проверок органов внутренних дел по заявлениям о совершении административных правонарушений и т. д.

Если толковать части 5 и 6 статьи 4.4 КоАП РФ буквально, то они не распространяются на весьма многочисленные случаи выявления административных правонарушений органами внутренних дел и прокурорами, поскольку в силу пунктов 1 и 7 части 3 статьи 1 Закона № 248-ФЗ к государственному контролю (надзору) не относятся мероприятия по проверке заявлений и сообщений о происшествиях, разрешение которых отнесено к компетенции органов внутренних дел, а также деятельность органов прокуратуры по осуществлению прокурорского надзора.

В этой связи отметим, что при применении схожих положений статьи 4.1.1 КоАП РФ правоприменительная практика допускает расширительное толкование.

Например, в **определении ВС РФ от 02.08.19 № 307-ЭС19-12049** указано, что в целях применения положений статьи 4.1.1 КоАП РФ понятие «государственный контроль (надзор)» следует рассматривать в широком смысле, не ограничивая его только рамками действия Федерального закона от 26.12.08 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее — Закон № 294-ФЗ), иное означало бы нарушение одного из основополагающих принципов равенства всех перед законом (статья 1.4 КоАП РФ)⁴⁰. При этом приведенное административным органом понятие «государственный контроль (надзор)» в соответствии с положениями статьи 2 Закона № 294-ФЗ используется только для целей этого закона.

⁴⁰ Подробнее о проблемах реализации установленного статьей 1.4 КоАП РФ принципа равенства при привлечении к административной ответственности см.: Принципы публичного права: Монография / Под ред. Е. В. Титовой, Т. П. Подшивалова. М.: Проспект, 2019. С. 82–84.

Аналогичная позиция выражена и в **определении ВС РФ от 27.03.19 № 301-ЭС19-1849**, в котором разъяснено, что выявление нарушения не в рамках Закона № 294-ФЗ не свидетельствует об отсутствии оснований для применения статьи 4.1.1 КоАП РФ. При этом приведенные в упомянутом законе понятия (в том числе государственного и муниципального контроля) используются только для целей этого закона.

Судьи Судебной коллегии по административным делам ВС РФ придерживаются такой же позиции (например, **постановление от 04.05.21 № 58-АД21-5-К9**).

Следует иметь в виду, что законодателем по целому ряду статей особенной части КоАП РФ прямо предусмотрена административная ответственность за каждое (единичное) нарушение действующего законодательства.

Так, с 29 марта 2020 года введена в действие часть 5 статьи 14.8 КоАП РФ, устанавливающая ответственность за отказ потребителю в предоставлении товаров (выполнении работ, оказании услуг) либо доступе к товарам (работам, услугам) по причинам, связанным с состоянием его здоровья, или ограничением жизнедеятельности, или его возрастом, кроме случаев, предусмотренных законом.

В примечании к статье 14.8 КоАП РФ указано, что в случае отказа двум и более потребителям одновременно в предоставлении товаров (выполнении работ, оказании услуг) либо доступе к товарам (работам, услугам) по причинам, связанным с состоянием их здоровья, или ограничением жизнедеятельности, или их возрастом, либо в случае соответствующего неоднократного отказа одному или двум и более потребителям одновременно административная ответственность, предусмотренная частью 5 данной статьи, наступает за такой отказ каждому потребителю и за каждый случай такого отказа в отдельности.

Согласно примечанию к статье 14.28 КоАП РФ в случае нарушения лицом требований к привлечению денежных средств гражданина, связанному с возникающим у гражданина правом собственности на жилое помещение в многоквартирном доме, который на момент привлечения таких денежных средств гражданина не введен в эксплуатацию в порядке, установленном законодательством о градостроительной деятельности, административная ответственность, установленная частью 1 данной статьи, наступает в отношении каждого случая неправомерного привлечения денежных средств гражданина в отдельности.

В случае нарушения приглашающей или принимающей стороной либо должностным лицом юридического лица, обеспечивающего обслуживание иностранного гражданина или лица без гражданства либо выполняющего обязанности, связанные с соблюдением условий пребывания в Российской Федерации или транзитного проезда через территорию Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства, установленного порядка оформления документов на право пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, их проживания, передвижения, изменения места пребывания или жительства в Российской Федерации и выезда за ее пределы в отношении двух и более приглашенных либо принимаемых иностранных граждан и (или) лиц без гражданства административная ответственность, установленная статьей 18.9 КоАП РФ, наступает в отношении

каждого иностранного гражданина или лица без гражданства в отдельности (примечание к статье 18.9 КоАП РФ).

До 6 апреля 2022 года не вызывало сомнений, что при совершении таких правонарушений административное наказание должно назначаться за каждое совершенное административное правонарушение (часть 1 статьи 4.4 КоАП РФ).

Однако в настоящее время в случае выявления административных правонарушений, предусмотренных частью 5 статьи 14.8, частью 1 статьи 14.28 и статьей 18.9 КоАП РФ, при проведении одного контрольного (надзорного) мероприятия в ходе осуществления государственного контроля (надзора) может возникнуть коллизия между этими нормами (примечанием к ним), являющимися специальными, и частями 5, 6 статьи 4.4 этого же Кодекса (в редакции Закона № 70-ФЗ), которые, с одной стороны, являются специальными по отношению к части 1 той же статьи, но, с другой стороны, — общими по отношению к нормам особенной части КоАП РФ.

Как известно, при разрешении коллизии между нормами приоритетом обладает специальная норма в соответствии с общеправовым принципом *lex specialis derogat generali*, определяющим критерий выбора в случае конкуренции общей и специальной норм, регулирующих одни и те же общественные отношения (пункт 29 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 (2021), утвержденного Президиумом ВС РФ 10 ноября 2021 года).

Как указано в пункте 2 мотивировочной части определения КС РФ от 05.10.2000 № 199-О, в соответствии с общими принципами права в случае коллизии норм, регулирующих одни и те же общественные отношения, применению подлежат нормы закона, принятого по времени позднее, при условии, что в нем не установлено иное, при этом приоритетом над общими нормами обладают специальные нормы.

Согласно правовой позиции, сформулированной в пункте 2.2 мотивировочной части постановления КС РФ от 29.06.04 № 13-П, в отношении федеральных законов как актов одинаковой юридической силы применяется правило *lex posterior derogat priori* (последующий закон отменяет предыдущие), означающее, что даже если в последующем законе отсутствует специальное предписание об отмене ранее принятых законоположений, в случае коллизии между ними действует последующий закон; вместе с тем независимо от времени принятия приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений.

С нашей точки зрения, в описанной ситуации применению подлежат части 5 и 6 статьи 4.4 КоАП РФ, поскольку Закон № 70-ФЗ принят позднее и, более того, этот закон улучшает положение лиц, привлекаемых к административной ответственности, однако с учетом приведенных правовых позиций КС РФ в правоприменительной практике могут возникнуть противоречивые подходы.

В пользу предложенного толкования можно сослаться и на упомянутые выше определения СКЭС ВС РФ от 12.10.21 № 301-ЭС21-5453 и от 29.03.22 № 306-ЭС21-23661, в которых при разрешении коллизии между частью 4.5 статьи 3.5 и санкцией части 2 статьи 14.43.1 КоАП РФ указано, что последняя из названных норм не является специальной.

Завершая рассмотрение вопроса о применении принципа *non bis in idem*, необходимо отметить, что в соответствии с частью 3 статьи 2.1 КоАП РФ привлечение к уголовной ответственности физического лица не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение юридическое лицо.

В пункте 15 постановления Пленума ВС РФ № 5 указано, что привлечение к уголовной ответственности должностного лица не может в силу части 3 статьи 2.1 КоАП РФ служить основанием для освобождения юридического лица от административной ответственности.

Тем не менее в практике встречаются случаи, когда суды не учитывают приведенные нормы и разъяснения.

... Например, при рассмотрении *дела № А84-418/2018* суды первой и апелляционной инстанций, установив, что капитан принадлежащего обществу рыболовного судна в ходе осуществления промысловой деятельности использовал разноглубинный трал в донном варианте траления, что является нарушением правил рыболовства для Азово-Черноморского рыбохозяйственного бассейна, пришли к выводу о наличии в действиях общества состава вмененного административного правонарушения и признали правомерным оспариваемое постановление административного органа.

Однако Арбитражный суд Центрального округа отменил судебные акты судов первой и апелляционной инстанций, ссылаясь на то, что вступившим в законную силу приговором Нахимовского районного суда г. Севастополя от 01.07.19 капитан рыболовного судна признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 256 Уголовного кодекса РФ, и указанное обстоятельство исключает административную ответственность юридического лица — работодателя, так как действия работника юридического лица, содержащие признаки преступления, не образуют совокупность составов иных правонарушений, в том числе административных.

На основании изложенного суд округа признал незаконным и отменил оспариваемое постановление административного органа, с чем не согласилась СКЭС ВС РФ, указавшая, что привлечение капитана принадлежащего обществу судна к уголовной ответственности не является основанием для освобождения общества от административной ответственности (**определение от 21.08.20 № 310-ЭС20-7287**).

Иные вопросы назначения административного наказания

Вопросы, связанные с назначением административного наказания, урегулированы главой 4 КоАП РФ.

В определении от 28.05.20 № 1123-О КС РФ еще раз отметил, что меры административной ответственности и правила их применения, устанавливаемые законодательством об административных правонарушениях, должны не только отвечать характеру правонарушения, его опасности для защищаемых законом ценностей, но и обеспечивать учет причин и условий его совершения, личности правонарушителя и степени вины, гарантируя адекватность порождаемых последствий для лица, привлекаемого к административной ответственности, тому вреду, который причинен в результате правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и сохраняя баланс основных прав индивида (юридического лица) и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств.

Исходя из этого КоАП РФ установил, в частности, что административное наказание за совершение административного правонарушения назначается в пределах, установленных законом, предусматривающим ответственность за данное административное правонарушение; при назначении административного наказания юридическому лицу учитываются характер совершенного им административного правонарушения, имущественное и финансовое положение юридического лица, обстоятельства, смягчающие административную ответственность, и обстоятельства, отягчающие административную ответственность (части 1 и 3 статьи 4.1). Кроме того, для индивидуализации назначаемого юридическому лицу административного наказания Кодекс предусмотрел условия и порядок снижения административного штрафа на половину минимального размера данного вида наказания, установленного за совершение конкретного административного правонарушения (части 3.2 и 3.3 статьи 4.1), замены административного штрафа предупреждением (статья 4.1.1), освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения (статья 2.9).

Согласно правовой позиции, выраженной **в постановлении КС РФ от 07.04.20 № 15-П**, части 3.2 и 3.3 статьи 4.1 КоАП РФ допускают возможность не более чем двукратного снижения минимального размера административного штрафа, составляющего для юридических лиц не менее ста тысяч рублей, благодаря чему предоставляют органам и должностным лицам административной юрисдикции действенное средство для справедливого и пропорционального содеянному реагирования на совершенное противоправное деяние. Данные нормы обеспечивают индивидуализацию административного наказания и фактически улучшают правовое положение юридического лица,

привлекаемого к административной ответственности. Эти правила назначения юридическим лицам административного наказания в виде административного штрафа в размере менее его минимального размера распространяются при наличии необходимых обстоятельств и условий как на относительно определенные штрафы с установленным минимальным и максимальным их размером, так и на абсолютно определенные штрафы, установленные в твердом (фиксированном) размере.

При этом **в определении от 20.07.21 № 1664-О КС РФ** указал, что установление законодателем предела снижения административного штрафа, назначаемого юридическому лицу (не более чем в два раза), в целях индивидуализации административного наказания при наличии исключительных обстоятельств, связанных с характером совершенного административного правонарушения и его последствиями, имущественным и финансовым положением привлекаемого к административной ответственности юридического лица, не может рассматриваться как нарушение конституционных прав и свобод заявителя.

В случае если административный орган при назначении наказания применил положения частей 3.2 и 3.3 статьи 4.1 КоАП РФ и наполовину снизил размер административного штрафа, суд не вправе еще раз уменьшать меру административной ответственности (определение ВС РФ от 27.10.21 № 308-ЭС21-19660).

При применении рассматриваемых положений статьи 4.1 КоАП РФ арбитражным судам необходимо учитывать правовую позицию, выраженную **в пункте 42 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 (2021)**, утвержденного Президиумом ВС РФ 10 ноября 2021 года, и **определении СКЭС ВС РФ от 25.05.21 № 305-ЭС20-23482**, согласно которой если индивидуальный предприниматель несет административную ответственность как юридическое лицо⁴¹, то и размер назначаемого им административного штрафа не может составлять менее половины минимального размера административного штрафа, предусмотренного для юридических лиц.

⁴¹ Например, за совершение всех административных правонарушений в области таможенного дела, предусмотренных главой 16 КоАП РФ.

В определении КС РФ от 26.04.21 № 614-О указано, что статья 4.1.1 КоАП РФ, действующая во взаимосвязи с положениями статьи 3.4 Кодекса, предусматривает возможность замены административного наказания в виде административного штрафа предупреждением в качестве одного из способов индивидуализации административного наказания, применяемого в отношении особого субъекта административной ответственности, к которому в числе прочих относятся лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без

образования юридического лица (индивидуальные предприниматели), являющиеся субъектами малого и среднего предпринимательства. По смыслу указанных законоположений такая замена осуществляется, в частности, за впервые совершенное административное правонарушение, выявленное в ходе осуществления государственного контроля (надзора) при отсутствии причинения вреда или возникновения угрозы причинения вреда безопасности государства. Между тем совершенные заявителем административные правонарушения против порядка управления создают угрозу причинения вреда безопасности государства. Данное обстоятельство во всяком случае исключает возможность замены административного штрафа предупреждением.

Для правильного применения положений указанной нормы важное значение имеют правовые позиции, выраженные в пункте 43 Обзора судебной практики ВС РФ № 4 (2018), утвержденного Президиумом ВС РФ 26 декабря 2018 года, и определениях СКЭС ВС РФ от 05.09.18 № 302-АД18-6072, от 05.09.18 № 303-АД18-5207 и от 05.09.18 № 303-АД18-5141, в соответствии с которыми, помимо прочих условий, установленных статьей 4.1.1 КоАП РФ для возможности замены административного штрафа на предупреждение, основополагающим условием является то обстоятельство, что административное правонарушение совершено впервые, то есть преференция, предусмотренная данной нормой, является исключительной.

При рассмотрении вопроса о возможности замены административного штрафа на предупреждение должны учитываться совершенные ранее иные административные правонарушения, в том числе не являющиеся однородными по отношению к рассматриваемому правонарушению. При этом условий, в соответствии с которыми оценка возможности применения предупреждения по последующему правонарушению зависит от наличия (вступления в силу) постановления о привлечении к административной ответственности по предшествующему правонарушению на момент совершения последующего правонарушения, статьи 3.4 и 4.1.1 КоАП РФ не предусматривают.

Вместе с тем в соответствии с положениями статьи 4.6 КоАП РФ лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления. Кроме того, как это следует из части 1 статьи 31.9 КоАП РФ, постановление о назначении административного наказания не подлежит исполнению в случае, если это постановление не было приведено в исполнение в течение двух лет со дня его вступления в законную силу.

Таким образом, истечение сроков, указанных в статьях 4.6 и 31.9 КоАП РФ, в период течения которых лицо считается подвергнутым административному наказанию по одному или нескольким административным правонарушениям,

исключает возможность учета таких административных правонарушений в качестве основания, препятствующего применению взаимосвязанных положений части 2 статьи 3.4 и статьи 4.1.1 КоАП РФ, позволяющих заменить назначенное наказание в виде административного штрафа на предупреждение.

Правила применения статьи 4.6 КоАП РФ подробно разъяснены в **постановлении КС РФ от 23.06.20 № 28-П**, в котором указано, что введение годичного срока направлено на достижение целей административного наказания — общей и частной превенции, поскольку повторное совершение однородного административного правонарушения в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию, рассматривается, по общему правилу, в качестве отягчающего обстоятельства, подлежащего обязательному учету при назначении административного наказания как юридическому, так и физическому лицу, а также поскольку оно может быть предусмотрено в качестве квалифицирующего признака административного правонарушения (часть 1 статьи 3.1, части 2 и 3 статьи 4.1, пункт 2 части 1 и часть 2 статьи 4.3 Кодекса). Увязывая течение такого срока с днем вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания и днем окончания исполнения этого постановления, названная норма подлежит применению во взаимосвязи с иными положениями законодательства об административных правонарушениях, определяющими порядок вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении и порядок его исполнения (статьи 31.1, 31.2 и часть 1 статьи 32.2 КоАП РФ).

Такое правовое регулирование позволяет однозначно определить период продолжительностью не менее одного года, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, для случаев, когда постановление о назначении административного штрафа исполняется лицом, привлеченным к административной ответственности, после его вступления в законную силу, что само по себе несет стимулирующий эффект для этого лица, имеющего возможность за счет более оперативной уплаты штрафа сократить фактическую продолжительность срока административной наказанности.

Вместе с тем лица, уплатившие на основании части 1.3 статьи 32.2 КоАП РФ штраф в половинном размере до вступления постановления о его назначении в законную силу, во всяком случае — по смыслу статьи 4.6 Кодекса — могут считаться подвергнутыми административному наказанию только после вступления постановления по делу об административном правонарушении в законную силу. Такие лица не могут быть признаны подвергнутыми административному наказанию со дня исполнения постановления о назначении административного штрафа, то есть со дня его уплаты еще до вступления постановления в законную силу, — иное противоречило бы гарантирующим презумпцию невиновности требованиям статьи 49 (часть 1) Конституции РФ и корреспондирующей ей части 2 статьи 1.5 КоАП РФ, согласно которой

привлекаемое к административной ответственности лицо считается невиновным, пока его вина не будет доказана в порядке, предусмотренном Кодексом, и установлена вступившим в законную силу постановлением судьи, органа, должностного лица, рассмотревших дело.

В связи с выявленными КС РФ дефектами правового регулирования Федеральным законом от 11.06.21 № 201-ФЗ статья 4.6 КоАП РФ была изложена в новой редакции и в настоящее время ее часть 2 предусматривает, что лицо, которому назначено административное наказание в виде административного штрафа за совершение административного правонарушения и которое уплатило административный штраф до дня вступления в законную силу соответствующего постановления о назначении административного наказания, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу указанного постановления до истечения одного года со дня уплаты административного штрафа.

При применении положений статьи 2.9 КоАП РФ следует учитывать правовую позицию, выраженную **в определении КС РФ от 28.05.20 № 1117-О**, согласно которой использование в этой норме оценочного понятия малозначительности не свидетельствует о неопределенности его содержания, поскольку разнообразие фактических обстоятельств дела делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе, а использование законодателем оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций. При этом применение статьи 2.9 КоАП РФ является правовом, а не обязанностью суда.

Данная норма, предоставляя широкое усмотрение правоприменительным органам в вопросе признания противоправного деяния малозначительным, тем не менее ориентирует их, наряду с иным, на необходимость учитывать степень нарушения охраняемых общественных отношений совершенным административным правонарушением (**определение КС РФ от 02.10.19 № 2618-О**).

Как известно, по вопросу о возможности или невозможности квалификации административного правонарушения в качестве малозначительного в зависимости от состава такого правонарушения Пленумами ВС РФ и ВАС РФ высказаны противоположные позиции⁴².

⁴² Подробнее об этой и иных коллизиях в правовых позициях Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ см.: *Моисеенко А. Б.* Об определенности правового регулирования в части применения правовых позиций Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации после его упразднения // *Арбитражные споры*. 2014. № 3.

Так, в пункте 18.1 постановления Пленума ВАС РФ № 10 разъяснено, что статья 2.9 КоАП РФ не содержит оговорок о ее неприменении к каким-либо составам правонарушений, поскольку возможность или невозможность квалификации деяния в качестве малозначительного не может быть установлена абстрактно, исходя из сформулированной в Кодексе конструкции состава административного правонарушения, за совершение которого установлена ответственность. В частности, не может быть отказано в квалификации административного правонарушения в качестве малозначительного только на том основании, что в соответствующей статье особенной части КоАП РФ ответственность определена за неисполнение какой-либо обязанности и не ставится в зависимость от наступления каких-либо последствий.

Вместе с тем в пункте 21 постановления Пленума ВС РФ № 5 положения статьи 2.9 КоАП РФ истолкованы следующим образом: с учетом признаков объективной стороны некоторых административных правонарушений они ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны малозначительными, поскольку существенно нарушают охраняемые общественные отношения; к ним, в частности, относятся административные правонарушения, предусмотренные статьями 12.8 и 12.26 КоАП РФ.

Необходимо отметить, что в настоящее время преобладает второй из приведенных подходов к применению статьи 2.9 КоАП РФ, в том числе и в практике СКЭС ВС РФ.

Например, в пункте 16 Обзора судебной практики разрешения дел по спорам, возникающим в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утвержденного Президиумом ВС РФ 19 июля 2017 года, разъяснено, что административные правонарушения, составы которых предусмотрены статьей 14.28 КоАП РФ, ввиду особой значимости охраняемых законом общественных отношений, выступающих объектом посягательства этого административного правонарушения, не могут быть признаны малозначительными. При этом отсутствие негативных последствий не является основанием для признания правонарушения малозначительным.

В пункте 47 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 (2019), утвержденного Президиумом ВС РФ 27 ноября 2019 года, и **определении СКЭС ВС РФ от 16.04.19 № 307-АД18-24091** сделан вывод о том, что административное правонарушение, предусмотренное частью 5 статьи 19.8 КоАП РФ, не может быть признано малозначительным.

В обоснование такой позиции ВС РФ указал, что неисполнение законного требования антимонопольного органа посягает на установленный законом порядок управления и влечет наступление общественно опасных последствий, обусловленных невозможностью осуществления государственного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства. Административные

правонарушения против порядка управления подрывают основы государственности, нарушают нормальное функционирование государственных институтов. Установление для юридических лиц за нарушение антимонопольного законодательства штрафов, заметно превосходящих по размеру административные штрафы за административные правонарушения в иных областях правового регулирования, наряду с установлением до одного года срока давности привлечения к административной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства, свидетельствует об особой защите государством отношений по поддержке конкуренции как одного из условий эффективного функционирования товарных рынков.

В соответствии с правовой позицией, выраженной в **определении СКЭС ВС РФ от 20.05.20 № 307-ЭС19-22878**, административные правонарушения, предусмотренные частями 1 и 2 статьи 9.4 КоАП РФ, не могут быть признаны малозначительными, поскольку они совершаются в сфере обеспечения пожарной безопасности и напрямую представляют угрозу жизни и здоровью людей.

При рассмотрении дел, в рамках которых ставится вопрос о направлении предметов административного правонарушения на уничтожение, арбитражные суды должны учитывать **определение СКЭС ВС РФ от 23.10.19 № 308-ЭС19-10715**.

... В данном случае суды нижестоящих инстанций, разрешая вопрос о судьбе алкогольной продукции, находящейся в нелегальном обороте, исходили из того, что металлические емкости (кеги) являются не просто тарой для транспортировки алкогольной продукции, а единым целым с алкогольной продукцией, реализуемой без документов, подтверждающих легальность ее производства и (или) оборота, что позволяет индивидуализировать ее в качестве самостоятельного товара. При этом факт принадлежности вышеуказанных предметов лицу, привлекаемому к ответственности, на каком-либо праве либо принадлежности иному лицу не имеет значения для разрешения вопроса об изъятии и направлении на уничтожение данных предметов. С учетом изложенного суды пришли к выводам о необходимости передачи на уничтожение не только алкогольной продукции, находящейся в металлических кегах, но и самих кег.

Не соглашаясь с подобным подходом, СКЭС ВС РФ сослалась на правовые позиции, изложенные в постановлениях КС РФ от 25.04.11 № 6-П и от 18.02.19 № 11-П, в соответствии с которыми ограничения права собственности, равно как и свободы предпринимательской и иной экономической деятельности, могут вводиться федеральным законом, если только они необходимы для защиты других конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, отвечают требованиям справедливости, разумности и соразмерности (пропорциональности), носят общий и абстрактный характер, не имеют обратной

силы и не затрагивают само существо данного конституционного права. Эти правовые позиции в полной мере распространяются как на лишение лица имущества в качестве санкции за совершенное правонарушение, так и на лишение лица имущества, которое определенным образом связано с совершением правонарушения, в качестве специальной публично-правовой меры.

Согласно резолютивной части **постановления КС РФ от 18.02.19 № 11-П** положения подпункта 6 пункта 1 и пункта 4 статьи 25 Федерального закона от 22.11.95 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» признаны не противоречащими Конституции РФ, поскольку — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — они не могут рассматриваться как допускающие реализацию изъятых при производстве по делу о предусмотренном частью 4 статьи 15.12 КоАП РФ административном правонарушении в отношении юридического лица автомобильного транспорта, используемого для перевозки алкогольной продукции, находящейся в незаконном обороте, в случае, когда собственником этого транспортного средства является лицо, не привлеченное к административной ответственности за данное административное правонарушение и не признанное в судебном порядке виновным в его совершении.

Исходя из материалов дела и позиции общества, не опровергнутой административным органом, спорные 67 кег являлись транспортной многооборотной тарой (упаковкой). Имеющиеся в общедоступных источниках сведения позволяют заключить, что стоимость металлических кег сравнима со стоимостью пива, которое может в них транспортироваться.

При таких обстоятельствах уничтожение спорных 67 металлических кег, принадлежащих обществу, не соответствовало бы вышеуказанным правовым позициям КС РФ и представляло бы собой явно несоразмерную (непропорциональную) меру.

Сроки давности привлечения к административной ответственности

Давность привлечения к административной ответственности — это материально-правовая категория, определяющая максимальный период времени от момента совершения административного правонарушения (или выявления длящегося правонарушения), в течение которого возможно назначение административного наказания за его совершение⁴³.

⁴³ *Кисин В. Р.* Характер взаимосвязи материальных и процессуальных норм института административной ответственности // Административное право и процесс. 2021. № 11. С. 40.

В постановлении КС РФ от 21.07.21 № 39-П обращено внимание на то, что поскольку КоАП РФ связывает начало течения сроков давности привлечения к административной ответственности преимущественно с днем совершения (обнаружения) административного правонарушения, то правильное (точное) определение такого дня требует установления в действиях (бездействии) лица, привлекаемого к административной ответственности, всех признаков состава соответствующего административного правонарушения. В противном случае, принимая во внимание отсутствие в административно-деликтном законодательстве — в отличие от уголовного закона — института ответственности за покушение (приготовление), административное правонарушение не будет считаться оконченным (длящимся), что автоматически повлечет за собой невозможность наступления административной ответственности.

Правила исчисления сроков давности весьма наглядно разъяснены **в определениях СКЭС ВС РФ от 20.12.19 № 303-ЭС19-15753 и от 21.05.20 № 306-ЭС19-23186**. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в обоснование своих выводов СКЭС ВС РФ сослалась на правовую позицию, выраженную в пункте 18 постановления Пленума ВС РФ от 27.06.13 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», согласно которой сроки давности привлечения к уголовной ответственности оканчиваются по истечении последнего дня последнего года соответствующего периода (например, если преступление небольшой тяжести было совершено 12 августа 2010 года в 18 часов, то срок давности в данном случае начинает течь 12 августа 2010 года, последний день срока давности — 11 августа 2012 года, по истечении которого, то есть с 00 часов 00 минут 12 августа 2012 года, привлечение к уголовной ответственности недопустимо). При этом не имеет значения, приходится ли окончание сроков давности на рабочий, выходной или праздничный день.

Для правильного исчисления срока давности привлечения к ответственности важное значение имеет и правовая позиция, выраженная **в определении СКЭС ВС РФ от 25.02.20 № 304-ЭС19-19993**.

При рассмотрении дела суд апелляционной инстанции, исходя из того что протокол об административном правонарушении составлен 07.02.18 и именно в эту дату административный орган обнаружил факт совершения обществом правонарушения, пришел к выводу, что срок давности, составляющий три месяца, на момент принятия судом первой инстанции решения от 18.04.19 пропущен.

Отменяя постановление суда апелляционной инстанции, СКЭС ВС РФ отметила, что дата протокола об административном правонарушении (07.02.18) явно ошибочна, в том числе и по той причине, что непосредственно в протоколе

упоминается договор на оказание услуг по охране имущества от 28.12.18 № 3213615; дело об административном правонарушении № 60083, направленное административным органом в суд первой инстанции, оформлено в 2019 году. Исходя из пояснений административного органа, данных в кассационной жалобе и соответствующих иным материалам дела, действительная дата протокола — 07.02.19. Ошибочно указанная дата протокола об административном правонарушении в рассматриваемом случае не может являться существенным недостатком данного протокола, поскольку она не свидетельствует о пропуске административным органом и судом первой инстанции срока давности привлечения к ответственности.

Необходимо иметь в виду, что для целого ряда составов административных правонарушений имеются особенности исчисления срока давности привлечения к ответственности.

Например, в **пункте 27 Обзора судебной практики ВС РФ № 4 (2020)**, утвержденного Президиумом ВС РФ 23 декабря 2020 года, и **определении СКЭС ВС РФ от 13.07.20 № 306-ЭС19-26558** указано, что срок давности привлечения к административной ответственности по части 5 статьи 7.32 КоАП РФ исчисляется с момента дополнительного расходования денежных средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, а не с момента изменения условий государственного контракта.

В **определении СКЭС ВС РФ от 30.12.20 № 309-ЭС20-13437** разъяснены особенности исчисления срока давности при привлечении к административной ответственности по части 3 статьи 14.13 КоАП РФ.

Однако на практике наибольшие вопросы вызывает применение положений части 1 статьи 4.5 КоАП РФ об общем (двухмесячном или трехмесячном) или специальных сроках давности привлечения к ответственности за совершение тех или иных административных правонарушений.

В пункте 3 мотивировочной части **постановления от 15.01.19 № 3-П КС РФ** указал, что конституционные требования, предъявляемые к правовому регулированию ответственности за административные правонарушения, в полной мере распространяются и на сроки давности привлечения к административной ответственности, представляющие собой установленные законодательством об административных правонарушениях периоды, по истечении которых лица, совершившие административные правонарушения, не могут быть подвергнуты административному наказанию, притом что истечение срока давности привлечения к административной ответственности является одним из обстоятельств, исключающих возбуждение производства по конкретному делу об административном правонарушении или влекущих его прекращение.

Соответственно, закрепляя сроки давности привлечения к административной ответственности и правила их исчисления в целях создания

условий, необходимых, с одной стороны, для обеспечения неотвратимости административной ответственности, а с другой — для предотвращения неоправданно длительного нахождения совершивших административные правонарушения лиц, как физических, так и юридических, под угрозой возможности административного преследования и применения административного наказания, федеральный законодатель обязан проявлять надлежащую заботу о качестве устанавливаемых им правовых норм, с тем чтобы исключить их неоднозначную интерпретацию в правоприменительной практике.

Названное решение КС РФ определило порядок исчисления срока давности привлечения к административной ответственности по части 3 статьи 14.1 КоАП РФ за осуществление предпринимательской деятельности с нарушением требований и условий, предусмотренных лицензией.

В 2019–2020 годах СКЭС ВС РФ неоднократно обращала внимание нижестоящих судов на то, что такой срок является общим и составляет три месяца со дня совершения административного правонарушения вне зависимости от вида осуществляемой лицензиатом деятельности (например, **определения от 12.09.19 № 305-ЭС19-8896, от 21.10.19 № 305-ЭС19-12088, от 03.02.20 № 305-ЭС19-17767 и от 02.06.20 № 305-ЭС19-24833**).

В настоящее время наибольшую актуальность имеют вопросы, связанные с исчислением срока давности привлечения к административной ответственности за совершение правонарушений против порядка управления (глава 19 КоАП РФ).

Как указано в **определении КС РФ от 26.03.19 № 823-О**, федеральный законодатель, предусмотрев в части 15 статьи 19.5 КоАП РФ административную ответственность, в том числе за невыполнение изготовителем предписания федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технических регламентов к продукции, как особого случая невыполнения в установленный срок законного предписания уполномоченного органа, отнес данное административное правонарушение к правонарушениям против порядка управления. Соответственно, привлечение к административной ответственности предполагается именно за само по себе формальное невыполнение предписания публичного органа, которое не может зависеть — в том числе применительно к срокам давности — от наступления тех или иных последствий допущенных нарушений.

В то же время в статье 14.43 КоАП РФ федеральный законодатель предусмотрел административную ответственность за нарушение изготовителем, исполнителем (лицом, выполняющим функции иностранного изготовителя), продавцом требований технических регламентов как за самостоятельное административное правонарушение в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций. То есть указанная ответственность наступает уже не за формальное нарушение предписания

уполномоченного органа, а непосредственно за нарушение законодательства о техническом регулировании в качестве прямого объекта посягательства.

Таким образом, федеральный законодатель разграничил два указанных самостоятельных состава административных правонарушений, что позволяет с определенностью установить применимый в каждом конкретном случае срок давности привлечения к административной ответственности.

В определении СКЭС ВС РФ от 16.10.19 № 309-ЭС19-11148 также указано, что срок давности привлечения к административной ответственности по части 15 статьи 19.5 КоАП РФ составляет три месяца.

По аналогичным основаниям **в определениях от 16.10.19 № 305-ЭС19-10215, от 12.11.19 № 303-ЭС19-11369 и от 14.04.20 № 305-ЭС19-20818 СКЭС ВС РФ** применила общий трехмесячный срок давности привлечения к административной ответственности по части 6 статьи 19.5 КоАП РФ.

На то, что срок давности привлечения к административной ответственности, предусмотренной частью 6 статьи 19.5 КоАП РФ, составляет три месяца, было обращено внимание и **в пункте 44 Обзора судебной практики ВС РФ № 1 (2020)**, утвержденного Президиумом ВС РФ 10 июня 2020 года.

Из определений СКЭС ВС РФ от 20.12.19 № 303-ЭС19-15753 и от 21.05.20 № 306-ЭС19-23186 следует, что общий двухмесячный срок давности привлечения к административной ответственности применяется в случае совершения правонарушений, предусмотренных частями 10 и 8 статьи 19.5 КоАП РФ.

Кроме того, опираясь на приведенную правовую позицию КС РФ, Президиум ВС РФ **в Обзоре судебной практики ВС РФ № 3 (2020)**, утвержденном 25 ноября 2020 года, разъяснил, что привлечение к административной ответственности по части 11 статьи 19.5 КоАП РФ предполагается за формальное невыполнение предписания уполномоченного органа и не связано с существом ранее допущенного нарушения, а также с тем обстоятельством, в какой сфере общественных отношений оно совершено. Объектом посягательства указанного административного правонарушения являются общественные отношения в области управления. Следовательно, невыполнение предписания, выданного уполномоченным органом относительно нарушения в области законодательства о промышленной безопасности, безопасности гидротехнических сооружений, государственного горного надзора, не имеет каких-либо особенностей и не влечет специфических последствий, в том числе применительно к срокам давности привлечения к ответственности за невыполнение такого предписания. Таким образом, при привлечении юридического лица к административной ответственности за данное правонарушение административным органом должен применяться общий двухмесячный срок давности привлечения к административной ответственности.

До последнего времени арбитражные суды применяли правовую позицию, выраженную в определении КС РФ от 26.03.19 № 823-О, в отношении иных административных правонарушений, предусмотренных главой 19 КоАП РФ, в том числе тех, объективную сторону которых составляет неисполнение в установленный срок законного решения, предписания или требования антимонопольного органа (части 2.1–2.7 статьи 19.5, часть 5 статьи 19.8), с чем соглашался и ВС РФ (например, отказные определения от 19.03.20 № 302-ЭС20-1665, от 19.06.20 № 304-ЭС20-8070, от 20.07.20 № 302-ЭС20-9147, от 11.02.21 № 307-ЭС20-23375, от 04.05.21 № 309-ЭС21-4633, от 17.08.21 № 306-ЭС21-9832 и от 01.09.21 № 302-ЭС21-14521).

Однако в определении от **08.10.21 № 305-ЭС21-6561 СКЭС ВС РФ** пришла к выводу о том, что срок давности привлечения к административной ответственности по части 2.2 статьи 19.5 КоАП РФ является специальным и составляет один год.

В обоснование такого подхода СКЭС ВС РФ сослалась на положения статьи 51 Закона о защите конкуренции, в соответствии с которой предписание по делу о нарушении антимонопольного законодательства подлежит исполнению в установленный им срок, неисполнение такого предписания (то есть исполнение предписания частично или уклонение от его исполнения) влечет за собой административную ответственность.

При этом ключевое значение имеет часть 4 названной статьи, в силу которой неисполнение предписания в срок является нарушением антимонопольного законодательства. По мнению СКЭС ВС РФ, данная правовая норма была включена Федеральным законом от 17.07.09 № 164-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О защите конкуренции“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» с целью исключения различного подхода в исчислении срока давности привлечения к административной ответственности за неисполнение законных предписаний антимонопольного органа в указанной сфере, что свидетельствует о достаточно определенной воле законодателя.

С учетом изложенного СКЭС ВС РФ заключила, что невыполнение в установленный срок предписания антимонопольного органа в силу прямого указания Закона о защите конкуренции является нарушением антимонопольного законодательства, в связи с чем срок давности привлечения к административной ответственности составляет один год.

Одновременно СКЭС ВС РФ отметила, что включение той или иной правовой нормы, предусматривающей административную ответственность, в главу 19 КоАП РФ «Административные правонарушения против порядка управления» само по себе не свидетельствует о том, что указанная ответственность предусмотрена именно за нарушение против порядка управления, а не за нарушение конкретного вида законодательства, указанного в

части 1 статьи 4.5 КоАП РФ, в целях исчисления срока давности привлечения к административной ответственности.

Аналогичная позиция изложена и **в определении СКЭС ВС РФ от 30.03.22 № 303-ЭС21-22889.**

В определениях от 18.01.22 № 302-ЭС21-2560 и от 01.04.22 № 301-ЭС21-24234 СКЭС ВС РФ применила годичный срок давности привлечения к административной ответственности и по части 5 статьи 19.8 КоАП РФ, мотивировав свои выводы тем, что частью 1 статьи 25 Закона о защите конкуренции установлена обязанность коммерческих организаций и некоммерческих организаций (их должностных лиц) представлять в антимонопольный орган (его должностным лицам) по его мотивированному требованию в установленный срок необходимые антимонопольному органу в соответствии с возложенными на него полномочиями документы, объяснения, информацию соответственно в письменной и устной форме (в том числе информацию, составляющую коммерческую, служебную, иную охраняемую законом тайну), включая акты, договоры, справки, деловую корреспонденцию, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой записи или в форме записи на электронных носителях.

Следовательно, ответственность, предусмотренная частью 5 статьи 19.8 КоАП РФ, наступает при несоблюдении обязанности, установленной антимонопольным законодательством, а именно статьей 25 Закона о защите конкуренции, то есть за нарушение антимонопольного законодательства. Таким образом, невыполнение обязанности по представлению в антимонопольный орган (его должностным лицам) соответствующих сведений (информации) является нарушением антимонопольного законодательства, за которое частью 1 статьи 4.5 КоАП РФ установлен годичный срок давности привлечения к административной ответственности.

При рассмотрении дел о привлечении к административной ответственности за совершение правонарушений, предусмотренных главой 19 КоАП РФ, необходимо иметь в виду и правовую позицию, выраженную **в определении КС РФ от 30.06.20 № 1606-О**, в соответствии с которой часть 1 статьи 19.8.1 КоАП РФ, устанавливая административную ответственность за нарушение сроков раскрытия информации должностными лицами теплоснабжающих организаций, обеспечивает соблюдение предусмотренной частью 9 статьи 7 Федерального закона 27.07.10 № 190-ФЗ «О теплоснабжении» обязанности теплоснабжающих организаций раскрывать информацию в соответствии с утвержденными Правительством РФ стандартами раскрытия информации теплоснабжающими организациями. При этом в силу части 1 статьи 4.5 Кодекса срок давности привлечения к административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о теплоснабжении составляет один год,

исчисляемый со дня совершения соответствующего административного правонарушения.

С учетом приведенных выше правовых позиций КС РФ и ВС РФ можно сделать общий вывод о том, что для целей определения срока давности привлечения к административной ответственности необходимо правильно установить объект противоправного посягательства административного правонарушения.

Однако на практике правильное определение объекта противоправного посягательства нередко вызывает затруднения у судов (и не только применительно к правонарушениям, предусмотренным главой 19 КоАП РФ).

Например, в **определении от 16.12.19 № 306-ЭС19-15914 СКЭС ВС РФ** не согласилась с выводами судов нижестоящих инстанций о том, что перевозка продуктов животноводства без ветеринарных сопроводительных документов является нарушением законодательства об охране здоровья и санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, поскольку подобное деяние является нарушением ветеринарно-санитарных правил перевозки продукции животноводства (то есть норм ветеринарного законодательства). При этом правонарушения, посягающие на здоровье граждан и санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, относятся к главе 6 КоАП РФ, в то время как обществу вменяется правонарушение, ответственность за которое установлена частью 2 статьи 10.8 КоАП РФ, то есть правонарушение в сфере ветеринарии. Следовательно, в рассматриваемом случае подлежал применению общий (двухмесячный) срок давности привлечения к административной ответственности.

По сути, аналогичная правовая позиция относительно срока давности привлечения к административной ответственности по части 1 статьи 10.6 КоАП РФ (нарушение правил карантина животных или других ветеринарно-санитарных правил) выражена в **определении СКЭС ВС РФ от 12.02.21 № 303-ЭС20-18228**.

В **определении от 24.02.21 № 302-ЭС20-18160 СКЭС ВС РФ** еще раз обратила внимание на порядок исчисления срока давности привлечения к административной ответственности при рассмотрении дела в порядке упрощенного производства.

... В рамках рассмотренного СКЭС ВС РФ дела суд округа, отменяя решение суда первой инстанции от 11.02.20 и постановление апелляционного суда от 06.05.20, исходил из того, что судом первой инстанции пропущен срок давности привлечения к административной ответственности, поскольку днем совершения административного правонарушения является 29.10.19, вследствие чего при трехмесячном сроке давности привлечения к административной ответственности последний день в пределах срока давности — 28.01.20.

Между тем судом округа не было учтено, что дата вынесения и подписания судом резолютивной части решения по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, считается датой принятия решения (часть 1 статьи 229 АПК РФ, пункт 35 постановления Пленума ВС РФ от 18.04.17 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве»).

Учитывая, что судебное заседание по указанной категории дел не проводится и установленный статьей 176 АПК РФ порядок объявления решения в судебном заседании, предусматривающий возможность отложить изготовление решения в полном объеме на срок, не превышающий пяти дней, не применяется, исчисление срока давности привлечения к административной ответственности судом в рассматриваемом случае не может быть поставлено в зависимость от даты изготовления соответствующего мотивированного решения по делу.

Исходя из изложенного, решение суда первой инстанции о привлечении предпринимателя к административной ответственности, предусмотренной частью 15 статьи 19.5 КоАП РФ, принято в виде резолютивной части от 27.01.20 в пределах срока давности, установленного частью 1 статьи 4.5 КоАП РФ.

Правовая позиция по аналогичному вопросу ранее была изложена в **определении СКЭС ВС РФ от 22.02.19 № 302-АД18-16781**.

При рассмотрении вопроса о сроках давности привлечения к административной ответственности интерес представляет и **определение СКЭС ВС РФ от 30.09.20 № 307-ЭС20-5995**.

... В рамках дела № А56-21344/2019 суды установили, что на момент рассмотрения материалов дела об административном правонарушении истек срок давности привлечения общества к административной ответственности за вменяемое нарушение, в связи с чем признали правомерным постановление административного органа о прекращении производства по делу об административном правонарушении и отказали обществу в удовлетворении требований в указанной части. Вместе с тем, ссылаясь на то, что представление об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения, в силу положений статьи 29.13 КоАП РФ выносится исключительно в случае привлечения лица к административной ответственности, суды пришли к выводу о незаконности оспариваемого представления административного органа, вынесенного на основании постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении, и удовлетворили требования общества в указанной части.

СКЭС ВС РФ признала подобные выводы неправомерными, поскольку положения части 1 статьи 29.9 и части 1 статьи 29.13 КоАП РФ свидетельствуют

о том, что представление об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения, может быть вынесено и в случае вынесения постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении на основании установленных обстоятельств, отраженных в этом постановлении.

Таким образом, вынесение на основании обстоятельств, установленных в протоколе об административном правонарушении и в постановлении о прекращении производства по делу об административном правонарушении, представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения, соответствует требованиям статьи 29.13 КоАП РФ.

В данном случае в обоснование правомерности вынесения оспариваемого представления административный орган приводил доводы о том, что в постановлении о прекращении производства по делу в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности на основании пункта 4 части 1 статьи 29.10 КоАП РФ указаны установленные по делу обстоятельства, а не только связанные с истечением срока давности привлечения к административной ответственности, в том числе и обстоятельства, связанные с событием совершенного обществом правонарушения. При этом постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности не признано судами незаконным по основаниям, предусмотренным пунктом 1 либо пунктом 2 статьи 24.5 КоАП РФ. На основании изложенного, установив в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении причины административного правонарушения и условия, способствовавшие его совершению, административный орган имел право вынести оспариваемое представление.

Процессуальные вопросы

В соответствии с частью 1 статьи 29 АПК РФ арбитражные суды в порядке административного судопроизводства рассматривают экономические споры и иные дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений. В частности, рассмотрение дел об оспаривании юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями постановлений административных органов о привлечении к административной ответственности за совершение правонарушений, связанных с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности, отнесено к предметной компетенции (подведомственности) арбитражных судов на основании части 3 статьи 30.1 КоАП РФ.

Соблюдение данного критерия должно учитываться в каждом конкретном случае, в том числе исходя из обстоятельств совершения административного правонарушения, приведенных в оспариваемом постановлении административного органа.

В целях исключения противоречий при определении компетенции судов в пункте 33 постановления Пленума ВС РФ № 5 и Обзоре судебной практики ВС РФ № 1 (2014), утвержденном Президиумом ВС РФ 24 декабря 2014 года, разъяснено, что в тех случаях, когда объективная сторона административного правонарушения, совершенного юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, выражается в действиях (бездействии), направленных на нарушение или невыполнение норм действующего законодательства в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения, в области охраны окружающей среды и природопользования, безопасности дорожного движения, пожарной безопасности, законодательства о труде и охране труда, жалобы на постановления административных органов о привлечении к административной ответственности в любом случае подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции.

В определении СКЭС ВС РФ от 05.11.19 № 308-ЭС19-9453 указано, что названный перечень не подлежит расширительному толкованию, в связи с чем признаны необоснованными выводы нижестоящего суда о том, что рассмотрение дела об оспаривании постановления о привлечении к административной ответственности по делу об административном правонарушении, предусмотренном статьей 7.6 КоАП РФ, неподведомственно арбитражному суду.

ВС РФ отметил, что объективная сторона названного административного правонарушения заключается в самовольном занятии водного объекта или его части, либо использовании их без документов, на основании которых возникает право пользования водным объектом или его частью, либо водопользовании с нарушением его условий.

Основанием для привлечения общества к административной ответственности, предусмотренной названной нормой, послужило использование обществом водоохранной зоны Черного моря в границах муниципального образования город-курорт Геленджик (использование плавательного причала (понтон), у которого были ошвартованы плавательные средства и водные аттракционы), то есть, по мнению административного органа, не по целевому назначению.

Следовательно, вмененное административное правонарушение объективно связано с осуществлением обществом предпринимательской (экономической) деятельности, поскольку нецелевое использование водоохранной зоны Черного моря является неотъемлемой составляющей такой деятельности общества.

Таким образом, объективная сторона административного правонарушения, за совершение которого общество привлечено к ответственности в качестве

субъекта предпринимательской (экономической) деятельности, выражается не в действиях, нарушающих нормы законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования, а в нарушении водного законодательства.

Напомним, что ранее СКЭС ВС РФ по аналогичным мотивам признала подведомственными арбитражным судам дела об оспаривании постановлений административных органов о привлечении к ответственности по статьям 7.9 и 8.8 КоАП РФ, посчитав противоправные действия юридических лиц нарушениями лесного и земельного законодательства соответственно (определения от 19.02.18 № 306-АД17-16711 и от 26.09.17 № 307-АД17-6188).

В 2021 году СКЭС ВС РФ неоднократно пересматривала в кассационном порядке судебные акты арбитражных судов, вынесенные по делам об оспаривании постановлений территориальных органов Росреестра о привлечении к административной ответственности по статье 8.8 КоАП РФ (определения от 19.01.21 № 305-ЭС20-14274, от 25.01.21 № 305-ЭС20-14234, от 08.02.21 № 305-ЭС20-15893, 305-ЭС20-15754, 305-ЭС20-15616 и 305-ЭС20-15622).

Из определения СКЭС ВС РФ от 21.08.20 № 310-ЭС20-7287 можно сделать вывод о том, что арбитражным судам подсудны и дела об оспаривании постановлений административных органов о привлечении к ответственности по части 2 статьи 8.17 КоАП РФ за нарушение правил и требований, регламентирующих рыболовство во внутренних морских водах, в территориальном море, на континентальном шельфе, в исключительной экономической зоне Российской Федерации или открытом море, несмотря на то что названная статья структурно включена в главу 8 КоАП РФ «Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования».

В определении КС РФ от 28.12.21 № 2953-О указано, что статья 30.2 КоАП РФ, определяя порядок подачи жалобы на постановление по делу об административном правонарушении, как и другие положения Кодекса, регламентирующие пересмотр постановления по делу об административном правонарушении, исходят из того, что на каждое постановление по делу об административном правонарушении подается самостоятельная жалоба.

Такое регулирование исключает возможность неоднократного привлечения к административной ответственности за различные эпизоды одного длящегося административного правонарушения. Сама же по себе возможность подать жалобу только на одно постановление по делу об административном правонарушении отвечает задачам производства по делам об административных правонарушениях, к числу которых, в частности, относятся всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного постановления (статья 24.1 КоАП РФ). При этом возврат жалобы в связи с

нарушением установленного порядка подачи жалобы не препятствует повторной подаче жалобы в предусмотренный частью 1 статьи 30.3 КоАП РФ срок обжалования постановления по делу об административном правонарушении, который может быть восстановлен по ходатайству лица, подавшего жалобу.

В связи с принятием названного определения КС РФ возникает вопрос о том, вправе ли лицо, привлеченное к административной ответственности, при обращении в арбитражный суд соединить в одном заявлении требования об оспаривании сразу нескольких постановлений административного органа.

В соответствии со статьей 208 АПК РФ заявление об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности подается в арбитражный суд по адресу или месту жительства заявителя либо по адресу административного органа, которым принято оспариваемое решение о привлечении к административной ответственности (часть 1). Заявление может быть подано в арбитражный суд в течение десяти дней со дня получения копии оспариваемого решения, если иной срок не установлен федеральным законом (часть 2).

Содержание статьи 208 АПК РФ совпадает с положениями статьи 30.2 КоАП РФ, устанавливающей порядок подачи жалобы на постановление административного органа.

Таким образом, буквальное толкование статьи 208 АПК РФ (с учетом анализируемого определения КС РФ) позволяет сделать вывод о том, что предметом заявления может являться только одно решение административного органа о привлечении к административной ответственности.

Вместе с тем необходимо учитывать, что в силу части 1 статьи 189 и части 1 статьи 207 АПК РФ дела об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности рассматриваются арбитражным судом по общим правилам искового производства, предусмотренным этим кодексом.

В пункте 14 постановления Пленума ВАС РФ от 27.01.03 № 2 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» разъяснено, что в силу части 1 статьи 207 АПК РФ дела об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности рассматриваются по общим правилам искового производства, предусмотренным названным кодексом, с особенностями, установленными в его главе 25 и федеральном законе об административных правонарушениях. Судам при рассмотрении дел, отнесенных АПК РФ к их подведомственности, необходимо учитывать, что в тех случаях, когда положения главы 25 и иные нормы АПК РФ прямо устанавливают конкретные правила осуществления судопроизводства, именно они должны применяться судами.

Как указано в пункте 12 постановления Пленума ВС РФ от 23.12.21 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции», на основании части 1 статьи 130 АПК РФ истец вправе соединить в одном заявлении несколько требований, связанных между собой по основаниям возникновения или представленным доказательствам, то есть в случае, если в предмет доказывания по каждому требованию входят одни и те же обстоятельства. При этом в силу пункта 5 части 2 статьи 125 АПК РФ истец обязан указать обстоятельства, на которых основано каждое из требований, и подтверждающие эти обстоятельства доказательства. В случае нарушения истцом правил соединения требований в одном заявлении арбитражный суд вправе выделить требования, если для этого имеются условия, предусмотренные частью 3 статьи 130 АПК РФ.

Имея в виду, что АПК РФ, в отличие от КоАП РФ, допускает возможность соединения в одном заявлении нескольких требований, связанных между собой по основаниям возникновения или представленным доказательствам, не предусматривая каких-либо исключений для дел об оспаривании решений административных органов, полагаем, что правовая позиция, изложенная в определении КС РФ от 28.12.21 № 2953-О, не должна применяться при рассмотрении дел в порядке главы 25 АПК РФ.

В пользу такого подхода можно сослаться и на сохраняющую силу правовую позицию, выраженную в пункте 6.2 постановления Пленума ВАС РФ № 10, согласно которой предусмотренное частью 2 статьи 130 АПК РФ право арбитражного суда объединить несколько дел в одно производство для их совместного рассмотрения может быть реализовано и в отношении дел об административных правонарушениях.

Помимо рассмотренных выше вопросов подсудности и порядка подачи жалобы (заявления) на постановление о привлечении к административной ответственности, несомненный интерес представляет правовая позиция КС РФ о порядке оспаривания решений административного органа об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении и рассмотрения таких дел.

В постановлении от 30.03.21 № 9-П КС РФ указал, что в силу части 5 статьи 28.1 КоАП РФ при отказе в возбуждении дела об административном правонарушении по обращению физического или юридического лица, содержащему данные о наличии события административного правонарушения, уполномоченным должностным лицом, рассмотревшим обращение, выносится мотивированное определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении. КоАП РФ не предусматривает возможность отказа в возбуждении дела в иной форме, в том числе в форме письменного ответа, направляемого заявителю по правилам Федерального закона от 02.05.06 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Таким образом, по обращению физического или юридического лица, содержащему данные, указывающие на наличие события административного правонарушения, уполномоченное должностное лицо независимо от того, в каком порядке осуществлялась проверка изложенных в обращении фактов, по итогам которой сделан вывод о недостаточности данных для возбуждения дела об административном правонарушении, выносит мотивированное определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении.

Согласно части 4 статьи 30.1 КоАП РФ определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении обжалуется по правилам, установленным его главой 30. При этом определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, связанном с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности юридическим лицом или лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, обжалуется в арбитражный суд по правилам, установленным арбитражным процессуальным законодательством (часть 3 статьи 30.1 КоАП РФ, пункт 19.2 постановления Пленума ВАС РФ № 10).

В то же время если, рассмотрев обращение, содержащее данные о наличии события административного правонарушения, и отказавшись от возбуждения дела об административном правонарушении, уполномоченное должностное лицо не вынесло определение в соответствии с частью 5 статьи 28.1 КоАП РФ, выразив отказ в иной форме, то такой отказ в системе действующего правового регулирования подлежит оспариванию в порядке, предусмотренном главой 24 АПК РФ. Это, однако, не означает, что оценка правомерности такого отказа должна осуществляться на основании законодательства, на которое сослалось должностное лицо, а не КоАП РФ.

В том случае, когда арбитражный суд признает незаконным в связи с несоответствием части 5 статьи 28.1 КоАП РФ оспариваемый физическим или юридическим лицом отказ уполномоченного должностного лица вынести по итогам рассмотрения обращения заявителя, содержащего данные, указывающие на наличие события административного правонарушения, мотивированное определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, указанное должностное лицо обязано в кратчайший срок вновь рассмотреть обращение и вынести по нему решение в надлежащей форме, с тем чтобы в дальнейшем не была утрачена возможность осуществления производства по делу об административном правонарушении по причине истечения срока давности привлечения к административной ответственности.

Вместе с тем действующее правовое регулирование не препятствует физическому или юридическому лицу оспорить соответствующий отказ в возбуждении дела об административном правонарушении — вынесенный по его обращению, содержащему данные, указывающие на наличие события

административного правонарушения, уполномоченным должностным лицом не в форме мотивированного определения, как того требует часть 5 статьи 28.1 КоАП РФ, а в иной форме — в порядке, предусмотренном для оспаривания определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, то есть по правилам главы 25 АПК РФ, если для этого нет прямо предусмотренных законом препятствий. Такой порядок позволяет при прочих равных условиях сократить время судебной или иной юрисдикционной проверки соответствующего отказа, которое необходимо для его оспаривания (обжалования) первоначально по правилам главы 24 АПК РФ, а затем — по правилам главы 25 АПК РФ. Это важно для сохранения возможности в дальнейшем возбудить дело и рассмотреть его в пределах установленного срока давности привлечения к административной ответственности, а значит, для действенной судебной защиты прав граждан в сфере производства по делам об административных правонарушениях.

При определении круга субъектов, имеющих право оспаривать в арбитражном суде постановления административных органов, нужно иметь в виду **постановление КС РФ от 15.10.20 № 41-П**, которым часть 4 статьи 3.7 и часть 1 статьи 30.12 КоАП РФ признаны не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 35 (части 1 и 3), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования, допуская по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела конфискацию орудия совершения или предмета административного правонарушения — товаров и (или) транспортных средств у лиц, не являющихся собственниками соответствующего имущества, не предусматривают права собственника имущества обжаловать постановление по делу об административном правонарушении в части конфискации имущества в случае, когда товар или транспортное средство законно перемещены через таможенную границу и находятся на таможенной территории ЕАЭС, где таможенные органы и суды Российской Федерации имеют эффективные средства контроля и законного принуждения, в том числе процессуального, при достоверно известном составе участников таможенных и связанных с ними правоотношений, включая собственника имущества, который не уклоняется от осуществления своих прав и обязанностей под российской юрисдикцией.

В случае применения в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении правил о преюдиции (статья 69 АПК РФ) необходимо учитывать правовую позицию, выраженную в **постановлении КС РФ от 12.05.21 № 17-П**, в соответствии с которой в каждом виде судопроизводства предмет исследования имеет свои особенности, исходя из которых определяется специфика правил доказывания, включая порядок представления, исследования доказательств и основания освобождения от доказывания. Признание преюдициальности судебных решений также относится к законодательной дискреции, которая

вместе с тем не исключает и других способов и средств в обеспечении непротиворечивости судебных актов, притом что федеральный законодатель не вправе отказаться от этой цели и обязан принять законодательные меры к ее достижению, создать соответствующие институты. Введение же именно преюдиции требует баланса между конституционно защищаемыми ценностями, такими как общеобязательность и непротиворечивость судебных решений, с одной стороны, а с другой — независимость суда и состязательность процесса. В то же время преюдициальность судебного решения имеет пределы, которые объективно определяются тем, что установленные судом в рамках предмета его рассмотрения по делу факты могут иметь в их правовом существе иное значение при доказывании обстоятельств по другому делу, поскольку в разных видах судопроизводства предметы доказывания не совпадают, а в рамках конкретного вида судопроизводства суды в их исследовании ограничены своей компетенцией. Кроме того, и признание, и отрицание преюдициального значения окончательных судебных решений не могут быть абсолютными.

Изложенное означает, что суд в любом случае не может оставить без внимания и оценки обстоятельства, установленные вступившими в законную силу судебными актами, поскольку обстоятельства эти имеют значение и должны быть подтверждены в рамках того дела, которое разрешает суд. Это не только относится к фактам в виде событий и деяний, объективных обстоятельств или отношения к ним различных субъектов, подлежащим судебному установлению и исследованию, но и касается правовых квалификаций в итоговых оценках и выводах, которыми суды завершают рассмотрение дела и решающим образом констатируют или отрицают правовые состояния и отношения, признают долженствования и правопритязания существующими, а правонарушения — совершенными.

Вместе с тем весьма важное разъяснение положений части 3 статьи 69 АПК РФ содержится и в **определении СКЭС ВС РФ от 17.03.21 № 309-ЭС20-19885** (решения суда общей юрисдикции, вынесенные после принятия решения арбитражного суда первой инстанции, не должны учитываться арбитражными судами вышестоящих инстанций).

Допущенные в ходе производства по делу об административном правонарушении существенные нарушения могут свидетельствовать о недопустимости использования собранных с нарушением закона доказательств (часть 3 статьи 64 АПК РФ и часть 3 статьи 26.2 КоАП РФ).

Например, как указано в пункте 2 мотивировочной части **определения КС РФ от 19.12.19 № 3541-О**, положения частей 1 и 3 статьи 28.1 КоАП РФ и примечания к ней, действуя во взаимосвязи, определяют порядок возбуждения дела об административном правонарушении при осуществлении государственного контроля (надзора) в форме проверки, а находящаяся во взаимосвязи с ними часть 3 статьи 26.2 КоАП РФ предусматривает, что не

допускается использование доказательств по делу об административном правонарушении, в том числе результатов проверки, проведенной в ходе осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, если указанные доказательства получены с нарушением закона.

В соответствии с правовой позицией, выраженной в **определении КС РФ от 12.03.19 № 575-О**, неотвратимость ответственности за нарушение закона является *prima facie* одним из важнейших средств, обеспечивающих поддержание и охрану правопорядка. И компетентные субъекты должны делать все от них зависящее для того, чтобы никакое правонарушение не осталось без адекватной редакции с их стороны. Но это вовсе не дает оснований полагать, что в интересах достижения указанной цели приемлемы любые средства. Не стоит забывать, что в правовом государстве юридическая ответственность ограничена рамками закона, а потому ее неотвратимость не может, какими бы аргументами она ни подкреплялась, служить оправданием для отступления от принципа законности. Рассуждать по-другому — значит попросту закрывать глаза как на статью 15 (часть 2) Конституции РФ, обязывающую всех без исключения (в первую очередь, носителей публичной власти) к безусловному соблюдению законов, так и на часть 1 статьи 1.6 КоАП РФ, запрещающую привлечение кого-либо к административной ответственности иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом.

В этой связи отметим, что в **определении СКЭС ВС РФ от 07.02.22 № 302-ЭС21-19137** еще раз обращено внимание судов на необходимость проверки соблюдения административным органом процедурных требований КоАП РФ (в частности, его статей 25.1, 25.4, 25.15 и 28.2).

♦♦ Из материалов дела следовало, что извещение о необходимости явиться на составление протокола об административном правонарушении было направлено административным органом обществу по адресу регистрации, указанному в ЕГРЮЛ, телеграммой, которая была возвращена административному органу в связи с невозможностью ее вручения обществу.

Вместе с тем возвращенная административному органу телеграмма с отметкой почтового отделения «телеграмма не доставлена, офис не найден, вывески не найдено» не может являться доказательством надлежащего извещения общества о необходимости явиться на составление протокола об административном правонарушении, учитывая причины невручения этой телеграммы, а также то, что указанное извещение не было направлено обществу почтой по адресу регистрации. Не имея оснований, которые позволяли бы считать общество извещенным надлежащим образом о явке на составление протокола об административном правонарушении, административный орган не принял мер для извещения общества иным способом по адресу регистрации.

Извещение о необходимости явиться на рассмотрение дела об административном правонарушении направлялось административным органом обществу по адресу регистрации телеграммой, а также почтовым отправлением. При этом почтовое отправление с указанным извещением было получено обществом после рассмотрения дела об административном правонарушении. Несмотря на то что телеграмма не была доставлена обществу и возвращена административному органу с отметкой почтового отделения «телеграмма не доставлена, офис не найден, вывески не найдено», административный орган, признав такое извещение общества надлежащим, не удостоверился в получении обществом извещения, направленного почтовым отправлением.

Таким образом, у административного органа отсутствовали доказательства надлежащего извещения общества как о явке на составление протокола об административном правонарушении, так и о явке на рассмотрение дела об административном правонарушении.

В то же время общество находится по своему юридическому адресу, указанному в ЕГРЮЛ, получает почтовую корреспонденцию, в том числе и от административного органа, при этом доказательств уклонения общества от получения почтовой корреспонденции не имеется.

Поскольку административный орган не известил общество надлежащим образом о времени и месте совершения указанных процессуальных действий, лишив общество возможности реализовать свои права, предусмотренные КоАП РФ при составлении протокола об административном правонарушении и при рассмотрении дела об административном правонарушении, СКЭС ВС РФ пришла к выводу о том, что административным органом допущены существенные нарушения процедуры привлечения общества к административной ответственности.

... В определении от 09.03.22 № 305-ЭС21-21909 СКЭС ВС РФ, напротив, не согласилась с выводами судов о ненадлежащем извещении арбитражного управляющего о времени и месте составления протокола об административном правонарушении, указав на то, что арбитражный управляющий фактически получила извещение административного органа, хотя и направленное не по адресу ее регистрации и адресу для направления корреспонденции, указанному в ЕФРСБ.

Представляет интерес и проблема применения части 2 статьи 211 АПК РФ в случае выявления неправильной квалификации административного правонарушения.

Согласно данной норме процессуального права в случае, если при рассмотрении заявления об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности арбитражный суд установит,

что оспариваемое решение или порядок его принятия не соответствует закону, либо отсутствуют основания для привлечения к административной ответственности или применения конкретной меры ответственности, суд принимает решение о признании незаконным и об отмене оспариваемого решения полностью или в части либо об изменении решения.

В пункте 20 постановления Пленума ВС РФ № 5 разъяснено, что, несмотря на обязательность указания в протоколе об административном правонарушении конкретной статьи КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации, предусматривающей административную ответственность за совершенное лицом правонарушение, право окончательной юридической квалификации действий (бездействия) лица КоАП РФ относит к полномочиям судьи. Если при рассмотрении дела об административном правонарушении будет установлено, что протокол об административном правонарушении содержит неправильную квалификацию совершенного правонарушения, то судья вправе переквалифицировать действия (бездействие) лица, привлекаемого к административной ответственности, на другую статью (часть статьи) КоАП РФ, предусматривающую состав правонарушения, имеющий единый родовый объект посягательства, в том числе и в случае, если рассмотрение данного дела отнесено к компетенции должностных лиц или несудебных органов, при условии, что назначаемое наказание не ухудшит положение лица, в отношении которого ведется производство по делу.

Пленум ВС РФ особо отметил, что в таком же порядке может быть решен вопрос о переквалификации действий (бездействия) лица при пересмотре постановления или решения по делу об административном правонарушении.

В то же время в пункте 9 постановления Пленума ВАС РФ № 10 указано, что в случае, если при рассмотрении заявления об оспаривании постановления административного органа о привлечении к административной ответственности суд установит, что оспариваемое постановление содержит неправильную квалификацию правонарушения либо принято неправомочным органом, суд в соответствии с частью 2 статьи 211 АПК РФ принимает решение о признании незаконным оспариваемого постановления и о его отмене. При этом материалы дела об административном правонарушении направляются административному органу, постановление которого было признано незаконным и отменено.

Таким образом, Пленум ВС РФ санкционирует возможность рассмотрения дела об оспаривании постановления административного органа по существу, если выявится неправильная квалификация действий лица, привлеченного к административной ответственности, в том числе и в том случае, если рассмотрение дела становится подведомственно должностному лицу или несудебному органу. При этом ВС РФ обуславливает возможность рассмотрения дела наличием единого родового объекта посягательства и недопустимостью

ухудшения положения лица, привлекаемого к ответственности, назначаемым наказанием.

В то же время согласно сохраняющей свою силу правовой позиции Пленума ВАС РФ в случае установления арбитражным судом факта неправильной квалификации правонарушения должно быть принято решение о признании незаконным оспариваемого постановления и о его отмене.

... Руководствуясь данной правовой позицией, Девятнадцатый арбитражный апелляционный суд, переквалифицировав противоправные действия общества с части 4 статьи 14.32 КоАП РФ на часть 6 той же статьи, признал постановление антимонопольного органа незаконным и отменил его полностью (*постановление от 06.09.19 по делу № А36-3763/2019*).

Однако **СКЭС ВС РФ в определении от 17.03.20 № 310-ЭС19-21527** не согласилась с таким подходом и указала, что позиция суда апелляционной инстанции, в соответствии с которой оспоренное постановление антимонопольного органа содержит неправильную квалификацию правонарушения и подлежит признанию незаконным и отмене в полном объеме, не может быть поддержана, поскольку в подобной ситуации не имеется оснований для полного признания постановления административного органа незаконным — оно подлежит признанию таковым лишь в части, превышающей размер штрафа, исчисленного по надлежащему положению КоАП РФ.

Ранее аналогичная правовая позиция была выражена в пункте 48 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 (2018), утвержденного Президиумом ВС РФ 14 ноября 2018 года, и определении СКЭС ВС РФ от 28.03.18 № 305-АД17-18495 (в данном случае противоправные действия общества были переквалифицированы ВС РФ с части 6.3 статьи 15.25 КоАП РФ на часть 6.2 той же статьи и оспариваемое постановление административного органа признано незаконным в части штрафа, превышающего 20 000 рублей).

С учетом изложенного, при очевидной коллизии между правовыми позициями Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ, арбитражным судам необходимо руководствоваться приведенным выше подходом СКЭС ВС РФ.

Вместе с тем вызывает вопросы использование данного подхода при рассмотрении арбитражными судами дел о привлечении к административной ответственности (по правилам параграфа 1 главы 25 АПК РФ).

... Например, *постановлением Арбитражного суда Уральского округа от 26.01.22 по делу № А76-12863/2021* противоправные действия индивидуального предпринимателя, выразившиеся в осуществлении хранения и розничной продажи алкогольной продукции (водки) без сопроводительных документов, были переквалифицированы с части 2 статьи 14.16 КоАП РФ⁴⁴ на часть 2 статьи

14.17.1 КоАП РФ с назначением наказания в виде штрафа в размере 10 000 рублей.

⁴⁴ Суд округа исходил из того, что предприниматель не является субъектом правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 14.16 КоАП РФ. Однако подобный вывод не соответствует правовой позиции, выраженной в пункте 2 Обзора судебной практики «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении арбитражными судами дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», утвержденного Президиумом ВС РФ 6 декабря 2017 года.

При этом суд исходил из того, что тот факт, что размер штрафа по части 2 статьи 14.17.1 КоАП РФ выше, чем размер штрафа, предусмотренный санкцией части 2 статьи 14.16 КоАП РФ, не препятствует привлечению виновного лица к административной ответственности в соответствии с правильной квалификацией. При этом тот принцип, что в результате переквалификации назначаемое наказание не должно ухудшить положение лица, в отношении которого ведется производство по делу, следует относить к размеру назначаемого судом штрафа.

Аналогичные выводы содержатся в постановлениях Арбитражного суда Уральского округа от 25.10.21 по делу № А34-5683/2021, от 17.01.22 по делу № А34-10037/2021, от 18.01.22 по делу № А76-19275/2021 и от 21.01.22 по делу № А76-19058/2021.

С подобной позицией трудно согласиться.

Во-первых, как уже отмечалось выше, Пленум ВС РФ допускает переквалификацию действия (бездействия) лица, привлекаемого к административной ответственности, на другую статью (часть статьи) КоАП РФ, при условии, что назначаемое наказание не ухудшит положение лица, в отношении которого ведется производство по делу.

Кроме того, в силу пункта 2 части 1 статьи 30.7 КоАП РФ по результатам рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении может быть вынесено решение об изменении постановления, если при этом не усиливается административное наказание или иным образом не ухудшается положение лица, в отношении которого вынесено постановление.

Пунктом 2 части 2 статьи 30.17 КоАП РФ также предусмотрено, что по результатам рассмотрения жалобы на вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении выносится решение об изменении постановления по делу об административном правонарушении, если допущенные нарушения Кодекса и (или) закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях могут быть

устранены без возвращения дела на новое рассмотрение и при этом не усиливается административное наказание или иным образом не ухудшается положение лица, в отношении которого вынесено указанное постановление.

Привлекая предпринимателя к ответственности по части 2 статьи 14.17.1 КоАП РФ (вместо части 2 статьи 14.16 этого же Кодекса), пусть и с назначением наказания в виде штрафа в размере 10 000 рублей, то есть в 10 раз меньше, чем предусмотрено санкцией данной нормы, Арбитражный суд Уральского округа не учел, что он тем не менее существенно ухудшил положение индивидуального предпринимателя, поскольку в случае повторного совершения аналогичного правонарушения предприниматель может быть привлечен к уголовной ответственности по статье 171.4 Уголовного кодекса РФ⁴⁵, чего не было бы в случае его привлечения к ответственности по части 2 статьи 14.16 КоАП РФ.

⁴⁵ Подробнее об этом см: *Ячменёв Г. Г.* Новеллы законодательства в области государственного регулирования розничной продажи алкогольной продукции и ответственности за его нарушение // Арбитражные споры. 2018. № 1. С. 105–140.

Во-вторых, в силу части 1 статьи 4.1 КоАП РФ административное наказание за совершение административного правонарушения назначается в пределах, установленных законом, предусматривающим ответственность за данное административное правонарушение, в соответствии с Кодексом.

Как указано в пункте 21 постановления Пленума ВС РФ № 5, при решении вопроса о назначении вида и размера административного наказания судьей необходимо учитывать, что КоАП РФ допускает возможность назначения административного наказания лишь в пределах санкций, установленных законом, предусматривающим ответственность за данное административное правонарушение. Поэтому судья не вправе назначить наказание ниже низшего предела, установленного санкцией соответствующей статьи, либо применить наказание, не предусмотренное статьей 3.2 КоАП РФ.

Исключения из данного правила предусмотрены частями 2.2, 2.3, 3.2–3.6 статьи 4.1, статьями 4.1.1 и 4.1.2 КоАП РФ.

Назначение наказания по части 2 статьи 14.17.1 КоАП РФ в виде административного штрафа в размере 10 000 рублей (то есть в 10 раз меньше минимального размера штрафа, предусмотренного санкцией данной нормы) противоречит названным положениям статьи 4.1 КоАП РФ.

Весьма важное разъяснение относительно полномочий суда апелляционной инстанции при рассмотрении дел об административных правонарушениях дано в **определении СКЭС ВС РФ от 24.01.22 № 309-ЭС21-16461.**

... В рамках данного дела оспаривалось постановление антимонопольного органа о привлечении общества к ответственности по части 4 статьи 14.32 КоАП РФ с назначением наказания в виде административного штрафа в размере 1 582 099 рублей 20 копеек.

Решением суда первой инстанции заявленное обществом требование удовлетворено частично, оспариваемое постановление антимонопольного органа изменено в части назначенного наказания, штраф определен в размере 589 474 рублей 5 копеек.

Общество обжаловало решение суда первой инстанции в апелляционном порядке.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменено, оспариваемое постановление антимонопольного органа изменено в части назначенного наказания, штраф определен в размере 707 368 рублей 88 копеек, с чем впоследствии согласился суд кассационной инстанции.

Однако, изменяя решение суда первой инстанции и устанавливая иной размер административного штрафа по сравнению с тем, как он был определен судом первой инстанции, суды апелляционной и кассационной инстанций не учли следующее.

Обращаясь в суд апелляционной инстанции с апелляционной жалобой на решение суда первой инстанции, общество в соответствии со статьей 46 Конституции РФ и частью 1 статьи 4 АПК РФ воспользовалось своим правом на судебную защиту.

Согласно части 5 статьи 268 АПК РФ арбитражный суд апелляционной инстанции осуществляет проверку судебного акта в пределах, определяемых апелляционной жалобой.

Соответственно, при указанных обстоятельствах суд апелляционной инстанции должен был проверить судебный акт только в обжалуемой части и при отсутствии жалобы антимонопольного органа или потерпевшего по делу об административном правонарушении по собственной инициативе не вправе был изменять решение суда первой инстанции, ухудшая положение лица, обратившегося с апелляционной жалобой.

Между тем суд апелляционной инстанции, проверяя решение суда первой инстанции в части назначения наказания в виде административного штрафа без учетаотягчающего ответственность обстоятельства, вышел за пределы рассмотрения апелляционной жалобы общества, превысив свои полномочия, предусмотренные АПК РФ, ухудшив его положение по сравнению с тем, которого оно добилось в суде первой инстанции. При этом антимонопольный орган с апелляционной жалобой на решение суда первой инстанции не обращался.

На наш взгляд, такой подход полностью соответствует не только положениям части 5 статьи 268 АПК РФ, но и требованиям пункта 2 части 1 статьи 30.7 КоАП РФ.

На еще один аспект применения последней из названных норм обращено внимание в **определении КС РФ от 30.06.20 № 1608-О**, в котором указано, что в случае, если при рассмотрении дела об оспаривании постановления административного органа, которым назначено наказание в виде предупреждения, арбитражный суд придет к выводу о том, что для применения положений статьи 4.1.1 КоАП РФ и замены штрафа на предупреждение правовых оснований не имелось, суд, исходя из требований пункта 2 части 1 статьи 30.7 КоАП РФ, не вправе изменить (усилить) административное наказание.

При реализации полномочий, предусмотренных пунктом 3 части 1 статьи 287 АПК РФ (о направлении дела на новое рассмотрение в ином судебном составе), арбитражные суды кассационной инстанции могут принимать во внимание правовые позиции, выраженные в **определениях КС РФ от 12.11.19 № 2968-О и от 27.05.21 № 1101-О**, в которых проанализированы соответствующие нормы КоАП РФ об основаниях для повторного рассмотрения дела об административном правонарушении иным составом суда.

Следует иметь в виду, что в соответствии абзацем четвертым части 3 статьи 23.1 КоАП РФ (в редакции Закона № 70-ФЗ) судьи арбитражных судов рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 6.33, 7.24, частями 2 и 3 статьи 9.4, статьями 9.5, 9.5.1, 13.33, 14.1, 14.10, 14.11, 14.14, частями 1 и 2 статьи 14.16, статьей 14.17, частью 2 статьи 14.17.1, статьями 14.17.3, 14.18, 14.23, 14.27, 14.36, 14.37, частью 2 статьи 14.38, статьями 14.43–14.50, частью 1 статьи 15.10, частями 2 и 2.1 статьи 17.14, частями 6 и 15 статьи 19.5, статьей 19.33 Кодекса, совершенных юридическими лицами и их должностными лицами или иными работниками, а также индивидуальными предпринимателями.

Согласно части 3 статьи 1.7 КоАП РФ производство по делу об административном правонарушении осуществляется на основании закона, действующего во время производства по указанному делу.

Частью 4 статьи 3 АПК РФ предусмотрено, что судопроизводство в арбитражных судах осуществляется в соответствии с федеральными законами, действующими во время разрешения спора и рассмотрения дела, совершения отдельного процессуального действия или исполнения судебного акта.

С учетом приведенных норм и разъяснений, содержащихся в пункте 7 постановления Пленума ВАС РФ от 27.01.03 № 2 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», это означает, что перечисленные дела об административных правонарушениях, совершенных должностными лицами и

работниками юридических лиц до 6 апреля 2022 года, после указанной даты также подлежат рассмотрению арбитражными судами⁴⁶.

⁴⁶ Необходимо иметь в виду, что согласно части 2 статьи 23.1 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренных некоторыми из названных статей (например, статьей 14.17.3, частями 1 и 2 статьи 14.43, частями 1 и 2 статьи 14.43.1, статьями 14.44–14.46), рассматриваются арбитражными судами в случаях, если орган или должностное лицо, к которым поступило дело о таком административном правонарушении, передает его на рассмотрение в арбитражный суд.

При рассмотрении по правилам главы 25 АПК РФ указанных дел об административных правонарушениях, равно как и дел, перечисленных в абзаце пятом части 3 статьи 23.1 КоАП РФ, с учетом положений частей 4 и 5 статьи 2.1 КоАП РФ (в редакции Закона № 70-ФЗ) у арбитражных судов могут возникнуть следующие вопросы.

Имеются ли основания для объединения в одно производство самостоятельных заявлений о привлечении к административной ответственности юридического лица и должностного лица (иного работника) этого же юридического лица за совершение административного правонарушения, предусмотренного названными статьями (частями статей) КоАП РФ, притом что не выполняются условия, предусмотренные частью 2 статьи 130 АПК РФ (по составу лиц, участвующих в деле)?

При положительном ответе на данный вопрос (объединение дел на основании части 2.1 статьи 130 АПК РФ) возникает проблема с «отслеживанием» поступающих в арбитражный суд заявлений административного органа и распределением в автоматизированном режиме таких заявлений разным судьям, поскольку на стадии принятия заявлений не всегда будет возможно установить наличие связи (через вменяемое административное правонарушение) между юридическим лицом и должностным лицом (и в особенности иным работником, поскольку о нем нет информации в ЕГРЮЛ).

Кроме того, после принятия заявлений к производству и назначения даты судебного разбирательства судьям потребуется время на выяснение данного обстоятельства (имеется ли в производстве того же арбитражного суда заявление о привлечении к ответственности юридического или должностного лица за совершение вмененного им административного правонарушения).

В случае объединения дел в одно производство уже в ходе судебного разбирательства необходимо будет начать рассмотрение объединенного дела с самого начала, как того требует часть 8 статьи 130 АПК РФ, что может привести к пропуску срока привлечения к административной ответственности (например, если он является общим и составляет три месяца).

Как следует поступить арбитражному суду, если заявление о привлечении к административной ответственности юридического лица и заявление о привлечении к административной ответственности должностного лица (иного работника) поступили не одновременно, а, например, с разницей в один месяц? Возможно ли в такой ситуации приостановление производства по делу по заявлению о привлечении к административной ответственности юридического лица до рассмотрения дела по заявлению о привлечении к ответственности должностного лица?

В частности, рассмотрим такой пример.

Заявление о привлечении к административной ответственности юридического лица по части 3 статьи 14.1 КоАП РФ поступило в арбитражный суд 06.04.22, а заявление о привлечении к ответственности должностного лица за совершение такого же правонарушения поступило в суд 16.05.22. Имея в виду требования части 4 статьи 2.1 КоАП РФ, следует ли арбитражному суду, рассматривающему первое заявление, приостановить производство по делу до рассмотрения второго заявления? При положительном ответе на данный вопрос может быть пропущен трехмесячный срок давности привлечения к административной ответственности после возобновления производства по делу (если арбитражный суд по тем или иным причинам откажет в привлечении к ответственности должностного лица), а при отрицательном ответе — возможно принятие решения о привлечении к ответственности юридического лица с нарушением требований части 4 статьи 2.1 КоАП РФ (если по второму заявлению должностное лицо будет привлечено к ответственности).

Ситуация осложняется в том случае, если срок давности привлечения к административной ответственности составляет один год и более и административный орган вначале обратится в суд с заявлением о привлечении к административной ответственности юридического лица, а уже после принятия положительного для него решения — с заявлением о привлечении к административной ответственности должностного лица. Как поступить арбитражному суду при рассмотрении второго заявления? Если санкция соответствующей статьи предусматривает фиксированный штраф, то оснований для отказа в привлечении к административной ответственности должностного лица со ссылкой на положения части 5 статьи 2.1 КоАП РФ не имеется. Если же привлечь должностное лицо (иного работника) к ответственности, то будет нарушено требование части 4 статьи 2.1 КоАП РФ (пусть решение о привлечении к ответственности юридического лица и было принято ранее и даже вступило в законную силу).

С учетом отмеченных выше сложностей возникает и такой вопрос: вправе ли арбитражный суд, рассматривающий дело о привлечении к административной ответственности юридического лица, в целях укрепления законности и предупреждения правонарушений в сфере предпринимательской и иной

экономической деятельности (пункт 4 статьи 2 АПК РФ) и соблюдения требований части 4 статьи 2.1 КоАП РФ ставить перед административным органом вопрос о возбуждении дела об административном правонарушении в отношении должностного лица (иного работника) юридического лица, если позволяют сроки давности привлечения к ответственности и отсутствует вынесенное мотивированное определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении в отношении должностного лица (часть 5 статьи 28.1 КоАП РФ) или постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении в отношении должностного лица (пункт 2 части 1 статьи 29.9 КоАП РФ)?

Несмотря на то что по смыслу статьи 28.1 КоАП РФ при наличии соответствующих поводов и достаточности данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, должностное лицо административного органа обязано возбудить дело об административном правонарушении, ответ на данный вопрос должен быть отрицательным. Однако в таком случае применение положений части 4 статьи 2.1 КоАП РФ отдается на усмотрение административного органа, что может привести к нарушению установленного статьей 1.4 Кодекса принципа равенства перед законом, а также общеправового принципа законности⁴⁷.

⁴⁷ Подробнее о содержании принципа законности и его реализации в законодательстве об административных правонарушениях см.: *Сладкова А. В.* Административное принуждение в области рынка ценных бумаг. М.: Проспект, 2021. С. 50–54.

Завершая настоящую статью, отметим, что важная роль решений КС РФ, равно как и правоприменительной практики ВС РФ, в совершенствовании законодательства об административных правонарушениях, в том числе в части обеспечения реализации принципов производства по делам об административных правонарушениях, на что обоснованно обращается внимание некоторыми авторами⁴⁸, не вызывает сомнения.

⁴⁸ *Нобель А. Р.* Значение принципов производства по делам об административных правонарушениях. С. 38–39.

Однако в настоящее время, в условиях введения в феврале — марте 2022 года в отношении Российской Федерации беспрецедентных санкций и ограничительных мер, некоторые из сформулированных правовых позиций КС РФ приобретают особую актуальность.

Например, **постановлением КС РФ от 09.07.21 № 34-П** положения части 1 статьи 15.25 КоАП РФ, частей 4 и 5 статьи 12 Федерального закона от 10.12.03 №

173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» признаны не противоречащими Конституции РФ, поскольку в системе действующего правового регулирования они не предполагают привлечения к административной ответственности валютного резидента Российской Федерации за действия (бездействие), которые при обычных условиях могут быть признаны незаконной валютной операцией, когда их необходимость вызвана реальным риском лишиться валютных ценностей или утратить на неопределенный срок контроль над ними в связи с тем, что иностранное государство применило ограничительные меры против России и ее хозяйствующих субъектов, установленные в ненадлежащей международной процедуре и в противоречии с многосторонними международными договорами с участием России и воспрепятствовавшие валютному резиденту совершить (довести до конца) законную валютную операцию, если такие действия (бездействие) по своей сути не искажают смысла первоначальной законной валютной операции или направлены (в том числе в качестве одного из этапов, если подтверждается намерение осуществить дальнейшие действия) на восстановление положения, которое имело место до начала ее совершения.

В этом же решении КС РФ констатировал, что установление иностранным государством в ненадлежащей международной процедуре и в противоречии с многосторонними международными договорами, в которых участвует Россия, ограничительных мер против нее и ее хозяйствующих субъектов — достаточно распространенное в настоящее время явление. Затрагивает оно и сферу валютных операций, в ходе которых резидент может претерпеть неблагоприятные последствия не только в случае введения санкций непосредственно в его отношении, но и в случае их введения в отношении кредитной организации, куда или откуда денежные средства, номинированные в иностранной валюте, подлежат перечислению. В результате санкций валютная операция, соответствующая требованиям российского законодательства, может быть прервана, а резидент может потерять, с неясными перспективами восстановления, контроль за своими деньгами.

Исходя из предписаний статей 2, 18 и 75.1 Конституции РФ деятельность органов публичной власти не должна усугублять правовое и фактическое положение российских граждан и организаций, которых затронули соответствующие санкции. Более того, наиболее приемлемой и ожидаемой реакцией органов власти является принятие решений, направленных на содействие таким лицам как попавшим в тяжелую ситуацию из-за противоправных, по сути, обстоятельств.

В постановлении от 13.02.18 № 8-П — применительно к правомочию суда, действуя на основании статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции РФ и в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 1, пунктами 1 и 2 статьи 10 Гражданского кодекса РФ, отказать полностью или частично в применении последствий ввоза

на территорию России без согласия правообладателя товарного знака конкретной партии товара, на котором товарный знак размещен самим правообладателем или с его согласия и который законно выпущен в оборот за пределами России, — КС РФ указал, что следование правообладателя товарного знака режиму санкций против России и ее хозяйствующих субъектов, установленных каким-либо государством вне надлежащей международно-правовой процедуры и в противоречии с многосторонними международными договорами с участием России, выразившееся в занятой правообладателем позиции в отношении российского рынка, может само по себе рассматриваться как недобросовестное поведение. Требование максимального учета такого рода обстоятельств применимо и к административной ответственности.

Представляется, что в складывающейся ситуации приведенные правовые позиции КС РФ будут востребованы судами при рассмотрении дел самых разных категорий.

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Банкротство: тенденции и актуальная судебная практика

Кудинова Мария Сергеевна

Главный юрист ООО «РАУД» (Санкт-Петербург)

Статья посвящена обзору актуальной судебной практики по вопросам банкротства. Автором освещены поворотные судебные дела, имеющие значение для практикующих юристов.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), конкурсные кредиторы, судебная практика по вопросам защиты прав кредиторов, оспаривание судебных актов кредиторов, возражения на требования кредиторов, оспаривание сделок, субсидиарная ответственность, взыскание убытков, жалобы на действия арбитражного управляющего.

Судебная практика в сфере банкротства носит неустойчивый, изменчивый характер.

При рассмотрении различных категорий споров в процедурах несостоятельности суды смещают баланс, усиливая то прокредиторскую, то продолжниковую систему.

Анализ судебной практики в сфере банкротства за 2021 год выявил следующие ключевые тенденции:

1. Защита прав субсидиарных ответчиков.
2. Возможность изъятия единственного жилья (не являющегося предметом залога) гражданина-банкрота.
3. Уточнение критериев подозрительности сделок и кредиторской задолженности.

Тенденция 1. Защита прав субсидиарных ответчиков

Если с 2019 года прослеживалась устойчивая направленность арбитражной практики на расширение круга субсидиарных ответчиков, привлечение к ответственности реальных бенефициаров компании, то в 2021 году появился ряд судебных актов, расширяющих права таких лиц. Рассмотрим примеры подобных поворотных дел.

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 21.05.21 № 302-ЭС20-23984

Фабула дела. В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) муниципального унитарного предприятия его конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц:

— бывшего руководителя предприятия на основании пункта 2 статьи 10 Федерального закона от 26.10.02 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) за неисполнение обязанности по подаче в суд заявления о банкротстве возглавляемого им предприятия;

— администрации городского поселения — собственника имущества предприятия на основании пункта 4 статьи 10 Закона о банкротстве за действия (бездействие), ставшие необходимой причиной банкротства предприятия.

Мнение судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, заявление управляющего удовлетворено частично, с бывшего руководителя в конкурсную массу предприятия в порядке привлечения к субсидиарной ответственности взыскано 9 121 402 рубля 8 копеек, в удовлетворении требования, предъявленного к администрации, отказано.

Мнение ВС РФ. ВС РФ направил данный обособленный спор на новое рассмотрение, поскольку суды не установили, имелся ли у руководителя должника план выхода из кризиса, являлся ли он разумным, следовал ли руководитель этому плану, в какой момент обычному руководителю стало бы ясно, что реализация данного плана не приведет к выходу из кризиса; также суды не дали надлежащей оценки представленным руководителем должника доказательствам; выводы судов по вопросу о привлечении руководителя должника к ответственности вступили в явное противоречие с выводами судов по поводу освобождения от ответственности администрации.

В частности, ВС РФ указал следующее: «...при разрешении вопроса о привлечении бывшего руководителя к ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника о собственном банкротстве существенное значение имеет установление момента возникновения соответствующей обязанности. Этот момент определяется тем, когда обычный, разумный и добросовестный руководитель, поставленный в ту же ситуацию, что и руководитель должника, должен был осознать такую степень критичности положения подконтрольной организации, которая объективно свидетельствовала о невозможности продолжения нормального режима хозяйствования.

В рассматриваемом случае суды установили, что предприятие было создано для предотвращения угрозы срыва отопительного сезона 2015–2016 годов. Основную деятельность (деятельность по теплоснабжению) оно начало осуществлять с конца октября 2015 года, применяя по указанию администрации тарифы, установленные для предыдущих ресурсоснабжающих организаций, что,

как отметили суды, являлось вынужденной мерой, вызванной необходимостью недопущения социальной напряженности среди потребителей, к числу которых относились население и учреждения социальной сферы. Суды указали на то, что по итогам 2015 года, то есть спустя два месяца после начала деятельности, предприятие стало отвечать признаку недостаточности имущества, а 19.03.16 на стороне руководителя должника возникла обязанность по подаче заявления о банкротстве возглавляемого им предприятия.

Судебная коллегия не может согласиться с выводом судов о том, что обычный добросовестный и разумный руководитель предприятия, учрежденного в середине отопительного сезона для обеспечения реализации прав граждан на доступ к социально значимым благам в сфере коммунального обслуживания, находящийся в той же ситуации, что и руководитель должника, спустя столь короткий промежуток времени, прошедший со дня создания этого предприятия, и при отсутствии иной теплоснабжающей организации на территории п. Новая Игирма, расположенного в Восточной Сибири, не дожидаясь окончания отопительного сезона, принял бы решение об обращении в суд заявлением о банкротстве возглавляемого им предприятия.

Наоборот, грамотный менеджер приступил бы к более детальному анализу ситуации, развивающейся на вновь образованном предприятии, что соответствует смыслу разъяснений, приведенных в подпункте 2 пункта 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) от 30.07.13 № 62 „О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица“. Согласно этим разъяснениям неразумными считаются действия директора, который до принятия решения не предпринял обычных для деловой практики при сходных обстоятельствах мер, направленных на получение информации, необходимой и достаточной для его принятия, в частности если при имеющихся обстоятельствах разумный директор отложил бы принятие решения до получения дополнительной информации.

По результатам такого анализа не исключается возможность разработки и реализации экономически обоснованного плана, направленного на санацию должника, если его руководитель имеет правомерные ожидания преодоления кризисной ситуации в разумный срок, прилагает необходимые усилия для достижения результата (абзац второй пункта 9 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.17 № 53 „О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих лиц к ответственности при банкротстве“).

Наличие антикризисной программы (плана) может подтверждаться не только документом, поименованным соответствующим образом, но и совокупностью иных доказательств (например, перепиской с контрагентами, органами публичной власти, протоколами совещаний и т. п.). При этом возложение субсидиарной ответственности допустимо, в частности, когда

следование плану являлось явно неразумным с точки зрения обычного руководителя, находящегося в сходных обстоятельствах, либо когда план разрабатывался лишь для создания внешней иллюзии принятия антикризисных мер и получения отсрочки с тем, чтобы выиграть время для совершения противоправных действий, причиняющих вред кредиторам».

Таким образом, по мнению ВС РФ, при разрешении вопроса о наличии оснований для привлечения директора к субсидиарной ответственности правовое значение имеют следующие обстоятельства:

- являлся ли план выхода из кризиса разумным в момент его принятия;
- когда негативные тенденции, продолжившиеся в ходе его реализации, привели предприятие в состояние, свидетельствующее о том, что план себя исчерпал.

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 30.09.21 № 307-ЭС21-9176

Фабула дела. В рамках дела о банкротстве гражданин К., привлекаемый к субсидиарной ответственности, обратился в арбитражный суд с жалобой на действия (бездействие) конкурсного управляющего и взыскании с него убытков, вызванных ненадлежащим формированием конкурсной массы должника (невзысканием дебиторской задолженности, подтвержденной судебными актами), а также незаконным ее уменьшением ввиду необоснованного привлечения специалистов и превышения лимитов выплат им.

Мнение судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Определением суда первой инстанции жалоба К. возвращена заявителю. Суд, руководствуясь положениями статей 34, 35 и 61.15 Закона о банкротстве, позицией, изложенной в пунктах 14 и 15 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.12 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (далее — постановление Пленума ВАС РФ № 35), исходил из того, что К. не относится к числу лиц, имеющих право подавать соответствующую жалобу. Суд указал, что лицо, в отношении которого в рамках дела о банкротстве подано заявление о привлечении к субсидиарной ответственности, наделено правами и обязанностями участвующего в деле о банкротстве лица только в пределах рассмотрения обособленного спора по заявлению о привлечении его к субсидиарной ответственности.

Суды апелляционной инстанции и округа поддержали данные выводы.

Мнение ВС РФ. Судебные акты отменены, вопрос направлен на новое рассмотрение, так как по существу жалоба не рассматривалась, судами допущены существенные нарушения норм процессуального права, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов заявителя.

ВС РФ указал следующее: «На правовое положение контролирующего лица влияют два ключевых обстоятельства: 1) совокупный размер требований кредиторов к должнику и 2) объем конкурсной массы. Разница между двумя названными величинами и составляет размер ответственности контролирующего лица. Соответственно, контролирующему лицу должны быть предоставлены полномочия тем или иным образом влиять на две указанные величины, так как они ему объективно противопоставляются.

В своей жалобе на действия (бездействие) конкурсного управляющего К., руководствуясь положениями статей 20.3 и 129 Закона о банкротстве, ссылается на неисполнение конкурсным управляющим своей обязанности по взысканию дебиторской задолженности и на необоснованное расходование конкурсной массы, которые, по мнению заявителя, привели к нарушению законодательства о несостоятельности ввиду утраты возможности пополнения конкурсной массы должника, а также к убыткам на стороне должника.

Поскольку последствия подобных нарушений может нести К. как контролирующее должника лицо путем привлечения его к субсидиарной ответственности, заявитель при обращении в суд с жалобой на действия конкурсного управляющего правомерно исходил из своей заинтересованности в должном формировании и расходовании конкурсной массы.

Контролирующее должника лицо, выбрав активную защиту своих прав в связи с возникновением обособленного спора по заявлению о привлечении его к субсидиарной ответственности, не может быть лишено возможности на обращение в суд с жалобой на действия конкурсного управляющего должника со ссылкой на отсутствие статуса основного участника дела о банкротстве в соответствии с положениями статьи 34 Закона о банкротстве. Доказанность наличия причинно-следственной связи между неправомерными действиями (бездействием) конкурсного управляющего и убытками на стороне должника и его кредиторов приведет ко взысканию с конкурсного управляющего в конкурсную массу должника денежных средств, что, как следствие, приведет к уменьшению размера возможной субсидиарной ответственности К. Иного способа защиты у контролирующего должника лица в рассматриваемом случае не имеется.

На основании изложенного, возвращая жалобу К., суд первой инстанции необоснованно отказал ему в доступе к правосудию, что не может быть признано соответствующим целям судебной защиты и задачам судопроизводства (статья 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации; далее — АПК РФ)».

С учетом данного определения суда в рамках некоторых иных дел ранее возвращенные аналогичные жалобы и заявления контролирующих лиц были также направлены для рассмотрения по существу в суды первых инстанций.

Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ) также поддержал заданную тенденцию, вынеся **постановление от 16.11.21 № 49-П** по делу о проверке конституционности статьи 42 АПК РФ и статьи 34 Закона о банкротстве.

Фабула дела. Определением арбитражного суда первой инстанции от 12.01.16 в рамках дела о банкротстве общества признаны обоснованными и включены в реестр требований кредиторов должника требования Федеральной налоговой службы (далее — ФНС) в размере 13 078 043 рублей 93 копеек.

Позднее определением от 31.07.19, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в рамках того же дела о банкротстве гражданин А. привлечен к субсидиарной ответственности по обязательствам общества солидарно с другими контролировавшими должника лицами, а производство по рассмотрению требований конкурсного управляющего в части установления размера такой ответственности приостановлено до окончания расчетов с кредиторами и формирования конкурсной массы. Опираясь на представленные доказательства, суды указали, что под руководством А. общество совершило ряд сделок, единственной целью которых было получение необоснованной налоговой выгоды в отсутствие фактической хозяйственной операции, вывод денежных средств на юридических лиц, используемых в схеме по обналичиванию, и это повлекло причинение должнику имущественного вреда.

Не согласившись с размером требований, признанных определением арбитражного суда от 12.01.16 обоснованными, А. обратился в апелляционный суд с жалобой на это определение и ходатайством о восстановлении срока для ее подачи. Определением апелляционного суда, оставленным без изменения постановлением суда округа, производство по жалобе было прекращено. Суды со ссылкой на оспариваемые законоположения отклонили доводы заявителя об отсутствии у общества обязательств в указанном размере по отношению к конкретному кредитору и об экономической обоснованности конкретных сделок. Как было отмечено, приведенные доводы подлежат оценке по существу судом, рассматривающим спор о привлечении А. в числе прочих контролировавших должника лиц к субсидиарной ответственности; судебный же акт, принятый по результатам рассмотрения заявления одного из кредиторов о включении его требований в реестр требований кредиторов, непосредственно не затрагивает права и обязанности лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, а потому на таких лиц не распространяется действие статьи 42 АПК РФ; сам факт принятия иска, связанного с деятельностью таких лиц, не порождает обязанности суда в каждом обособленном споре по делу о банкротстве привлекать их к участию в деле; оснований для восстановления процессуального срока не найдено.

Определением ВС РФ гражданину А. отказано в передаче кассационной жалобы на состоявшиеся судебные акты для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам.

Мнение КС РФ. У лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, должна быть возможность обжаловать решение о включении требований в реестр в части их размера за период, когда это лицо контролировало должника. Законодатель вправе определить порядок этого обжалования.

КС РФ указал следующее: «Законодатель, действуя в рамках предоставленных ему статьями 71 (пункт «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации полномочий, при регулировании гражданско-правовых, в том числе корпоративных, отношений призван обеспечивать их участникам справедливое, отвечающее их разумным ожиданиям, потребностям рынка, социально-экономической ситуации в стране, не ущемляющее свободу экономической деятельности и не подавляющее предпринимательскую инициативу соотношение прав и обязанностей, а также предусмотреть соразмерные последствиям нарушения обязанностей, в том числе обязательств перед потребителями, меры и условия привлечения к ответственности на основе конституционно значимых принципов гражданского законодательства. Субсидиарная ответственность контролирующего общество лиц является мерой гражданско-правовой ответственности, функция которой заключается в защите нарушенных прав кредиторов общества, восстановлении их имущественного положения. При реализации этой ответственности не отменяется и действие общих оснований гражданско-правовой ответственности — для привлечения к ней необходимо наличие всех элементов состава правонарушения: противоправное поведение, вред, причинная связь между ними и вина правонарушителя. Лицо, контролирующее общество, не может быть привлечено к субсидиарной ответственности, если докажет, что при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась в обычных условиях делового оборота и с учетом сопутствующих деятельности общества предпринимательских рисков, оно действовало добросовестно и приняло все меры для исполнения обществом обязательств перед кредиторами.

По смыслу правовых позиций КС РФ государственная защита прав и свобод человека и гражданина, включая судебную защиту (статьи 45 и 46 Конституции Российской Федерации), предполагает не только право лица обратиться в суд, иной юрисдикционный орган, но и возможность эффективно пользоваться теми полномочиями участника (стороны) разбирательства, которые дает ему процессуальное законодательство. В судебной практике должно обеспечиваться — с целью соблюдения конституционно-правового баланса интересов и принимая во внимание высшую юридическую силу и прямое действие Конституции Российской Федерации (статья 15, часть 1) — конституционное истолкование применяемых нормативных положений, исходя из чего в процессе

осуществления дискреционных полномочий по определению состава, соотношения и приоритета норм, подлежащих применению в конкретном деле, суды должны следовать такому варианту их интерпретации, при котором исключается ущемление гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод (постановления от 23.02.99 № 4-П, от 23.01.07 № 1-П, от 21.01.19 № 6-П, от 20.01.21 № 2-П и др.).

При недостатке у должника средств для покрытия долгов, что является характерной ситуацией для процедуры банкротства, негативные последствия нередко несут контролировавшие должника лица, привлеченные к субсидиарной ответственности. Даже если в итоге расчеты с кредиторами осуществляются за счет сохранившегося имущества должника, до их завершения объем включенных в реестр требований также влияет на правовое положение субсидиарного должника, во многом определяя состав и объем предпринятых обеспечительных мер и тем самым ограничивая его имущественные права. При этом включение всех возможных требований в реестр требований кредиторов затрагивает права и законные интересы этого лица и в том случае, когда оно непосредственно не названо в конкретном судебном акте. В рамках же обособленного производства контролировавшее должника лицо уже не имеет возможности оспорить размер задолженности должника перед кредитором и обоснованность включения соответствующего требования в реестр. Таким образом, наличие нормативного регулирования, позволяющего привлечь контролировавших должника лиц к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве, свидетельствует о необходимости обеспечения этих лиц и надлежащими средствами судебной защиты, включая возможность обжаловать судебное решение, принятое в рамках того же дела о банкротстве по результатам рассмотрения заявления кредитора о включении его требований в реестр требований кредиторов, в части определения размера данных требований за период, когда субсидиарный ответчик являлся контролирующим лицом по отношению к должнику.

Отсутствие в указанных случаях возможности обжаловать судебный акт ухудшает процессуальные возможности защиты прав этих лиц по сравнению с лицами, перечисленными в пункте 1 статьи 34 Закона о банкротстве, повышает риски принятия произвольного решения в части определения размера требований кредиторов в рамках дела о банкротстве, поскольку доводы лица, привлеченного к субсидиарной ответственности, остаются без внимания и тем самым создаются формальные препятствия для оценки такого решения на предмет его законности и обоснованности. Снижение уровня гарантий судебной защиты прав лиц, привлеченных к субсидиарной ответственности, нельзя признать справедливым и соразмерным в контексте предписаний статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Следовательно, КС РФ считает необходимым признать статью 42 АПК РФ и статью 34 Закона о банкротстве в их взаимосвязи не соответствующими

Конституции Российской Федерации, ее статьям 17, 19 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им судебной практикой, они не допускают возможности обжалования лицом, привлеченным к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, судебного акта, принятого без его участия, о признании обоснованными требований кредиторов должника и о включении их в реестр требований кредиторов за период, когда это лицо являлось контролирующим по отношению к должнику.

При этом федеральный законодатель не лишен возможности осуществить регулирование, направленное на обеспечение баланса интересов всех участников правоотношений в рамках процедуры банкротства, в том числе в части определения порядка обжалования лицом — при его привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должника — принятого без его участия судебного акта о признании обоснованными требований кредиторов должника и о включении их в реестр требований кредиторов».

Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 15.12.21 по делу № А82-15093/2017

Фабула дела. Бывшие руководители общества солидарно привлечены к субсидиарной ответственности. Один из них был директором несколько лет, а второй назначен исполняющим обязанности руководителя за три месяца до начала банкротства.

Последний обжаловал привлечение к ответственности, сославшись на то, что в период его руководства общество не вело деятельность, он не подписывал документы, на основании которых требования кредиторов включены в реестр.

Мнение судов первой и апелляционной инстанций. Суды пришли к выводу, что руководители не передали конкурсному управляющему документы общества, вследствие чего не сформирована конкурсная масса и не удовлетворены требования кредиторов. Последний руководитель не был номинальным, однако не представил имеющиеся документы управляющему и не истребовал недостающие документы у первого директора. Соответственно, нет оснований для снижения размера ответственности второго руководителя.

Мнение суда кассационной инстанции. Как установил суд, первый руководитель находится за пределами Российской Федерации, направлять запрос об истребовании документов общества по российскому адресу не имело смысла, а зарубежный адрес был неизвестен. Вину второго руководителя в умышленном сокрытии документов суд не установил и отметил, что размер субсидиарной ответственности существенно больше вреда, который руководитель причинил кредиторам; солидарная ответственность не отвечает принципу справедливости.

Суд указал: «Суды, определяя размер субсидиарной ответственности заявителя, не учли, что вина второго руководителя состоит не в умышленном

сокрытии документов от конкурсного управляющего, а в ненадлежащем исполнении обязанности, связанной с получением документации от предыдущего руководителя, ненадлежащем ведении бухгалтерской документации за небольшой период времени руководства обществом».

На что еще обратить внимание?

Параллельно с защитой прав субсидиарных ответчиков суды также продолжают ранее заданный вектор по привлечению к такой ответственности. Внимания заслуживает **определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 27.12.21 № 308-ЭС17-15907(7)**, в котором указано на допустимость привлечения к субсидиарной ответственности по долгам банкротов их бенефициаров, даже если ранее с них взыскали долг как с поручителей.

Фабула дела. Определением арбитражного суда первой инстанции признано доказанным наличие оснований для привлечения гражданина Б., являвшегося с 12.07.13 по 03.02.16 единственным участником должника и с 24.10.02 по 16.01.16 его генеральным директором, к субсидиарной ответственности по обязательствам должника. Производство по рассмотрению заявления банка о привлечении Б. к субсидиарной ответственности по обязательствам должника приостановлено до окончания расчетов с кредиторами.

13.05.20 производство по заявлению о привлечении к субсидиарной ответственности возобновлено.

Суды установили, что сумма непогашенных требований банка, включенных в реестр требований кредиторов, составляет 226 098 139 рублей 74 копейки.

Мнение суда первой инстанции. Разрешая вопрос о размере субсидиарной ответственности Б. в рамках данного дела о банкротстве, суд первой инстанции пришел к выводу, что требования банка к поручителю Б. подлежат включению в размер его субсидиарной ответственности по обязательствам основного заемщика как контролирующего должника лица.

Отклоняя довод Б. о двойном характере ответственности по обязательствам перед банком, суд первой инстанции исходил из различия оснований ответственности поручителя и субсидиарной ответственности контролирующего должника лица, указав на то, что субсидиарная ответственность представляет собой деликтную ответственность, а ответственность поручителя следует из гражданско-правовых отношений. При этом исполнение Б. решения суда от 28.11.16 о взыскании с ответчика денежных средств как с поручителя в пользу банка влечет уменьшение размера договорного обязательства должника и, как следствие, размера субсидиарной ответственности Б.

Мнение судов апелляционной и кассационной инстанций. Частично отменяя определение суда первой инстанции, апелляционный суд,

руководствуясь положениями пункта 2 части 1 статьи 150 АПК РФ, исходил из необходимости прекращения производства по части требований к Б. ввиду наличия совпадения по предмету, основанию и сторонам в предъявленном банком к Б. гражданском иске, рассмотренном судом общей юрисдикции (решение от 28.11.16). Коль скоро банк заявил прямой иск к руководителю должника о возмещении причиненного вреда вне рамок дела о банкротстве, то, по мнению апелляционного суда, банк фактически выбрал способ распоряжения принадлежащим ему требованием.

Суд округа поддержал выводы суда апелляционной инстанции о тождестве заявленных банком требований.

Мнение ВС РФ. Оставлен в силе судебный акт первой инстанции. Суд указал, что наличие судебного акта о взыскании с контролирующего должника лица задолженности по договору поручительства не является причиной для отказа в его привлечении к субсидиарной ответственности. Ответственность поручителя не тождественна его субсидиарной ответственности.

ВС РФ, в частности, указал следующее: «При разрешении вопроса о наличии или отсутствии тождественности предъявленных кредитором к Б. требований судам необходимо изучить правовую природу самих обязательств.

Законодатель разделяет обязательства по основаниям их возникновения, указывая, в том числе, что они могут возникнуть как из договоров и других сделок, так и вследствие причинения вреда (пункт 2 статьи 307 Гражданского кодекса Российской Федерации; далее — ГК РФ).

Ответственность поручителя перед кредитором связана с исполнением гражданско-правовой сделки — соответствующего договора, предусмотренного параграфом 5 главы 23 ГК РФ, и состоит в том, что поручитель должен нести ответственность за основного должника.

Субсидиарная ответственность контролирующего должника лица по обязательствам должника является формой ответственности за доведение до банкротства, вред в таком случае причиняется кредиторам в результате деликта контролирующего лица — неправомерного вмешательства в деятельность должника, вследствие которого должник теряет способность исполнять свои обязательства (статья 1064 ГК РФ).

Размер субсидиарной ответственности контролирующего лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица определен в пункте 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве (пункт 4 статьи 10 Закона о банкротстве в предыдущей редакции) и равен совокупному размеру требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, а также заявленных после закрытия реестра требований кредиторов и требований кредиторов по текущим платежам, оставшихся не погашенными по причине недостаточности имущества должника. Таким образом, в размер субсидиарной ответственности включается размер непогашенных

требований кредиторов, что и является предполагаемым объемом вреда, который причинен контролирующим должника лицом.

Следовательно, ответственность Б. перед банком за неисполнение гражданско-правовой сделки и за причинение вреда, несмотря на совпадение кредитора по данным обязательствам, имеет разную правовую природу, что, в свою очередь, делает возможным предъявление банком требований по каждому из оснований.

Выводы судов апелляционной инстанции и округа о применении в данном деле правовой позиции Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ, изложенной в определении от 03.07.20 № 305-ЭС19-17007(2), судебная коллегия находит ошибочными, поскольку в указанном деле разрешался вопрос о соотношении гражданского иска о возмещении вреда, причиненного преступлением, и требования о привлечении к субсидиарной ответственности. Поскольку оба этих иска являются разновидностью иска о возмещении вреда (статья 1064 ГК РФ), судебная коллегия пришла к выводу об их тождестве. В настоящем деле такая тождественность отсутствует по вышеизложенным основаниям.

Таким образом, в ситуации, когда исполнение обязательств должника перед кредитором обеспечено поручительством лица, являющегося одновременно контролирующим основного должника лицом, наличие судебного решения о взыскании с такого лица задолженности по договору поручительства само по себе не является основанием для отказа в удовлетворении заявления о привлечении его к субсидиарной ответственности в качестве контролирующего должника лица».

Заслуживает внимания **Обзор судебной практики по актуальным вопросам применения законодательства об ответственности контролирующих лиц**, утвержденный на заседании президиума Арбитражного суда Уральского округа 25 июня 2021 года.

Арбитражный суд Уральского округа представил обзор практики по вопросам привлечения контролирующих лиц к ответственности из 11 пунктов, раскрывающих факты, которые должны быть оценены судами при рассмотрении соответствующих обособленных споров.

1) Если спор о привлечении к субсидиарной ответственности за доведение должника до банкротства касается обязанности бывшего руководителя передать конкурсному управляющему документацию, нужно оценивать действия и руководителя, и управляющего по передаче и приему документации.

Как в законодательстве о банкротстве, так и в нормах корпоративного права отсутствует детальная регламентация порядка передачи документации от бывшего руководителя. Соответственно, оценка довода истца о ненадлежащем

исполнении обязанности по передаче документации должна производиться судом в каждом конкретном случае с учетом критериев разумности и эффективности, предполагающих достижение итогового результата с наименьшими временными, трудовыми и финансовыми затратами. Судом могут быть приняты во внимание наличие у должника помещения, в котором находится документация, сохранение штата сотрудников, ответственных за ведение и сохранность документов бухгалтерского и налогового учета, масштаб деятельности должника, планируемый объем подлежащей передаче документации и тому подобные обстоятельства.

2) Наличие кредиторской задолженности само по себе не свидетельствует об объективном банкротстве управляющей многоквартирными домами компании. Нужно устанавливать такие показатели хозяйственной деятельности, которые отражают наступление финансового кризиса (когда погасить долги перед кредиторами заведомо невозможно).

У стабильной и эффективно действующей управляющей компании размер дебиторской задолженности населения и размер кредиторской задолженности перед поставщиками коммунальных ресурсов сопоставимы и не свидетельствуют об убыточности организации.

В силу указанного само по себе наличие на стороне должника неисполненных обязательств перед кредиторами не влечет для руководителя безусловной обязанности обратиться в суд с заявлением о банкротстве управляющей компании, конкурсному управляющему необходимо доказать, что в определенный период времени наступили обстоятельства, очевидно указывающие на то, что продолжение прежней деятельности объективно невозможно.

Такими экстраординарными ситуациями, при которых возникает обязанность должника — управляющей организации по подаче в суд заявления о собственном банкротстве, могут быть: лишение лицензии на право осуществления деятельности; выбытие многоквартирных домов из управления должника; очевидное превышение кредиторской задолженности компании перед поставщиками коммунальных ресурсов над дебиторской задолженностью населения, продолжительный рост такой кредиторской задолженности; неэффективность проведенных мероприятий по взысканию дебиторской задолженности и тому подобное.

3) Наличие только внутригрупповой задолженности само по себе не является основанием для обязательного инициирования руководителем банкротства компании.

В обычном обороте аффилированные юридические лица, действующие добросовестно и разумно, не имеют объективных причин взыскивать долги друг с друга, возбуждать в отсутствие внешних кредиторов дела о банкротстве,

поскольку они стремятся оптимизировать внутригрупповую задолженность, поэтому в ситуации наличия задолженности одного члена группы по отношению к другому члену группы предполагается, что в ее основе лежит договоренность между членами группы, определяющая условия взаиморасчетов. При этом наличие между ними доверительных отношений, их подчиненность единому центру позволяют таким организациям выстраивать общую линию поведения, заключать соглашения об исполнении обязательств друг друга без надлежащего юридического оформления и т. п.

4) Контролирующее должника лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, вправе приводить доводы об отсутствии у должника обязательств перед конкретным кредитором, в том числе и при наличии судебного акта, подтверждающего требования. Суд должен оценить такие доводы, а бремя доказывания названных обстоятельств возлагается на контролирующее должника лицо.

Доводы о фактическом отсутствии у должника обязательств по отношению к кредиторам, а также об экономической необоснованности совершения спорных сделок должны быть рассмотрены судами по существу в рамках спора о привлечении к субсидиарной ответственности в целях установления размера ответственности контролирующих должника лиц. Для опровержения таких возражений недостаточно указания на наличие вступившего в силу судебного акта.

5) Основанием для привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности могут выступать их согласованные действия по прекращению деятельности должника и переводу ее на новое юридическое лицо.

Неправомерные действия (бездействие) контролирующего лица могут выражаться, в частности, в принятии ключевых деловых решений с нарушением принципов добросовестности и разумности. Таким решением признана формальная смена юридического лица.

6) Если конкурсные кредиторы приняли решение продолжать убыточную деятельность должника, то текущие обязательства, возникшие в результате осуществления этой деятельности, не включаются в размер субсидиарной ответственности.

Учитывая, что с момента введения в отношении должника процедуры банкротства контролирующие должника лица утратили возможность принимать деловые решения и определять действия должника, ответственность за принятие решения о продолжении производственной деятельности и неблагоприятные имущественные последствия такого решения не могут быть возложены на контролирующих должника лиц.

7) Если с руководителя должника взыскиваются убытки, причиненные перечислением им средств за товар, стоимость которого в бухгалтерской

документации искажена, размер убытков может быть уменьшен на подтвержденную ответчиком действительную стоимость полученного должником товара.

Именно ответчик вправе раскрыть сведения и документы, позволяющие установить лицо, осуществившее фактическое исполнение по сделке, доказать действительную стоимость поставленного товара, выполненной работы, оказанной услуги и таким образом вывести фактически совершенные хозяйственные операции из теневого оборота.

8) Удовлетворение заявления о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности в меньшем размере по сравнению с заявленным не является основанием для взыскания в его пользу судебных расходов.

Согласно правовой позиции, изложенной в определении КС РФ от 24.06.14 № 1469-О, критерием присуждения расходов на оплату услуг представителя является вывод суда о правомерности или неправомерности заявленного истцом требования, что связано с оценкой надлежащего (или ненадлежащего) исполнения сторонами своих гражданско-правовых обязательств, которая дается в ходе рассмотрения спора по существу.

Процессуальным законодательством закреплён компенсационный принцип возмещения участнику спора необходимо понесенных им разумных расходов, связанных с инициированием разбирательства и вовлечением его в судебный процесс, за счет несправедливой стороны спора.

9) Размер субсидиарной ответственности может быть пересмотрен по новым обстоятельствам, если изменился совокупный размер требований конкурсных кредиторов должника.

Применительно к пункту 1 части 3 статьи 311 АПК РФ и с учетом принципа эффективности правовой защиты, соразмерности средств защиты нарушенным правам и мерам их восстановления изменение размера реестровой задолженности, положенного в основу при определении размера субсидиарной ответственности, будет являться новым обстоятельством, влекущим за собой возможность пересмотра судебного акта о взыскании с контролирующих должника лиц денежных средств в порядке субсидиарной ответственности.

10) Вопрос о взыскании с руководителя убытков, причиненных совершением сделки, должен решаться с учетом особенностей деятельности должника, мотивов и обстоятельств заключения сделки.

В подобных ситуациях основополагающим моментом является включение в предмет исследования наличия доказательств того, что директор должника, заключая спорные договоры, действовал недобросовестно либо проявил грубую неосторожность. Это обстоятельство устанавливается через определение судом в каждом случае такого стандарта поведения, при котором обычный, разумный и добросовестный руководитель, поставленный в ту же ситуацию, что и

руководитель должника, должен был осознать такую высокую степень рисков неисполнения обязательств со стороны контрагента, которая объективно нивелировала возможные выгоды от заключения и исполнения договора.

Однако сами по себе установленные судами факты не свидетельствуют о выходе поведения ответчика за рамки обычного предпринимательского риска.

11) При взыскании убытков с бывшего руководителя в ситуации скрытого от участников общества конфликта интересов бремя доказывания отсутствия вины в нарушении добросовестности возлагается на этого руководителя.

Одним из правил добросовестного управления возглавляемым обществом является недопустимость совершения действий в собственных предпринимательских интересах или в интересах члена семьи в нарушение принципов корректного управления обществом.

Тенденция 2. Возможность изъятия единственного жилья (не являющегося предметом залога) гражданина-банкрота

Единственное жилое помещение (не обремененное залоговыми правами), принадлежащее гражданину-должнику, является активом, в отношении которого предусмотрен особый правовой режим обращения взыскания как в рамках исполнительного производства, так и в процедурах банкротства.

На протяжении длительного времени такое имущество обладало практически абсолютным иммунитетом от возможности обращения на него взыскания.

Однако в 2021 году прослеживается существенное изменение подхода судов к данному вопросу.

Правовые позиции, изложенные в постановлении КС РФ от 26.04.21 № 15-П (далее — постановление № 15-П):

— сами по себе правила об исполнительском иммунитете не исключают возможность ухудшения жилищных условий должника и членов его семьи;

— ухудшение жилищных условий не может вынуждать должника помимо его воли к изменению поселения, то есть предоставление замещающего жилья должно происходить, как правило, в пределах того же населенного пункта (иное может быть обусловлено особенностями административно-территориального деления, например существованием крупных городских агломераций (компактно расположенных населенных пунктов, связанных совместным использованием инфраструктурных объектов и объединенных интенсивными экономическими, в том числе трудовыми, и социальными связями));

— отказ в применении исполнительского иммунитета не должен оставить должника и членов его семьи без жилища, пригодного для проживания,

площадью по крайней мере не меньшей, чем по нормам предоставления жилья на условиях социального найма;

— отказ от исполнительского иммунитета должен иметь реальный экономический смысл как способ удовлетворения требований кредиторов, а не быть карательной санкцией (наказанием) за неисполненные долги или средством устрашения должника, в связи с чем необходимым и предпочтительным является проведение судебной экспертизы рыночной стоимости жилья, имеющего, по мнению кредиторов, признаки излишнего (это влечет за собой необходимость оценки и стоимости замещающего жилья, а также издержек конкурсной массы по продаже существующего помещения и покупке необходимого).

Данные постулаты используются ВС РФ в его определениях.

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26.07.21 № 303-ЭС20-18761

В данном определении сформулированы первые правила изъятия единственного жилья.

Фабула дела. В ходе процедуры реализации имущества гражданина Б. он обратился в суд с заявлением, в котором просил исключить из конкурсной массы земельный участок и жилой дом.

Суды установили, что с апреля 2004 по май 2020 года Б. был зарегистрирован по месту жительства в квартире, принадлежащей его матери (в г. Хабаровске). После принятия судом решения о его банкротстве он зарегистрировал за собой право собственности на жилой дом (16.01.20), затем изменил место своей регистрации и в тот же день (08.05.20) обратился в суд с требованием об исключении земельного участка и жилого дома из конкурсной массы.

Финансовым управляющим из принадлежащего должнику имущества выявлены только жилой дом и земельный участок.

Мнение судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Суды первой и апелляционной инстанций в удовлетворении ходатайства об исключении из конкурсной массы должника жилого дома и земельного участка отказали, отметив, что регистрация права собственности, а также регистрация по месту жительства произведены должником в процедуре банкротства с целью наделить дом имущественным иммунитетом и вывести из конкурсной массы. Суд округа исключил участок и дом из конкурсной массы.

Мнение ВС РФ. Судебные акты отменены, обособленный спор направлен на новое рассмотрение, так как судами не дана оценка обстоятельствам, касающимся прав должника и иных лиц на спорную квартиру, ее характеристик, имеющих существенное значение для правильного разрешения вопроса о распространении исполнительского иммунитета на жилой дом и земельный участок.

По мнению ВС РФ (с учетом позиции КС РФ, изложенной в постановлении № 15-П):

- приобрести более скромное замещающее жилье гражданину может не только кредитор, но и финансовый управляющий путем продажи имущества должника. При этом право собственности на имеющийся дом не должно быть прекращено ранее возникновения права на замещающее жилье;

- необходимо предусмотреть возможность прекращения торгов по продаже жилья, если цена упала настолько, что конкурсная масса не пополнится эффективно;

- кредитор, приобретая новое жилье должнику, несет риски того, что его затраты на покупку не будут покрыты выручкой от продажи недвижимости банкрота;

- вопрос о приобретении замещающего жилья сперва должен выноситься на обсуждение собрания кредиторов, которое созывает финансовый управляющий по своей инициативе либо по требованию кредитора или должника; только после этого вопрос об ограничении исполнительского иммунитета передается на рассмотрение суда;

- если гражданин отвечает как поручитель, можно предусмотреть продажу жилья только в случае, если недостаточно имущества основного должника.

ВС РФ отметил: «КС РФ, давая в постановлении от 14.05.12 № 11-П (далее — постановление № 11-П) оценку конституционности положения абзаца второго части 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), указал, что исполнительский иммунитет в отношении жилых помещений предназначен не для того, чтобы в любом случае сохранить за гражданином-должником принадлежащее ему на праве собственности жилое помещение, а для того, чтобы, не допуская нарушения самого существа конституционного права на жилище и умаления человеческого достоинства, гарантировать гражданину-должнику и членам его семьи уровень обеспеченности жильем, необходимый для нормального существования (абзац первый пункта 4 мотивировочной части постановления).

Гарантии жилищных прав членов семьи собственника жилого помещения закреплены в статье 31 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ).

По общему правилу члены семьи собственника жилого помещения имеют право пользования данным жилым помещением наравне с самим собственником (часть 4 статьи 31 ЖК РФ).

Как разъяснено в пункте 11 постановления Пленума ВС РФ от 02.07.09 № 14 „О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации“, членами семьи собственника жилого помещения являются проживающие совместно с ним в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника.

Для признания названных лиц, вселенных собственником в жилое помещение, членами его семьи достаточно установления только факта их совместного проживания с собственником в этом жилом помещении.

В том случае, если гражданин на основании части 2 статьи 31 ЖК РФ имеет право пользования (пользуется) жилым помещением, принадлежащим его родителю, наравне с собственником, обращение взыскания на жилые помещения такого гражданина, принадлежащие ему на праве собственности, возможно.

Если должник в преддверии банкротства или в ходе рассмотрения дела о несостоятельности в ущерб интересам взыскателя совершает односторонние действия, направленные на изменение регистрации по месту жительства, с исключительной целью создания объекта, защищенного исполнительским иммунитетом, такие действия могут быть квалифицированы как злоупотребление правом. В этом случае суд вправе применить к должнику предусмотренные законом последствия злоупотребления — отказать в применении исполнительского иммунитета к упомянутому объекту (пункты 1 и 2 статьи 10 ГК РФ).

Среди обстоятельств, которые имеют значение при оценке поведения должника на предмет добросовестности, помимо прочего, следует учесть и сопоставить, с одной стороны, моменты предъявления претензии, иска о взыскании долга, вынесения решения о присуждении, возбуждения исполнительного производства, дела о несостоятельности, а также извещения должника об этих событиях и, с другой стороны, причины изменения регистрации по месту жительства — было ли это изменение фиксацией положения дела, фактически сложившегося задолго до предъявления кредитором требования, или оно направлено на уклонение от погашения долга, имелись ли какие-либо особые объективные причины, побудившие должника сменить место жительства без намерения причинить вред кредитору (болезнь близкого родственника, повлекшая необходимость ухода за ним, закрытие расположенного в населенном пункте единственного образовательного учреждения, в котором обучались несовершеннолетние дети должника, прекращение деятельности градообразующего предприятия, на котором трудились должник и члены его семьи, и т. п.). <...>

Местом жительства гражданина признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает (пункт 1 статьи 20 ГК РФ). Закон Российской Федерации „О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации“ устанавливает, что под местом жительства гражданина понимается жилой дом, квартира, комната, жилое помещение специализированного жилищного фонда либо иное жилое помещение, в которых гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайму), договору найма специализированного жилого помещения либо на

иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и в которых он зарегистрирован по месту жительства.

Поскольку в Российской Федерации в силу уведомительного характера регистрационного учета граждан по месту жительства уполномоченные государственные органы лишь удостоверяют акт свободного волеизъявления гражданина о выборе им места жительства, предполагается, что такое место определяется данными регистрационного учета.

Указанная презумпция является опровержимой. Должник, а также прочие заинтересованные лица не лишены возможности подтвердить данные о другом фактическом месте жительства гражданина совокупностью иных доказательств, что согласуется со сложившейся судебной практикой (постановления Пленума ВС РФ от 02.07.09 № 14 „О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации“ (абзац шестой пункта 11) и от 29.05.12 № 9 „О судебной практике по делам о наследовании“ (абзац третий пункта 17, абзац второй пункта 36)). <...>

Суд округа обратил внимание на то, что КС РФ в постановлении № 11-П изложил правовой подход, исключающий возможность разрешения правоприменителем вопроса о допустимости приобретения должнику иного жилого помещения меньшей площади до установления законодателем правил предоставления замещающего жилья.

Вместе с тем после принятия окружным судом обжалуемого постановления КС РФ принято постановление № 15-П, в котором констатировано многолетнее законодательное бездействие и указано на то, что со вступления в силу постановления № 15-П абзац второй части 1 статьи 446 ГПК РФ в дальнейшем не может служить нормативно-правовым основанием безусловного отказа в обращении взыскания на жилые помещения, в нем указанные, если суд считает необоснованным применение исполнительского иммунитета.

Согласно части 5 статьи 79 Федерального конституционного закона от 21.07.94 № 1-ФКЗ „О Конституционном Суде Российской Федерации“ суды при рассмотрении дел после вступления в силу постановления КС РФ (включая дела, производство по которым возбуждено и решения предшествующих судебных инстанций состоялись до вступления в силу этого постановления КС РФ) не вправе применять нормативный акт или отдельные его положения в истолковании, расходящемся с данным КС РФ истолкованием.

Таким образом, судебная коллегия считает необходимым учесть правовые позиции, изложенные в постановлении № 15-П».

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 30.08.21 № 307-ЭС21-8025

В данном деле суд подробно разобрал мотивы поведения сторон и установил злоупотребление правом.

Фабула дела. В деле о банкротстве гражданина оспаривалась цепочка сделок по отчуждению жилой недвижимости. У должника в собственности имелись однокомнатная и четырехкомнатная квартиры. Должник и супруга заключили брачный договор, по условиям которого вся приобретенная на момент заключения договора в период брака недвижимость переходит в единоличную собственность супруги, а имущество, приобретенное после заключения договора, является единоличной собственностью того супруга, на чье имя оно будет приобретено. Впоследствии брак был расторгнут. Четырехкомнатную квартиру гражданин продал третьему лицу, которое вскоре перепродало ее бывшей супруге должника.

Мнение суда первой инстанции. Удовлетворяя заявление финансового управляющего об оспаривании сделки и отклоняя возражения о распространении исполнительского иммунитета на четырехкомнатную квартиру, суд указал, что на момент продажи она не являлась единственной. Должник и члены его семьи обеспечены однокомнатной квартирой, в которой ранее были зарегистрированы супруга и дети; площадь данной квартиры соответствовала учетной норме площади жилого помещения на одного человека в Санкт-Петербурге. Суд также учитывал, что, реализовав квартиру в Солнечном, вырученные денежные средства (за вычетом суммы ипотечного кредита, выплаченного залогодержателю) должник передал супруге, что ею не оспаривалось. В конкурсную массу должника денежные средства от продажи данной квартиры не поступили. В этой связи суд счел недобросовестными действия по регистрации супруги и детей в четырехкомнатной квартире.

Мнение судов апелляционной и кассационной инстанций. Суды отменили определение и отказали в удовлетворении заявления. Суд округа также указал, что мотивы отчуждения должником жилого помещения не имеют правового значения для целей оспаривания сделки.

Мнение ВС РФ. Оставлен в силе судебный акт первой инстанции, поскольку оспариваемые договоры не были направлены на достижение правового результата, предписанного для такого рода сделок законом.

ВС РФ определена отправная точка совершения должником активных действий с четырехкомнатной квартирой и способствовавших ее выводу из конкурсной массы мероприятий — инициация процедуры взыскания кредиторской задолженности банком.

По мнению суда, это одновременно объясняет мотивы поведения сторон и причину, по которой ранее свободная от каких-либо притязаний на протяжении десяти лет четырехкомнатная квартира становится местом регистрации супруги и детей должника (ранее проживавших на протяжении длительного периода времени в однокомнатной квартире и до этого не претендовавших на улучшение жилищных условий за счет имевшихся в собственности должника жилых

помещений), предметом брачного договора, а затем и оспариваемой цепочки сделок.

Действия по смене регистрации супруги и детей должника являлись недобросовестными, совершенными исключительно с целью распространения исполнительского иммунитета на четырехкомнатную квартиру. Брачный договор и последующее расторжение брака супругами также способствовали преследуемой сторонами цели вывода актива на супругу как заинтересованное лицо и дополнительной защите от притязаний кредиторов, открыли возможность (применительно к положениям статьи 31 ЖК РФ) для возможного прекращения права пользования должником однокомнатной квартирой.

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 07.10.21 № 304-ЭС21-9542(1,2)

Фабула дела. Гражданин имел задолженность по уплате налогов и по возврату кредитных средств. В то же время он на своем земельном участке построил дом и поставил его на учет. Далее указанную недвижимость должник подарил своему несовершеннолетнему сыну. После заключения данной сделки и введения процедуры банкротства гражданин и его семья зарегистрировались в подаренном доме.

Мнение судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Дело прошло два круга рассмотрения до кассационной инстанции. При повторном рассмотрении окружным судом вынесено постановление об отказе в удовлетворении заявления финансового управляющего об оспаривании сделки должника. Суд кассационной инстанции не усмотрел в действиях гражданина злоупотребления правом ввиду недоказанности постройки спорного жилого дома только за счет займов. Как указал суд, подаренное должником жилье является для него единственным, защищено исполнительским иммунитетом и оспаривание дарения не приведет к наполнению конкурсной массы.

Мнение ВС РФ. Обособленный спор направлен на новое рассмотрение, поскольку исполнительский иммунитет не предназначен для сохранения за должником принадлежащего ему на праве собственности жилого помещения, если доказано, что ситуация с единственно пригодным для постоянного проживания помещением создана должником со злоупотреблением правом.

ВС РФ указал: «Выводы окружного суда о бесперспективности оспаривания сделки по отчуждению гражданином М. земельного участка и жилого дома основаны на нормах пункта 3 статьи 213.25 Закона о банкротстве, части 1 статьи 446 ГПК РФ и на пункте 4 постановления Пленума ВС РФ от 25.12.18 № 48 „О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан“. Окружной суд, истолковав исполнительский иммунитет как абсолютный запрет на обращение взыскания на единственное жилье, исходил из того, что даже при доказанности

всех пороков сделки возврат земельного участка и дома в конкурсную массу должника невозможен ввиду проживания должника и членов его семьи в спорном доме, являющемся для них единственно пригодным для постоянного проживания помещением.

Однако эти выводы противоречат толкованию института исполнительского иммунитета, данному КС РФ в постановлении № 15-П при оценке конституционности части 1 статьи 446 ГПК РФ.

КС РФ указал, что абзац второй части 1 статьи 446 ГПК РФ не может служить нормативно-правовым основанием безусловного отказа в обращении взыскания на жилые помещения, в нем указанные, если суд считает необоснованным применение исполнительского иммунитета. <...>

Правовая позиция ВС РФ по судебному утверждению условий и порядка предоставления замещающего жилья и прочим практическим вопросам ограничения исполнительского иммунитета к единственному жилью ранее изложена в определении от 26.06.21 № 303-ЭС20-18761, где помимо прочего указано, что для оценки рыночной стоимости жилья, имеющего, по мнению кредиторов, признаки излишнего, необходимо и предпочтительно проведение судебной экспертизы. Кроме того, судебной оценке подлежит стоимость замещающего жилья и издержки конкурсной массы по продаже существующего помещения и покупке необходимого. Выяснение данных обстоятельств имеет значение в том числе и при оспаривании сделок должника для оценки перспективы применения ограничения исполнительского иммунитета».

По данной тематике заслуживает внимания **постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 08.11.21 по делу № А65-27554/2020**, при рассмотрении которого должник добровольно отказался от применения к жилью исполнительского иммунитета.

Фабула дела. Определением арбитражного суда из конкурсной массы гражданина-должника исключено недвижимое имущество — квартира в г. Воркуте, поскольку данное имущество признано единственным пригодным для проживания должника. Должник был не согласен с исключением спорного жилого помещения из конкурсной массы, поскольку постоянным местом жительства должника является г. Казань, в г. Воркуту возвращаться он не планировал. Гражданин отметил, что спорная квартира находится в достаточной отдаленности от места его проживания и необходимость в ней отсутствует. Владение данным имуществом подразумевает несение постоянных расходов (налоговые платежи, коммунальные услуги), которые должник как пенсионер нести не в состоянии. Должник указал, что вопрос об исключении единственного жилья из конкурсной массы должен быть согласован с ним самим и включение данной квартиры в конкурсную массу для реализации на торгах не нарушает права кредиторов и способствует максимальному погашению задолженности.

Мнение судов первой и апелляционной инстанций. Разрешая разногласия, возникшие между финансовым управляющим и должником, в порядке статьи 60 Закона о банкротстве и исключая спорную квартиру из конкурсной массы должника, суды ссылались на положения статьи 446 ГПК РФ и, указав на отсутствие сведений об обременении ипотекой квартиры, расположенной в г. Воркуте, являющейся собственностью должника, пришли к выводу, что указанное жилое помещение обладает исполнительским иммунитетом в силу прямого указания закона.

Мнение суда кассационной инстанции. Судебные акты отменены, в удовлетворении заявления конкурсного управляющего отказано, поскольку установлено, что должник согласен на включение в конкурсную массу и реализацию на торгах спорной квартиры.

Суд указал: «Учитывая наличие возражений должника на исключение спорного имущества из конкурсной массы, принимая во внимание, что волеизъявление должника направлено на пополнение его конкурсной массы, несмотря на те негативные последствия, которые ожидают должника в результате признания его банкротом, и его действия не противоречат целям и задачам процедуры банкротства, у судов отсутствовали основания не согласиться с доводами должника о включении спорного имущества в конкурсную массу».

В свете реализации единственного жилья обращает на себя внимание **постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.11.21 по делу № А60-66150/2019.**

В признании недействительными решений собрания кредиторов гражданина-банкрота об обращении взыскания на единственное жилье должника, не отвечающее принципу разумности (излишняя жилая площадь), отказано, так как не доказано нарушение прав должника и членов его семьи.

Фабула дела. Собранием кредиторов гражданина приняты решения о признании жилого дома предметом роскоши, о его реализации вместе с земельным участком и приобретении семье должника замещающего жилья исходя из санитарных норм жилплощади.

Мнение судов первой и апелляционной инстанций. Суд первой инстанции нарушения прав и законных интересов должника и членов его семьи не установил и признал, что оспариваемые решения собрания кредиторов нормам действующего законодательства не противоречат. В определении указал на то, что сами по себе решения собрания кредиторов, направленные на преодоление отсутствия законодательного регулирования механизма обращения взыскания на единственное жилье должника, не отвечающее принципу разумности (излишняя жилая площадь) в данном конкретном случае, не могут считаться недействительными. Принятие указанных решений на собрании кредиторов в

любом случае предусматривает обращение финансового управляющего в суд с соответствующим процессуальным заявлением, поскольку данный вопрос относится к компетенции суда.

Суд апелляционной инстанции с выводами суда первой инстанции в части отказа в признании недействительными решений собрания кредиторов по двум пунктам повестки дня (о приобретении замещающего жилья и о возложении на финансового управляющего обязанности обратиться в суд с ходатайством об утверждении порядка продажи единственного жилья должника) не согласился, определение суда в указанной части отменил, признал данные решения недействительными.

Апелляционный суд сделал вывод о том, что приобретение должнику замещающего жилья за счет вырученных от продажи жилого дома и земельного участка денежных средств может привести к ущемлению его прав на жилище, поскольку предоставление такого замещающего жилья до момента утраты права собственности на дом гражданину не гарантировано. По мнению суда, оспариваемые решения не предусматривают реального механизма наделения должника иным жильем помимо дома, не учитывают права иных зарегистрированных в нем лиц, в том числе троих несовершеннолетних детей. Порядок предоставления жилья должнику и его семье на период после продажи дома не конкретизирован, не понятны сроки предоставления, не ясно, на каком праве будет предоставлено, когда и каким образом новое жилье поступит в собственность должника.

Мнение суда кассационной инстанции. Судебные акты отменены, спор передан на новое рассмотрение.

Суд указал: «Суды признали принципиальную возможность реализации указанного имущества, в том числе исходя из правовой позиции, изложенной в постановлении № 15-П, однако по существу разногласия между должником и его кредиторами не рассмотрели, не исследовали и не оценили, имеются ли в данном конкретном случае необходимые основания для отказа в применении исполнительского иммунитета к единственному жилью должника, как на этом настаивают кредиторы и против чего возражает должник.

Делая вывод о том, что оспариваемые решения собрания кредиторов о признании жилья роскошным и подлежащим продаже права должника и иных лиц не нарушают, поскольку представляют собой консолидированное мнение кредиторов о допустимом источнике формирования конкурсной массы, суды вместе с тем не учли, что соответствующие решения влекут определенные правовые последствия, в частности предполагают подготовку порядка продажи указанного жилья, разработку механизма предоставления замещающего жилья с последующей передачей указанных вопросов на рассмотрение арбитражного суда, рассматривающего дело о банкротстве.

Представляется, что в силу закона рассмотрению указанных вопросов должно предшествовать разрешение вопроса о том, подлежит ли указанное жилье реализации либо имеются основания для исключения данного имущества из конкурсной массы в соответствии с пунктом 3 статьи 213.25 Закона о банкротстве и абзацем вторым части 1 статьи 446 ГПК РФ. По этому поводу, как уже было отмечено, между кредиторами и должником имеются разногласия, неразрешение данных разногласий оставляет должника в состоянии правовой неопределенности относительно дальнейшей судьбы его жилища.

Признание законными оспариваемых решений собрания кредиторов должника, по сути, означает, что суды с позицией кредиторов согласились и признали реализацию жилья допустимой, в то время как фактические основания для этого не проверены и не установлены, выводы о том, что жилой дом по своим характеристикам явно превышает уровень, достаточный для удовлетворения разумной потребности должника и членов его семьи в жилище, и реализация указанного имущества с учетом всех обстоятельств дела является экономически целесообразной — вырученных средств будет достаточно как для погашения требований кредиторов, так и для приобретения должнику нового жилья, судами не сделаны».

Тенденция 3. Уточнение критериев подозрительности сделок и кредиторской задолженности

Оспаривание сделок в процедурах банкротства является одним из важных механизмов пополнения конкурсной массы. Практика применения соответствующих норм законодательства о банкротстве весьма обширна. Обращаем внимание на следующие позиции ВС РФ по данной тематике.

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 27.09.21 № 306-ЭС19-5887(3)

В данном деле суд обозначил обстоятельства сделки, свидетельствующие о том, что активы проданы с целью их вывода из конкурсной массы:

- заключение сделки в период подозрительности;
- заниженная цена продажи;
- аффилированность сторон сделки;
- условия спорных договоров предоставляют покупателю чрезмерные привилегии (выгодную рассрочку без обеспечения), что возможно только при доверительных отношениях сторон.

Фабула дела. В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) организации (далее — должник) ее конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными шести договоров купли-продажи недвижимого имущества.

Активы переданы по актам приема-передачи, оплата произведена, осуществлена государственная регистрация перехода права собственности, что не оспаривается сторонами.

Мнение суда первой инстанции. Удовлетворяя заявление, суд исходил из реализации должником имущества без какой-либо экономической целесообразности по явно заниженной цене на крайне невыгодных для должника условиях (с предоставлением рассрочки от восьми месяцев до двух лет и без обеспечения до полной оплаты его стоимости). Судом в том числе принято во внимание, что общество создано за десять дней до заключения первого договора купли-продажи, а спустя непродолжительное время после приобретения спорного имущества общество передало его в аренду компании с установлением арендной платы, значительно превышающей стоимость приобретения. Все объекты инженерной инфраструктуры, реализованные должником, сданы в эксплуатацию и зарегистрированы непосредственно перед заключением сделок, то есть являлись новыми.

Суд также установил фактическую аффилированность сторон оспариваемых сделок, отметив, что общество не могло не знать о неплатежеспособности должника на момент заключения спорных договоров.

Мнение судов апелляционной и кассационной инстанций. Отменяя судебный акт суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции, с выводами которого согласился суд округа, счел недоказанным наличие оснований для признания сделок недействительными. При этом судом учтено выявление обществом в процессе эксплуатации инженерных сетей существенных недостатков, в том числе скрытых, что повлекло необходимость ремонта и компенсации обществом соответствующих затрат, произведенных компанией (ликвидация аварийных ситуаций, повлекших значительное разрушение инженерных сетей, повреждение имущества; ежемесячное техническое обслуживание объектов инфраструктуры, сдаваемых в аренду). Суд также указал на отсутствие надлежащих доказательств неравноценности сделок и аффилированности сторон, отметив, что ходатайств о назначении судебной экспертизы с целью определения стоимости отчужденных объектов не заявлялось.

Мнение ВС РФ. Требование удовлетворено, поскольку совокупность установленных обстоятельств спора убедительным образом свидетельствовала в пользу того, что отчуждение имущества было осуществлено по заниженной цене и направлено на вывод активов из конкурсной массы; ответчик не привел доводов о наличии у имущества таких характеристик, которые бы существенно изменяли его стоимость в меньшую сторону.

ВС РФ указал: «На момент заключения договоров должник обладал признаками неплатежеспособности, что установлено судами первой и апелляционной инстанций.

При оценке приведенных конкурсным управляющим доводов значимым является выяснение вопроса о равноценности встречного предоставления по сделкам со стороны покупателя, то есть о соответствии согласованной договором купли-продажи цены имущества его реальной (рыночной) стоимости на момент отчуждения.

Рассматривая вопрос о несоответствии цены отчужденного должником имущества, согласованной с обществом в договорах, его рыночной стоимости, суд первой инстанции принял во внимание, что общество, не осуществляя эксплуатацию объектов инфраструктуры, по мере приобретения имущества передавало его в аренду компании с установлением в договорах аренды стоимости спорных объектов, в несколько раз превышающей стоимость их приобретения. <...>

В ситуации, когда доход от передачи имущества в аренду, полученный в пределах непродолжительного периода после отчуждения имущества, превышает стоимость такого имущества, следует исходить из того, что отчуждение, скорее всего, было осуществлено по заниженной цене.

Судом также установлено, что отчуждение имущества осуществлено в пользу общества, созданного незадолго до заключения оспариваемых сделок и имеющего тот же юридический адрес, что и должник. Кроме этого, договоры от 10.03.17 и 16.10.17 со стороны общества в качестве директора были подписаны Б., который в период с 13.06.13 по 29.06.16 осуществлял полномочия руководителя должника. Помимо этого, аффилированность должника и общества прослеживается через С. (руководителя общества, подписавшего четыре договора об отчуждении недвижимого имущества).

Следует также отметить условия договоров купли-продажи, существенно отличающиеся от обычно применяемых независимыми участниками гражданского оборота (предоставление рассрочки от восьми месяцев до двух лет без обеспечения до полной оплаты стоимости имущества), что, как правило, возможно только при наличии доверительных отношений между продавцом и покупателем.

Совокупность установленных обстоятельств спора и приведенных конкурсным управляющим доводов убедительным образом свидетельствовала в пользу того, что отчуждение имущества, скорее всего, осуществлено по заниженной цене и направлено на вывод активов из конкурсной массы. Бремя их опровержения подлежало переложению на ответчика, настаивавшего на действительности сделок.

В рамках процедуры банкротства сделки должника могут оспариваться как подозрительные — по нормам статьи 61.2 Закона о банкротстве, в том числе как совершенные при неравноценном встречном исполнении обязательств другой

стороной (например, если цена существенно отличается в худшую для должника сторону).

Когда цена сделки должна вызывать подозрение у контрагента? Ответ найдем **в определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 23.12.21 № 305-ЭС21-19707.**

Суд указал, что необъяснимое двукратное или более отличие цены договора от рыночной должно вызывать недоумение или подозрение у любого участника хозяйственного оборота.

Фабула дела. Юридическое лицо (должник) продало гражданину нежилое помещение по цене 123 000 000 рублей.

Как впоследствии установлено судебно-экспертной оценкой, рыночная стоимость спорного помещения на тот период составляла 194 281 404 рубля при нижней границе оценочного диапазона 161 901 170 рублей. То есть разница в цене приобретения и рыночной стоимости составила около 30 процентов.

При совершении сделки покупатель удостоверился на основе выписки из Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) в наличии у продавца права собственности на нежилое помещение, отсутствие на него обременений, а также убедился в одобрении крупной сделки единственным участником общества. Оплата покупки производилась путем открытия покупателем покрытого безотзывного аккредитива на всю цену договора в течение трех дней с даты подписания договора. Обязательство по оплате считалось исполненным только после поступления денежных средств на расчетный счет продавца. Передача помещения осуществлялась только после полной оплаты.

Условия договора об оплате покупки гражданин исполнил, после чего в ЕГРН внесены сведения о покупателе как собственнике нежилого помещения. На эту дату также отсутствовали какие-либо обременения данного объекта недвижимости.

Конкурсный управляющий должника оспорил в суде продажу нежилого помещения, полагая, что сделка совершена в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, в силу чего недействительна по пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, статьям 10, 168 ГК РФ.

Мнение судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда, в удовлетворении заявления отказано в связи с недоказанностью осведомленности покупателя о противоправной цели сделки.

Суд кассационной инстанции отменил судебные акты нижестоящих судов, не согласившись с ними в вопросе о существенности причиненного кредиторам вреда. Это обстоятельство имело определяющее значение для решения вопроса о том, должен ли был покупатель знать о направленности сделки на причинение вреда кредиторам продавца.

Мнение ВС РФ. В удовлетворении требования отказано, так как не представлено доказательств заинтересованности другой стороны сделки по отношению к должнику, ее осведомленности как о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника, так и о противоправности цели сделки, в том числе об ущемлении сделкой интересов кредиторов должника.

ВС РФ указал: «Осведомленность контрагента должника о противоправных целях сделки может доказываться через опровержимые презумпции заинтересованности сторон сделки между собой, знание об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках его неплатежеспособности или недостаточности у него имущества. При решении вопроса об осведомленности об указанных обстоятельствах во внимание принимаются разумность и осмотрительность стороны сделки, требующиеся от нее по условиям оборота (пункт 7 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.10 № 63 „О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“).

Иными словами, суду, по существу, следует оценить добросовестность контрагента должника, сопоставив его поведение с поведением абстрактного среднего участника хозяйственного оборота, действующего в той же обстановке разумно и осмотрительно. Стандарты такого поведения, как правило, задаются судебной практикой на основе исследования обстоятельств конкретного дела и мнений участников спора. Существенное отклонение от стандартов общепринятого поведения подозрительно и в отсутствие убедительных доводов и доказательств о его разумности может указывать на недобросовестность контрагента должника.

В данном случае противоправность поведения самого должника при совершении сделки заявителем кассационной жалобы не оспаривалась. Доводы покупателя в целом сводились к его непричастности к целям должника. <...>

Следует отметить, что покупатель осуществлял сделку с должником через посредника (риелтора), а расчеты — через аккредитив, что несвойственно для оформления сделок по противоправному выводу имущества должников в преддверии их банкротства. К тому же покупатель предпринял обычные меры для проверки юридической чистоты сделки, а убедительных поводов для более углубленной ее проверки не имелось. Покупка оплачена своевременно и в полном объеме. <...>

Судебная коллегия полагает, что критерий кратности превышения цены над рыночной актуален и для настоящего спора. По крайней мере, убедительных доводов, позволивших бы отойти от этих критериев применительно к данному обособленному спору, участниками судебного разбирательства не заявлено. В то же время данный вывод не исключает возможности в иных случаях обосновать

применение более низкого критерия, например если объект продажи широко востребован на рынке, спрос превосходит предложение.

Следует заметить, что закон установил достаточно жесткие последствия сделки, признанной недействительной по пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве: содействие достижению противоправной цели влечет не только возврат покупателем приобретенного им имущества в конкурсную массу должника, но и субординирует требования такого кредитора (пункт 2 статьи 61.6 Закона о банкротстве). В реальных условиях банкротства, когда нередко не погашаются даже требования кредиторов третьей очереди, такие меры по своей экономической сути приближены к конфискационным. В связи с этим осведомленность контрагента должника о противоправных целях последнего должна быть установлена судом с высокой степенью вероятности.

Применение кратного критерия осведомленности значительно повышает такую вероятность, поскольку необъяснимое двукратное или более отличие цены договора от рыночной должно вызывать недоумение или подозрение у любого участника хозяйственного оборота. К тому же кратный критерий нивелирует погрешности, имеющиеся у всякой оценочной методики.

Иной подход (тем более в его жестком варианте, предложенном окружным судом) подвергает участников хозяйственного оборота неоправданным рискам полной потери денежных средств, затраченных на покупку».

При оспаривании сделки важным критерием является наличие на момент ее совершения просроченной кредиторской задолженности. **Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ в определении от 30.08.21 № 305-ЭС19-13080(2,3)** указала на момент возникновения у должника обязательств перед кредитором. Датой причинения вреда кредитору считается дата, когда возникло обязательство по возмещению вреда. На это не влияет срок вступления в силу решения суда, подтверждающего вред. Если требования кредиторов возникли до обжалуемой сделки, то ее можно признать недействительной.

Фабула дела. Должник заключил четыре договора дарения, по условиям которых передал своим дочерям доли в праве собственности на квартиры, жилые дома и земельные участки.

Полагая, что указанные сделки совершены в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов должника, а также ссылаясь на мнимость договоров и злоупотребление правом при их заключении, финансовый управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании данных сделок недействительными.

Мнение судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Разрешая спор, суды исходили из недоказанности наличия у должника признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества на момент совершения сделок и цели причинения вреда кредиторам (статья 61.2 Закона о банкротстве).

Принимая во внимание установленные судом общей юрисдикции обстоятельства (недоказанность мнимости договоров и недобросовестности должника), суды констатировали, что целью совершения сделок являлось обеспечение несовершеннолетних детей жильем в связи с ухудшившимся здоровьем должника.

Суды также указали, что судебные акты о взыскании с должника убытков в пользу ряда кредиторов не могут быть приняты во внимание, поскольку вступили в законную силу после совершения спорных сделок.

Мнение ВС РФ. Требование в части признания недействительными договоров дарения удовлетворено, в остальной части обособленный спор направлен на новое рассмотрение, так как на момент заключения договоров дарения должник должен был осознавать направленность своих действий на причинение вреда имущественным правам кредиторов, при этом ему было известно о наличии задолженности по договору поручительства перед банком.

ВС РФ указал: «Исходя из положений статьи 1064 ГК РФ и разъяснений, данных в пункте 10 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.09 № 63 „О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве“, дата причинения вреда кредитору, за который несет ответственность должник в соответствии со статьей 1064 ГК РФ, признается датой возникновения обязательства по возмещению вреда независимо от того, в какие сроки состоится исчисление размера вреда или вступит в законную силу судебное решение, подтверждающее факт причинения вреда и ответственность должника».

Критерий подозрительности может быть применен и в отношении кредиторской задолженности: **определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 09.11.21 № 305-ЭС21-9462(1,2).**

ВС РФ направил спор о включении в реестр требований кредиторов требования, основанного на уступке права, на новое рассмотрение и рекомендовал суду первой инстанции тщательнее подойти к проверке наличия долга перед обществом: провести экспертизу документации и привлечь эксперта должника к участию в деле как минимум в качестве свидетеля.

Фабула дела. В рамках дела о банкротстве должника общество обратилось с заявлением о включении задолженности по договору соинвестирования в реестр требований кредиторов. Требование было приобретено у гражданина на основании цепочки цессий.

Мнение судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Требование включено в реестр требований кредиторов.

Мнение ВС РФ. Обособленный спор направлен на новое рассмотрение, поскольку судами не проведена экспертиза давности изготовления квитанции к приходному кассовому ордеру, подтверждающей факт передачи должнику (инвестору) денежных средств, и подлинности содержащейся на ней подписи, а

также подлинности подписи соинвестора в дополнительном соглашении к договору и давности его составления, кроме того, не рассмотрен вопрос о привлечении к участию в деле бывшего руководителя должника, обладающего значительным объемом информации о деятельности должника в спорный период.

ВС РФ указал: «В настоящем случае перед судами стоял вопрос о существовании у должника обязательства перед обществом из договора соинвестирования.

Учитывая, что такое состояние имущественной массы должника, как банкротство, характеризуется недостаточностью средств для удовлетворения требований всех кредиторов, разрешая споры о включении требований в реестр, необходимо тщательно проверять наличие и размер задолженности с тем, чтобы денежные средства от реализации конкурсной массы не были направлены лицу, в действительности кредитором не являющемуся.

В подтверждение возникновения долга общество ссылалось на факт передачи М. (соинвестор) должнику денежных средств в наличной форме, в доказательство чего представлена квитанция к приходному кассовому ордеру от 02.10.08.

Совершение платежа в наличной форме является законным способом расчетов (пункт 1 статьи 140 ГК РФ) и само по себе не свидетельствует о подозрительности такой операции, особенно в ситуациях, когда плательщиком выступает физическое лицо.

Вместе с тем в силу особенностей обращения наличных денежных средств достоверная верификация факта совершения такой операции зачастую затруднительна, что может повлечь возникновение у недобросовестных лиц желания сфальсифицировать соответствующие документы. По этой причине судебной практикой по делам о банкротстве выработаны критерии, позволяющие устранить сомнения в факте совершения платежа (в частности, пункт 26 постановления Пленума ВАС РФ № 35).

В частности, в этих целях может быть выяснено финансовое состояние плательщика (позволяло ли оно передать должнику сумму в заявленном размере), проведена экспертиза подлинности и давности подтверждающего платеж документа, выяснены обстоятельства, при которых совершался платеж, и т. д. Суд вправе включить в предмет доказывания любые сведения, которые позволят пролить свет на спорные обстоятельства, устранить имеющиеся у суда убедительные сомнения в реальности операции и принять обоснованное решение.

Однако, разрешая настоящий спор, суд ограничился только затребованием информации о наличии у кредитора (его правопреемника) финансовой возможности оплатить договор соинвестирования. При этом суд привлек к

участию в споре в качестве третьих лиц М. и К. (правопредшественников), то есть лиц, способных подтвердить именно позицию истца. <...>

Приведенные возражения являются убедительными и ставят под сомнение реальность хозяйственной операции по оплате договора, в силу чего они подлежали проверке. Так, суду первой инстанции следовало по существу рассмотреть ходатайство университета о назначении почерковедческой экспертизы, при этом, вопреки выводам суда, отсутствие ходатайства о фальсификации доказательства не препятствует проведению подобной экспертизы. Равным образом, располагая приведенными доводами бывшего руководителя (в отношении которого фактически сделан вывод, что он получал денежные средства от М.), суд апелляционной инстанции должен был рассмотреть его жалобу по существу, поскольку в обратном случае существовал риск нахождения в реестре лица, не являющегося в действительности кредитором. Учитывая наличие у бывшего руководителя значительного объема информации о деятельности должника в спорный период, что помогло бы пролить свет на спорные обстоятельства, он подлежал привлечению к участию в деле, по крайней мере, как минимум в качестве свидетеля.

Приняв доказательства и пояснения третьих лиц только со стороны истца и не проверив по существу контрдоводы возражающих лиц, суды первой и апелляционной инстанций фактически создали ситуацию, при которой процессуальные возможности противоборствующих сторон не были равными, одна из сторон была поставлена в преимущественное положение, что нарушает принципы состязательности и равноправия сторон в арбитражном процессе (статьи 8 и 9 АПК РФ)».

В дополнение к рассмотренным тенденциям также следует учесть следующие позиции ВС РФ, выраженные в принятых в 2021 году судебных актах.

В определении от 06.12.21 № 305-ЭС21-15841 Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ напомнила, что взыскатель может неоднократно предъявлять исполнительный лист к исполнению после его возвращения. Указывать причины этих действий он не должен, злоупотребление отсутствует.

ВС РФ указал, в частности, что «Федеральный закон от 02.10.07 № 229-ФЗ „Об исполнительном производстве“ предоставляет взыскателю право неоднократного предъявления к исполнению исполнительного документа после его возвращения, а также право неоднократного отзыва исполнительного документа после возбуждения исполнительного производства, не требуя при этом от взыскателя указания мотивов своего решения, от которых юридическая судьба совершаемого процессуального действия не зависит.

Неоднократная реализация данного права сама по себе не может быть квалифицирована как злоупотребление правом, о чем ошибочно указано в

обжалуемых судебных актах, каких-либо исключительных обстоятельств для подобного вывода судами не установлено».

В условиях банкротства должника и конкуренции его кредиторов возможны ситуации, когда «дружественный» с должником кредитор инициирует судебный спор по мнимой задолженности с целью получения внешне безупречного судебного акта для включения требований в реестр. Подобные споры характеризуются предоставлением минимально необходимого набора доказательств, пассивностью сторон при опровержении позиций друг друга, признанием сторонами обстоятельств дела или признанием иска и т. п. В связи с тем что интересы «дружественного» кредитора и должника совпадают, их процессуальная деятельность направлена не на установление истины, а на иные цели.

В то же время такими судебными актами могут нарушаться права кредиторов, конкурирующих с «дружественным» должнику и имеющих с ним противоположные интересы и, как следствие, противоположную процессуальную позицию.

Согласно правовой позиции КС РФ, изложенной в пункте 6 постановления от 26.05.11 № 10-П, по смыслу статей 1 (часть 1), 2, 18, 46, 55 (часть 3) и 118 Конституции Российской Федерации, обязывающих Российскую Федерацию как правовое государство к созданию эффективной системы защиты конституционных прав и свобод посредством правосудия, неотъемлемым элементом нормативного содержания права на судебную защиту, имеющего универсальный характер, является право заинтересованных лиц, в том числе не привлеченных к участию в деле, на обращение в суд за защитой своих прав, нарушенных неправосудным судебным решением.

В процессе реализации указанной позиции применительно к рассмотрению дел о несостоятельности Президиумом и Пленумом ВАС РФ разъяснены конкретные правовые механизмы обеспечения права на судебную защиту лиц, не привлеченных к участию в деле, в том числе тех, чьи права и обязанности обжалуемым судебным актом непосредственно не затрагиваются.

К числу таких механизмов относится право конкурсного кредитора и арбитражного управляющего обжаловать судебный акт, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование конкурсного кредитора (пункт 24 постановления Пленума ВАС РФ № 35). Указанный механизм обеспечивает право на справедливое судебное разбирательство в целях наиболее полной его реализации и подразумевает наличие у лица, обращающегося с соответствующей жалобой по делу, в котором оно до этого не принимало участия, права представить новые доказательства и заявить новые доводы в обоснование своей позиции по спору¹.

¹ Более подробно о практике применения данного механизма см.: *Алехтин Ю. В., Кудинова М. С.* Правовые инструменты защиты прав кредитора в деле о банкротстве // Арбитражные споры. 2020. № 4. С. 76–106.

В 2021 году ВС РФ напомнил о праве кредитора оспаривать судебные акты иных лиц, на которых основаны их требования: **определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 13.07.21 № 32-КГ21-12-К1**.

Фабула дела. Общество-кредитор обратилось в кассационный суд общей юрисдикции с жалобой на апелляционное определение, полагая, что данный судебный акт послужил основанием для вынесения арбитражным судом решения о признании должника банкротом, а установленная указанным решением сумма задолженности была включена в реестр требований кредиторов, чем нарушены его права и законные интересы как конкурсного кредитора.

Жалоба оставлена без рассмотрения по существу. Кредитор обратился в ВС РФ за отменой названного судебного акта.

Мнение ВС РФ. Определение отменено, вопрос направлен на новое кассационное рассмотрение, поскольку судом кассационной инстанции не учтено, что на момент подачи кассационной жалобы в кассационный суд общей юрисдикции требования были включены в реестр требований кредиторов должника, заявитель являлся конкурсным кредитором и обладал правом на обжалование судебного акта.

ВС РФ указал: «В Обзоре судебной практики ВС РФ № 3 (2015), утвержденном Президиумом ВС РФ 25 ноября 2015 года, разъяснено, что Закон о банкротстве в пункте 2 статьи 71, пункте 3 статьи 100 наделяет конкурсных кредиторов, уполномоченный орган и арбитражного управляющего правом заявлять возражения относительно требований других кредиторов, предъявленных в деле о банкротстве.

Вместе с тем в соответствии с пунктом 10 статьи 16 Закона о банкротстве разногласия по требованиям кредиторов или уполномоченных органов, подтвержденным вступившим в законную силу решением суда в части их состава и размера, не подлежат рассмотрению арбитражным судом в деле о банкротстве, за исключением разногласий, связанных с исполнением судебных актов или их пересмотром.

Из приведенных норм права и актов их толкования следует, что, если судебным актом суда общей юрисдикции, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование другого кредитора, разрешен вопрос о правах и обязанностях лиц, участвующих в деле о банкротстве, конкурсные кредиторы, уполномоченный орган и арбитражный управляющий вправе обжаловать указанный судебный акт в соответствии с нормами ГПК РФ.

Право оспорить судебный акт, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование, является особым средством защиты, предоставляемым по специальному основанию строго определенному кругу лиц, в том числе конкурсным кредиторам, и подразумевает проверку их доводов, изложенных в апелляционных или кассационных жалобах, по существу в пределах полномочий

соответственно суда апелляционной или кассационной инстанции. То обстоятельство, что процедура банкротства введена в отношении должника после принятия оспариваемого судебного акта, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование, само по себе не лишает другого кредитора права на обжалование этого акта».

Конкурсный кредитор, используя право оспорить чужой судебный акт или обратиться в суд с заявлением о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам определения о включении требований в реестр, должен соблюдать установленные законодательством сроки. Об этом напомнила **Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ в определении от 09.12.21 № 305-ЭС19-23391(13).**

Фабула дела. В рамках дела о банкротстве общества кредитор обратился в арбитражный суд с заявлением о пересмотре определения от 16.11.18 о включении в реестр требования банка по вновь открывшимся обстоятельствам. Вновь открывшимися обстоятельствами заявитель считал факт того, что банк является аффилированным по отношению к должнику, а также контролирующим должника лицом.

Мнение судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда и суда округа, заявление удовлетворено, определение от 16.11.18 отменено по новым обстоятельствам, назначено судебное заседание по рассмотрению вопроса обоснованности требования банка.

Банк обратился в ВС РФ с кассационной жалобой, в которой просил обжалуемые судебные акты отменить.

Мнение ВС РФ. В удовлетворении требования отказано, поскольку установлено, что трехмесячный срок на подачу заявления о пересмотре судебного акта кредитором пропущен.

ВС РФ указал: «Согласно разъяснениям, изложенным в пункте 30 постановления Пленума ВАС РФ № 35, срок для апелляционного и кассационного обжалования кредитором судебного акта по установлению требования другого кредитора исчисляется для него по общим правилам; непредъявление им своего требования в процедуре наблюдения или в ходе иной процедуры до рассмотрения требования другого кредитора само по себе не является достаточным основанием для восстановления пропущенного им срока.

Данное разъяснение применяется в том числе и к заявлениям кредиторов о пересмотре судебных актов, которыми включены требования иных кредиторов, по новым либо вновь открывшимся обстоятельствам.

Приведенное разъяснение основано на принципе состязательности, согласно которому лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий (часть 2 статьи 9 АПК РФ). Применительно к банкротству это означает, что

кредитор, имевший возможность заявить об установлении своего требования в начале процедуры и не воспользовавшийся такой возможностью, несет риск пропуска общих процессуальных сроков при обжаловании (пересмотре) судебных актов по иным обособленным спорам, то есть факт позднего обращения в дело о банкротстве сам по себе не предоставляет ему право требовать продления либо восстановления таких сроков. Это обусловлено также и тем, что подобный кредитор, по сути, действует как представитель гражданско-правового сообщества, объединяющего всех кредиторов в деле о банкротстве, в силу чего сроки исчисляются исходя из осведомленности такого сообщества.

Соответственно, суды при выяснении того, когда кредитор обратился с заявлением об установлении своего требования, ознакомился с материалами дела и спустя какое время направил заявление о пересмотре определения от 16.11.18, фактически исследовали обстоятельства его субъективной осведомленности, которые не имеют значения для правильного разрешения спора.

При установлении того, соблюден ли кредитором трехмесячный срок, предусмотренный частью 1 статьи 312 АПК РФ, необходимо было принять во внимание, когда кредитор, вовремя заявивший свои требования в деле о банкротстве, должен был узнать об обстоятельствах, подтвержденных судебными актами, на которые ссылался кредитор. Среди прочего он отмечал, что аффилированность должника с банком подтверждается определениями от 05.02.19 и от 12.02.19, вынесенными по настоящему делу. Следовательно, с учетом факта возбуждения дела о банкротстве и введения наблюдения в 2018 году кредитор, вовремя предъявивший свое требование к должнику, имел возможность узнать о фактах, подтвержденных определениями от 05.02.19 и от 12.02.19, по крайней мере, не позднее даты их вынесения.

Поскольку кредитор обратился в суд только 11.06.20, трехмесячный срок на подачу заявления о пересмотре им очевидно пропущен, в силу чего оснований для пересмотра и отмены определения от 16.11.18 у судов не имелось».

Еще одним механизмом защиты прав кредиторов, о котором более подробно можно прочитать в статье Ю. В. Апухтина и М. С. Кудиновой «Правовые инструменты защиты прав кредитора в деле о банкротстве»², является отстранение арбитражного управляющего.

² Апухтин Ю. В., Кудинова М. С. Указ. соч.

Интересной в данном контексте представляется позиция **Арбитражного суда Уральского округа**, изложенная в **постановлении от 13.12.21 по делу № А71-18190/2017**.

Фабула дела. В арбитражный суд обратился конкурсный кредитор общества с жалобой на действия (бездействие) конкурсного управляющего, выразившиеся в игнорировании требования, непредоставлении кредитору запрашиваемых

документов, указанных в требовании, а также в обращении в арбитражный суд с заявлением об оспаривании сделок должника. Также кредитор просил отстранить конкурсного управляющего от исполнения обязанностей.

Мнение судов первой и апелляционной инстанций. В удовлетворении жалобы кредитора на действия (бездействие) конкурсного управляющего и ходатайства об отстранении его от исполнения обязанностей конкурсного управляющего отказано.

Мнение суда кассационной инстанции. Судебные акты отменены, обособленный спор передан на новое рассмотрение, так как не выяснено, свидетельствует ли неоспаривание сделок о недобросовестности управляющего или же управляющий проанализировал деятельность должника за соответствующий период и не нашел оснований для обращения в суд.

Суд указал: «Вместе с тем судами не учтено, что прежде всего арбитражный управляющий как профессиональный участник антикризисных отношений, которому доверено текущее руководство процедурой банкротства, а не кредиторы должника, планирует и реализует меры, направленные на пополнение конкурсной массы (в частности, с использованием механизмов оспаривания сделок должника).

Суды не учли, что законодательство о банкротстве, определяя круг обязанностей конкурсного управляющего, не допускает возможность принятия им произвольных и немотивированных управленческих решений в отношении оспаривания сделок. Независимый характер деятельности арбитражного управляющего (абзац второй пункта 2 статьи 20.2 Закона о банкротстве) не предполагает наличие у него самостоятельного интереса в исходе дела о банкротстве. Управляющий действует в интересах гражданского правового сообщества, объединяющего кредиторов, и должника, поэтому он не может уклониться от анализа сделок и обстоятельств их совершения вместе с фактами, сообщаемыми кредитором. <...>

...дополнительного выяснения требуют мотивы и причины отказа управляющего от предоставления кредитору документов и сведений по сделкам; необходимо выяснить, свидетельствует ли неоспаривание соответствующих названных в запросе кредитора, адресованного управляющему, и в его заявлении в суд сделок о недобросовестности управляющего, продиктованной нежеланием действовать вразрез с интересами ликвидатора, который от лица общества-должника и заключал спорные договоры, или же управляющий действительно проанализировал полностью и всесторонне хозяйственную деятельность должника за предшествующий возбуждению дела о банкротстве период и не нашел оснований для подачи соответствующего заявления в суд, при этом судам необходимо установить, в каком из документов, представленных управляющим в суд и надлежащим образом раскрытых перед конкурсными кредиторами должника, отражены результаты анализа сделок».

Суд делает вывод о том, что при решении вопроса об утверждении, отстранении арбитражного управляющего следует исключить несоответствие интересов между ним, с одной стороны, и должником и/или кредиторами, с другой стороны.

Вопрос об ответственности арбитражного управляющего рассмотрен и **в определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 27.12.21 № 302-ЭС17-11347(10)**, в котором суд допустил отстранение управляющего, не зарезервировавшего средства от продажи залогового имущества в счет требований ФНС, которые в тот момент еще не были включены в реестр требований кредиторов.

Фабула дела. В период рассмотрения требования уполномоченного органа проводились торги по реализации части имущества компании, в ходе которых залоговый кредитор принял решение об оставлении данного имущества за собой, перечислив на специальный счет должника денежные средства. Параллельно с этим конкурсный управляющий оспаривал решение о привлечении компании к ответственности за совершение налогового правонарушения, на котором было основано требование ФНС.

Конкурсный управляющий, не дожидаясь рассмотрения вопроса об обоснованности требования налогового органа второй очереди, вернул денежные средства залоговому кредитору.

Мнение судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. В удовлетворении жалобы ФНС на действия конкурсного управляющего отказано. Суды исходили из того, что на момент распределения выручки от реализации заложенного имущества не был принят судебный акт о включении требований уполномоченного органа в реестр требований кредиторов компании. Статьей 138 Закона о банкротстве не предусмотрена возможность резервирования денежных средств, а положения пункта 6 статьи 142 названного закона не применимы к процедуре расчетов за счет выручки от реализации заложенного имущества. Кроме того, суды констатировали, что конкурсное производство в отношении компании не завершено, а потому не утрачена возможность удовлетворения требований ФНС, относящихся ко второй очереди, за счет иного имущества.

Мнение ВС РФ. Дело в части направлено на новое рассмотрение, поскольку не установлено, действовал ли конкурсный управляющий в ситуации правовой неопределенности в отношениях, связанных с порядком расчетов при реализации заложенного имущества, в том числе по причине отсутствия единообразия в применении законодательства, добросовестно и разумно.

ВС РФ указал: «Порядок расчетов с кредиторами за счет средств, вырученных от реализации имущества, заложенного в обеспечение требования конкурсного кредитора по кредитному договору, урегулирован пунктами 2 и 2.1 статьи 138 Закона о банкротстве. Так, в соответствии с пунктом 2 статьи 138

Закона о банкротстве из суммы выручки от реализации предмета залога 80 процентов направляется на погашение требований залогового кредитора, 15 процентов — на погашение требований кредиторов первой и второй очереди (при недостаточности иного имущества должника для погашения этих требований), оставшиеся 5 процентов — на погашение названных в законе видов текущих платежей.

Статья 138 Закона о банкротстве не содержит каких-либо специальных норм, закрепляющих правила поведения на случай, когда на момент начала распределения выручки имеются неразрешенные в установленном порядке разногласия по заявленному требованию кредитора первой или второй очереди, что позволяет применять к таким отношениям общие положения пункта 6 статьи 142 Закона о банкротстве: в этом случае конкурсный управляющий обязан зарезервировать денежные средства в размере, достаточном для пропорционального удовлетворения спорного требования кредитора.

Вывод судов об обратном ошибочен. Статья 138 Закона о банкротстве не является специальной по отношению к пункту 6 статьи 142 названного закона, поскольку она не признает условия общей нормы неприменимыми, не содержит положений, отличных от тех, что закреплены в общей норме, не дополняет и не детализирует общую норму.

Кроме того, согласно пункту 2 статьи 138 Закона о банкротстве 15 процентов выручки расходуется на погашение требований кредиторов первой и второй очереди лишь при недостаточности незаложенного имущества должника для их погашения. При этом в банкротстве цена незаложенного имущества должна формироваться на торгах исходя из объективно действующих рыночных механизмов, на основе спроса и предложения. Эта цена обладает большей точностью по сравнению с ценой, определенной оценщиком, которая, несмотря на наличие экономических оснований, образует условную величину. Поэтому, если иное явно не следует из обстоятельств дела, до момента фактической реализации незаложенного имущества вопрос о том, хватит ли этого имущества для проведения расчетов с кредиторами первой и второй очереди, не всегда может быть разрешен с высокой степенью достоверности. В таком случае посредством резервирования 15 процентов выручки от реализации заложенного имущества до момента устранения неопределенности относительно действительной цены незаложенного имущества достигается баланс прав залоговых кредиторов и кредиторов первой и второй очереди: первые приобретают реальную возможность получить залоговое приоритетное удовлетворение за счет резерва, если имевшиеся к моменту продажи предмета залога требования кредиторов первой и второй очереди впоследствии будут погашены за счет незаложенного имущества, последние — подлинными гарантиями удовлетворения в пределах суммы резерва на случаи изменения конъюнктуры

рынка (падения спроса на незаложенное имущество), несовпадения предварительной оценки с ценой заключенной на торгах сделки и т. п.

В рассматриваемом случае суждение судов о том, что имеется возможность удовлетворения требований ФНС, относящихся ко второй очереди, за счет иного имущества компании, основано на предположении, не подкрепленном ссылками на какие-либо объективные данные. Соответствующие доказательства не исследовались и не оценивались судами. Сам управляющий, направив часть 15-процентной суммы на погашение требований кредиторов первой и второй очереди, включенных в реестр по состоянию на 02.03.18, подтвердил недостаточность незаложенного имущества для расчетов с такого рода кредиторами».

О сроках привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности указано **в определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 14.12.21 № 305-ЭС21-13497.**

ВС РФ признал, что арбитражный управляющий может быть привлечен к административной ответственности за неправомерные действия, совершенные во время процедуры банкротства, но не после ее окончания.

Фабула дела. Процедура конкурсного производства в отношении должника прекращена в связи с отказом единственного кредитора от требований. После чего арбитражный управляющий, уже не являясь конкурсным управляющим должника и не имея соответствующих полномочий, незаконно провел собрание кредиторов, допустив к голосованию по вопросам повестки дня лиц, не обладающих правом голоса.

Должник обратился в административный орган с жалобой на действия своего бывшего конкурсного управляющего. Административный орган составил протокол и обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении управляющего к административной ответственности, предусмотренной частью 3.1 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ).

Мнение судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Удовлетворяя заявленные требования и привлекая управляющего к административной ответственности по части 3.1 статьи 14.13 КоАП РФ, суды пришли к выводу о том, что он допустил нарушения статьи 52, пункта 2 статьи 127, пункта 1 статьи 129 Закона о банкротстве.

Мнение ВС РФ. В удовлетворении требования отказано, поскольку неисполнение (ненадлежащее исполнение) арбитражным управляющим обязанностей, установленных Законом о банкротстве, обязательность исполнения которых предусмотрена названным законом в рамках дела о банкротстве должника, в том числе после завершения конкурсного производства, конкурсному управляющему не вменяется.

ВС РФ указал: «Обязанности арбитражного управляющего определены Законом о банкротстве, положения которого предусматривают привлечение арбитражного управляющего в дело о банкротстве должника для проведения соответствующих процедур банкротства.

Таким образом, для определения арбитражного управляющего как субъекта ответственности в рассматриваемом случае значение имеет не факт нахождения арбитражного управляющего в реестре арбитражных управляющих, а неисполнение арбитражным управляющим обязанностей (в том числе ненадлежащее исполнение обязанностей) в период процедуры банкротства конкретного должника».

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Частичная недействительность сделок должника как российская альтернатива обязательственному оспариванию

Чернов Григорий Александрович

Частнопрактикующий юрист

В статье рассматривается возможность применения правил о недействительности части сделки (статья 180 Гражданского кодекса Российской Федерации) при оспаривании сделок должника в делах о банкротстве, а также при внеконкурсном оспаривании. Автор исследует разные варианты понимания части сделки для целей признания ее недействительной и приходит к выводу, что традиционное для России понимание части сделки может достигать тех же целей, что и не предусмотренная действующим позитивным правом для случаев конкурсного и внеконкурсного оспаривания относительная недействительность сделок, подтверждением чему служат приведенные примеры из судебной практики.

Ключевые слова: часть сделки, недействительность части сделки, относительная недействительность, оспаривание сделок должника, обязательственный и вещный эффект оспаривания сделок.

В последнее время часто говорят о необходимости введения в конкурсное и внеконкурсное оспаривание сделок должника так называемой относительной недействительности¹, имеющей, в отличие от абсолютной, которая предусмотрена действующим законом в качестве единственного варианта, лишь обязательственный эффект в противовес вещному, разрушающему сделку полностью и отменяющему ее последствия для всех участников оборота. При обязательственном оспаривании сделки должны терять силу лишь в отношении отдельного кредитора (при внеконкурсном оспаривании) или конкурсной массы (при конкурсном оспаривании)².

¹ Д. М. Генкин не согласен с мнением, согласно которому «так называемые относительно недействительные сделки» недействительны для одних лиц (например, кредиторов, права которых они нарушают) и действительны для всех остальных. Он полагает такие сделки действительными, а право кредитора оспаривать их — принципиально другим явлением, «особым параллельным действием» лишь с похожим, привычным названием, которое дает право уничтожать не саму сделку, а только ее результаты. При этом, признавая преимущественно обязательственный характер такого способа защиты, он

указывает, что для конкурсного оспаривания недействительность сделок может носить и абсолютный (вещный) характер. См. об этом: *Генкин Д. М.* Относительная недействительность сделок // Вестник гражданского права. 2014. № 4 [Доступно в СПС «КонсультантПлюс»].

² *Гримм Д. Д.* Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам (по поводу законопроекта, внесенного в Государственную Думу) // Вестник гражданского права. 2010. № 4 [Доступно в СПС «КонсультантПлюс»].

Такое оспаривание в большинстве случаев должно приводить к восстановлению конкурсной массы (возмещению отдельному кредитору) лишь в пределах обогащения контрагента по сделке³, безусловно, не превышая при этом общий размер кредиторских требований.

³ Там же.

По сути, это означает отказ от предусмотренной законом полной двусторонней реституции при констатации недействительности сделки, по крайней мере, для конкурсной массы или отдельного кредитора.

В каком-то смысле наиболее похожей на это является компенсационная реституция (пункт 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации; далее — ГК РФ): в качестве общего правила предусмотрено возмещение стоимости полученного по недействительной сделке в деньгах, однако лишь в случае невозможности возврата вещи в натуре, при этом правило о полном возмещении сохраняется.

Неприятная для контрагента должника особенность применения реституции в банкротстве состоит в том, что он должен вернуть полученное по сделке в конкурсную массу, а вернуть свое предоставление может только посредством включения требования в реестр (если требование мораторное, разумеется), то есть с большой долей вероятности не получить ничего, даже если очередность требования не понижается по пункту 2 статьи 61.6 Федерального закона от 26.10.02 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Такого же исхода можно часто ожидать и в случаях, когда требование текущее.

Примечательно, что история знает другое решение подобного вопроса: при конкурсном оспаривании даже недобросовестный приобретатель по сделке мог требовать возврата эквивалента своего предоставления должнику, пока оно еще находилось у последнего⁴.

⁴ Там же.

Действующий закон, казалось бы, подобных вариантов не предусматривает. Для введения обязательственного оспаривания нужны радикальные изменения,

ломающие существующие представления российских юристов о недействительности сделок.

Можно ли сохранить баланс между интересами кредиторов и стороной недействительной сделки, используя существующие институты, например недействительность части сделки (статья 180 ГК РФ)?

Для этого надо выяснить, что же понимается под частью сделки в свете статьи 180 ГК РФ.

Два понимания части сделки для целей недействительности

1. Часть сделки — самостоятельная сделка, например соглашение об обеспечении, но никак не отдельное ее условие, например о цене⁵.

⁵ *Скловский К. И.* Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. М.: Статут, 2019 (комментарий к статье 180 ГК РФ) [Доступно в СПС «КонсультантПлюс»].

Аналогичный подход встречается и в немецкой доктрине, в которой одним из условий недействительности части сделки является делимость сделки: единая сделка должна быть способной к разделению на действительную и недействительную части таким образом, чтобы оставшаяся после исключения недействительного элемента часть сделки являлась самостоятельной сделкой⁶.

⁶ *Новицкая А. А.* Недействительность части сделки: сравнительно-правовой анализ российского и немецкого правового регулирования // Вестник гражданского права. 2011. № 1 [Доступно в СПС «КонсультантПлюс»].

Этот подход выглядит обоснованным. При таком, правильном, понимании части сделки мы не можем говорить о недействительности договора в части превышения его цены над суммой X, платежа в части превышения его над суммой X. Такую частичную недействительность сложно было бы отделить от изменения условий договора по пункту 2 статьи 450 ГК РФ, права требовать которого у кредиторов нет. Более того, такой подход противоречит пункту 100 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.15 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», поскольку в результате сторонам со ссылкой на недействительность части договора фактически «будет навязан договор, который они не намеревались заключать».

Однако такой правильный подход не позволяет смягчить несправедливость последствий недействительности сделок должника для другого их участника.

Более того, для российской традиции характерно более широкое, «неправильное» понимание части сделки.

2. Часть сделки — условие сделки.

В комментарии к статье 37 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года, формулировка которой аналогична статье 180 ГК РФ, под частью сделки понималось в первую очередь условие сделки и лишь во вторую — самостоятельная сделка⁷.

⁷ *Перетерский И. С.* Гражданский кодекс РСФСР. Научный комментарий. Вып. 5: Сделки. Договоры. М.: Юриздат НКЮ РСФСР, 1929. С. 33. Приводится по: *Новицкая А. А.* Указ. соч.

В комментарии к статье 60 Гражданского кодекса РСФСР 1964 года, содержание которой полностью идентично статье 180 ГК РФ, приводятся примеры применения этой нормы, в которых суд признает договоры недействительными в части условия о цене, а именно в части превышения ее над государственными расценками⁸.

⁸ Комментарий к ГК РСФСР / Под ред. Е. А. Флейшиц, О. С. Иоффе. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юридлит, 1970. С. 89. Приводится по: *Новицкая А. А.* Указ. соч.

Отождествление части сделки с ее условием характерно для дореволюционных и современных авторов⁹.

⁹ *Новицкая А. А.* Указ. соч.

Именно такое понимание, как показывают дальнейшие примеры, может помочь преодолению несправедливости реституции при конкурсном оспаривании.

Примеры недействительности части сделки в банкротстве

Оспаривание платежей с предпочтением. В абзаце шестом пункта 29.3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.10 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“» (в редакции от 30.07.13) указано: «При оспаривании полученного залоговым кредитором платежа суд признает его недействительным только **в части**, соответствующей размеру обязательств, погашенных с предпочтением».

Согласно пункту 29.4 того же постановления суд признает платеж, «размер которого существенно превышает разницу между стоимостью конкурсной массы и общим размером требований кредиторов... недействительным только **в части** суммы, равной такой разнице».

Эти случаи так похожи на «другую недействительность» и «другую реституцию», что некоторые авторы называют их отходом от реституционного механизма¹⁰ или даже прямо отождествляют с обязательственным оспариванием, которое неизвестно закону¹¹.

¹⁰ Суворов Е. Д. Банкротство в практике нового Верховного Суда РФ за первый год работы (2014–2015): акты и комментарии. М.: Статут, 2016 (комментарий к определению Верховного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2014 г. № 305-ЭС14-1204) [Доступно в СПС «КонсультантПлюс»].

¹¹ Егоров А. В. Последствия недействительности сделки при банкротстве. [URL: <https://lexorium.com/news/posledstviya-nedeystvitelnosti-sdelki-pri-bankrotstve.html>; дата обращения 25.12.21].

Однако, исходя из используемой формулировки «признать недействительным в части», несмотря на отсутствие ссылки на статью 180 ГК РФ, речь идет не о недействительности платежа в целом (для конкурсной массы) и применении реституции в соответствующей части, как это должно быть при обязательственном оспаривании, а именно о частичной недействительности платежа (сделки) и применении реституции только в отношении этой недействительной части. Представляется, что Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации не вышел здесь за рамки конструкции недействительности части сделки.

Оспаривание алиментного соглашения. Верховный Суд Российской Федерации допустил признание его недействительным в части превышения размера содержания над «разумно достаточными потребностями ребенка в материальном содержании, но в любом случае с сохранением в силе соглашения в той части, которая была бы взыскана при установлении алиментов в судебном порядке» (*определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.10.17 № 310-ЭС17-9405(1,2)*). Ссылки на статью 180 ГК РФ судебный акт не содержит. По сути, речь идет об изменении судом условия соглашения о размере алиментов (изменении договора), что укладывается в традиционное для России понимание недействительности части (условия) сделки.

Признание неэквивалентных сделок недействительными в части превышения цены над рыночной (также изменяется условие о цене договора):

а) договора приобретения товара должником по завышенной цене. В соответствующем деле конкурсный управляющий изначально просил признать недействительным договор лишь в части превышения цены над рыночной (*постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.06.19 и отказное определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.02.20 № 306-ЭС16-9481(10) по делу № А55-16709/2015*). Ссылки на статью 180 ГК РФ судебный акт не содержит. Видимо, в качестве хоть какого-то обоснования есть совсем неподходящая ссылка на пункт 55 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.16 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», который предписывает применять правила о кондикции при явной неравноценности встречных предоставлений по недействительной сделке. Примечательно, что абзац шестой пункта 29.5 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.10 № 63 содержит указания о том, как применять реституцию, если должник по недействительной сделке не продал, а купил вещь и она по-прежнему находится у него, однако суд в данном деле им не последовал;

б) договора аренды (должник — арендатор) с завышенной арендной платой:

— *определение Арбитражного суда Пермского края от 06.07.16 по делу о банкротстве ООО «Нооген» № А50-9877/2014*. Ссылки на статью 180 ГК РФ определение не содержит, требование также изначально было заявлено о признании договора недействительным в части превышения арендной платы над ее рыночным размером. Примечательно, что в данном деле речь шла об арендной плате, которая относилась к текущим платежам. Представляется, что в этом случае суд, признав сделку недействительной полностью, мог применить реституцию в виде взыскания соответствующей разницы, как раз сославшись на правила о кондикции;

— *определение Арбитражного суда Пермского края от 20.12.17 по делу о банкротстве АО «ЭТК» № А50-30709/2015*. Управляющий также заявил требование признать недействительным «в части превышения», при этом просьба о применении последствий недействительности не заявлялась (видимо, целью было исключение требования из реестра). Ссылки на статью 180 ГК РФ нет;

в) договора на оказание юридических услуг должнику. Суд признал недействительными по пункту 1 статьи 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» пункты договора в редакции дополнительного соглашения, которое увеличивало размер вознаграждения (*постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.06.18 по делу № А56-77216/2015*). С контрагента по сделке в порядке применения последствий недействительности сделки взыскана сумма, полученная сверх первоначально

установленных расценок. Это единственный судебный акт, который содержит ссылку на статью 180 ГК РФ.

В то же время надо учитывать, что в приведенных примерах заявитель сам просил признать неэквивалентную сделку «недействительной в части превышения». В случае же заявления «правильных» требований есть примеры, когда попытки ограничиться взысканием со стороны сделки лишь разницы между уплаченным и рыночной ценой имущества были пресечены Верховным Судом Российской Федерации (*определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.15 № 303-ЭС15-11427(1)*).

Выводы

Приведенные примеры показывают, что правоприменительная практика, ощущая необходимость более сбалансированного подхода к реституции при конкурсном оспаривании, нашла практически полноценный аналог обязательственному оспариванию и относительной недействительности в виде института недействительности части сделки, причем, возможно, неосознанно, поскольку только один из приведенных примеров содержит ссылку на статью 180 ГК РФ.

Правоприменительная практика нашла практически полноценный аналог обязательственному оспариванию и относительной недействительности в виде института недействительности части сделки

Это стало возможным благодаря тому, что в отечественной доктрине, в отличие от немецкой, под частью сделки понимается не только самостоятельная сделка или, по крайней мере, такая ее часть, без которой остальная часть не потеряет свойств сделки, но и отдельное условие сделки, которое может быть изменено путем оспаривания его как части сделки.

Актуальные вопросы надлежащего оказания юридических услуг в практике арбитражных судов Северо-Западного округа

Яковлев Юрий Юрьевич

Адвокат

Исследование посвящено теме надлежащего оказания юридических услуг. Оно состоит из анализа судебной практики и доктринальных подходов по теме надлежащего поведения заказчика и исполнителя и описания таких проблем, как предмет договора оказания юридических услуг, составление акта об оказанных услугах, нарушение юристами норм права при оказании юридических услуг.

Ключевые слова: качество юридических услуг, договор оказания юридических услуг, нарушения юристов.

В настоящей статье дается некоторый анализ доктринальных подходов и судебной практики, складывающейся в Северо-Западном округе, по вопросу надлежащего исполнения договора оказания юридических услуг.

Необходимость законодательного регулирования сферы услуг и создания стабильной правоприменительной практики связана с тем, что сектор услуг играет ведущую роль в мировой экономике и развивается наиболее динамично. В развитых странах доля услуг в ВВП достигает 65–75%, а в занятости — свыше 70%¹, при этом исследования подтверждают рост оборота рынка юридических услуг в России².

¹ Экономическая и социальная география России: география отраслей народного хозяйства России / Под ред. В. Л. Бабурина, М. П. Ратановой. М.: Либроком, 2013.

² URL: www.prnews.ru/topic/analiz-rynka-uridiceskih-uslug-v-rossii.

Следует отметить, что Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) впервые в истории отечественного законодательства выделил отдельным видом договоров возмездное оказание услуг. В дореволюционном законодательстве наиболее близким аналогом был договор личного найма, однако он связывал заказчика непосредственно с личностью исполнителя, а не с услугой как таковой³. В советское время термин «услуги» упоминался в гражданских кодексах, но отдельная глава так и не была реализована, хотя Е. Д. Шешениным был подготовлен проект главы «Услуги», который выделял ключевые особенности данного вида договоров и включал семь статей. Эту главу

ученый предложил включить в Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик и республиканские гражданские кодексы⁴.

³ Гражданское Уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения. СПб., 1905.

⁴ *Шешенин Е. Д.* Обязательства по оказанию услуг. Екатеринбург, 1980.

Несмотря на наличие отдельной главы, посвященной возмездному оказанию услуг, остаются и неурегулированные вопросы. В частности, настоящее исследование связано с проблемой отсутствия в законодательстве обязательных требований для оценки надлежащего оказания юридических услуг.

Для решения указанной проблемы предлагается в целях оценки надлежащего оказания юридических услуг устанавливать:

- 1) соответствие действий сторон договора предмету договора возмездного оказания услуг;
- 2) наличие подписанного сторонами акта об оказанных услугах или причины его неподписания;
- 3) соответствие критериям надлежащего оказания услуг, выработанным доктриной и судебной практикой.

Настоящее исследование связано с проблемой отсутствия в законодательстве обязательных требований для оценки надлежащего оказания юридических услуг

На ненадлежащее оказание юридических услуг в судебной практике указывается как при недобросовестности исполнителя, оказывающего услуги ненадлежащим образом, так и при недобросовестности заказчика, не оплачивающего услуги и необоснованно ссылающегося на их ненадлежащее исполнение, поэтому в настоящей статье исследуются правоотношения с точки зрения защиты прав и законных интересов каждой из сторон договора оказания юридических услуг.

Предмет договора оказания юридических услуг

В соответствии с пунктом 1 статьи 779 ГК РФ по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги.

Однако само легальное определение услуги отсутствует в ГК РФ, также отсутствует и единое доктринальное определение услуги⁵.

⁵ Корнеева О. Н. Развитие договорной модели возмездного оказания услуг // Общество и право. 2009. № 5.

В итоге понятие «услуга» в российском праве имеет размытые границы, обладая множеством смысловых оттенков. «Дифференциальная» концепция понятия «услуга» предполагает издание специальных законов в отдельных отраслях сферы обслуживания⁶. В сфере юридических услуг такой специальный закон отсутствует.

⁶ Пучков Е. А. Правовое регулирование договора возмездного оказания услуг. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

В подобной ситуации для определения предмета договора оказания юридических услуг в целях установления их надлежащего качества суды ссылаются на постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.01.07 № 1-П, где указано следующее: «Определяя исчерпывающим образом такое существенное условие договора, как его предмет, федеральный законодатель не включил в понятие предмета договора возмездного оказания услуг достижение результата, ради которого он заключается. Выделение в качестве предмета данного договора совершения определенных действий или осуществления определенной деятельности обусловлено тем, что даже в рамках одного вида услуг результат, ради которого заключается договор, в каждом конкретном случае не всегда достижим, в том числе в силу объективных причин. Следовательно, заключая договор возмездного оказания услуг, стороны, будучи свободны в определении цены договора, сроков его исполнения, порядка и размера оплаты, вместе с тем не вправе изменять императивное требование закона о предмете данного договора».

Такого же взгляда придерживаются ученые-цивилисты. В частности, подобную трактовку отстаивал О. С. Иоффе, который подчеркивал, что в договоре об оказании услуг указывается деятельность, которая не обязательно должна иметь материализованное воплощение⁷.

⁷ Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975.

В развитие указанных позиций суды делают выводы о невозможности оценивать надлежащее качество оказанных юридических услуг в зависимости от решения суда в пользу заказчика как результата деятельности исполнителя.

Не допускается неоплата оказанных услуг в связи с решением суда не в пользу заказчика.

... Решение суда не в пользу доверителя не является доказательством ненадлежащего оказания услуг, если доказан объем оказанных услуг и договором оплата не поставлена в зависимость от судебного решения (*постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.04.19 по делу № А56-102230/2018*).

... Заказчик в любое время мог проверять ход выполнения поручения обществом (исполнитель), более того — оговорить необходимые сроки производства тех или иных действий. Кроме того, как мотивированно указал суд первой инстанции, наличие спора определяло неоднозначный характер обязательственных правоотношений.

Оценив представленные доказательства на предмет их относимости, допустимости и достаточности в соответствии со статьями 67, 68, 71 и главой 29 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, арбитражный суд первой инстанции счел неподтвержденной вину ответчика в отрицательном результате иска в деле № А56-14468/2017.

Заявленные истцом убытки в размере цены иска по делу № А56-14468/2017 в сумме 118 574 рублей 50 копеек, а также 5140 рублей государственной пошлины и 20 000 рублей расходов на представителя не могут быть возложены на ответчика, поскольку в рамках договора об оказании юридических услуг последний выступал в качестве исполнителя услуги, а инициатором подачи в суд иска выступал сам истец. Таким образом, истец реализовал свое право на судебную защиту и в целях представления своих интересов в суде обратился к обществу. Риск выбора контрагента по общему правилу абзаца третьего пункта 1 статьи 2 ГК РФ лежит на субъекте предпринимательской деятельности. Во взыскании с исполнителя уплаченных денежных средств отказано (*постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.06.18 по делу № А56-107084/2017*).

... Отсутствие решения в пользу доверителя — не основание для неоплаты, неустойка подлежит снижению, так как превышает сумму взыскания (*постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.07.17 по делу № А21-6960/2016*).

... То обстоятельство, что сам по себе результат оказания услуг не устраивает заказчика, не свидетельствует о некачественном их оказании, поскольку любой судебный процесс основан на нормах состязательности и его результат не может ставиться в зависимость исключительно от воли сторон

(постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.10.14 по делу № А05-3130/2014).

Не допускается неоплата оказанных услуг в связи с решением суда только частично в пользу заказчика.

... Если решение суда вынесено только частично в пользу заказчика, то это не является ненадлежащим оказанием услуг, если доказан объем оказанных услуг и договором оплата не поставлена в зависимость от судебного решения. При этом условиями дополнительного соглашения подтверждается, что для ответчика в результате услуг исполнителя на 28,8 процента была снижена стоимость выполненных третьим лицом работ: со 143 616 670 рублей 35 копеек (сумма исковых требований) до 102 294 748 рублей 65 копеек (постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.04.19 по делу № А56-102230/2018).

Не допускается неоплата оказанных услуг в связи с неисполнением решения суда в пользу заказчика.

... Доводы заказчика о том, что задолженность, для взыскания которой оказывались услуги, не погашена, а акты не содержат конкретного перечня услуг, не принимаются судом. Услуги подлежат оплате в полном объеме (постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.12.18 по делу № А56-79586/2018).

При определении предмета договора в интересах сторон наиболее полно и конкретно отразить требования к услугам исполнителя. Неопределенность и возможность дальнейшего расширительного толкования в чью-либо пользу предмета договора часто создается уже на этой стадии, что препятствует в дальнейшем защите судами интересов добросовестной стороны.

Ученые считают, что гарантии качества результата по договору возмездного оказания услуг можно разделить на две основные категории: законные и договорные, то есть вытекающие из заключенного между сторонами договора⁸.

⁸ Сфера услуг: гражданско-правовое регулирование: Сб. ст. / Под ред. Л. В. Санниковой, Е. А. Суханова. М., 2011.

Соответственно, отсутствие в законодательстве обязательных требований к надлежащему оказанию юридических услуг приводит к случаям, когда именно в результате проверки судом буквального соответствия оказанных услуг предмету договора будет определяться надлежащее их оказание.

Услуги подлежат оплате по указанной в договоре цене независимо от хода рассмотрения дела в суде, количества судебных заседаний с участием исполнителя и результата рассмотрения спора, если на такую зависимость оплаты услуг не указано в договоре.

... Из условий договора и дополнительного соглашения № 9 к нему не следует, что оплата и цена оказанных услуг ставятся в зависимость от хода рассмотрения дела в суде, количества судебных заседаний с участием исполнителя и результата рассмотрения спора. Цена согласована сторонами, предприятие не возражало при подписании договора и дополнительных соглашений против такого размера оплаты.

На этом же основании отклоняется довод подателя жалобы о ненадлежащем оказании услуг по дополнительному соглашению № 8 в связи с тем, что в ходе рассмотрения дела № А21-6834/2012 по иску предприятия к обществу о взыскании задолженности за теплоснабжение было заключено мировое соглашение (*постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.10.13 по делу № А21-11202/2012*).

Акт об оказанных юридических услугах, приемка услуг

В главе 39 ГК РФ нет упоминания об акте об оказанных услугах между заказчиком и исполнителем. Однако одним из первых вопросов суда к сторонам по делу может являться вопрос о его подписании сторонами. Именно его подписание заказчиком без замечаний часто является основным аргументом в пользу установления судами надлежащего оказания юридических услуг. При этом суды разделяют позицию о его необязательности, если имеются иные доказательства оказания услуг. Однако в случае отсутствия как акта об оказанных услугах, так и иных доказательств оказания услуг заказчик вправе не оплачивать услуги или потребовать возврата неотработанного аванса.

Акт об оказанных услугах не требуется в случае наличия иных доказательств.

... Подтверждение факта оказания услуг составлением акта либо иного специального документа не предусмотрено ни условиями договора об оказании услуг, ни положениями статьи 779 ГК РФ.

Оказание услуг представляет собой деятельность, не влекущую в обязательном порядке возникновения материального результата, который мог бы быть передан по акту, и отсутствие таких актов опровергать факт оказания услуг не может.

Факт выполнения работ обществом по договору об оказании юридических услуг подтвержден представленными в материалы дела доказательствами, в том числе решением арбитражного суда по делу № А56-67220/2013, согласно которому исковые требования компании удовлетворены в полном объеме (*постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.01.15 по делу № А56-32091/2014*).

Подписанный заказчиком акт является достаточным доказательством оказанных услуг.

... Подателем жалобы в материалы дела не представлены документы, свидетельствующие о ненадлежащем исполнении кредитором условий указанного договора, а также не предъявлены доказательства того, что сведения, указанные в актах об оказании услуг, которые подписаны сторонами без замечаний, не соответствуют действительности (*постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.02.16 по делу № А44-6760/2014*).

... Апеллянт ставит под сомнение исполнение истцом обязательств по указанным договорам в силу того, что в судебных разбирательствах по рассмотрению исковых заявлений, явившихся предметом указанных выше договоров, от апеллянта принимал участие представитель из числа сотрудников. При этом истец пренебрегал явкой в судебные заседания и написанием процессуальных документов.

Факт оказания услуг подтверждается актами, подписанными сторонами, а также судебными актами.

Объективных доказательств, свидетельствующих о том, что заявленные истцом услуги не оказаны, оказаны не в полном объеме либо ненадлежащего качества или оплачены, ответчик в порядке статьи 65 АПК РФ не представил (*постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.11.13 по делу № А66-2727/2013*).

Отсутствие подписанного акта является одним из доказательств неоказания услуг.

... Акт оказанных услуг сторонами не подписан, иных доказательств, подтверждающих фактическое оказание услуг ответчиком, в материалы дела не представлено. Принято решение суда о возврате денежных средств заказчику (*постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.03.20 по делу № А56-115672/2019*).

Обязательные требования к актам об оказанных услугах не содержатся в законодательстве, такие акты обычно составляются в свободной форме. Составленный должным образом акт является основанием для признания надлежащего качества оказанных услуг и подтверждения их стоимости. Исполнитель для защиты своих интересов в возможных судебных спорах заинтересован отражать в акте наиболее полный и конкретный перечень услуг, в противном случае суд может посчитать акт недостаточным доказательством оказания услуг.

Необходимо учитывать, что согласно статье 783 ГК РФ общие положения о подряде и положения о бытовом подряде применяются к договору возмездного оказания услуг, если это не противоречит статьям 779–782 ГК РФ, а также особенностям предмета договора возмездного оказания услуг.

Соответственно, помимо применения норм ГК РФ о подряде, заказчик вправе будет ссылаться и на их разъяснения, в частности на пункты 12 и 13 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.01.2000 № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда», согласно которым наличие акта приемки работ, подписанного заказчиком, не лишает заказчика права представить суду возражения как по объему и стоимости работ, так и по их качеству.

Наличие подписанного акта может являться недостаточным доказательством оказания услуг.

... Ответчик (заказчик) оспаривал факт выполнения перечисленных в актах действий; некоторые действия, указанные в актах (переписка, изучение условий, внимание к вопросу по комментариям, подготовка пакета документов, правовой анализ, встречи), не имеют конкретного содержания, сведения о них носят общее лингвистическое значение, но не юридическое содержание. Более того, в силу раздела 2 договора все подобного рода действия должны согласовываться с ответчиком, вместе с тем документов, подтверждающих такие согласования либо

дачу им указаний (заданий), в деле не имеется. Ответчиком сам факт заказа, согласования, дачи указаний, то есть факт заказа данных услуг, отрицается.

Исполнителю отказано во взыскании денежных средств с заказчика (*постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.03.21 по делу № А66-6337/2020*).

... Акт оказанных услуг, в котором не указан конкретный перечень и объем услуг, не является бесспорным доказательством фактического их оказания. Со стороны должника не представлены доказательства судебного представительства, задание заказчика на оказание конкретных услуг, информация исполнителя о ходе исполнения поручения, стоимости нормо-часа, о подготовленных правовых документах и другие сведения о юридических услугах (*постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.08.21 по делам № А21-15116-6/2019 и А21-15116-5/2019*).

Возражения заказчика подлежат рассмотрению судом, но отклоняются в случае наличия доказательств оказания услуг.

... Заказчик полагал, что услуги не оказаны либо оказаны ненадлежащим образом. Однако в постановлении апелляционного суда приведен перечень услуг из 35 пунктов, перечисленные действия оформлены актами приемки выполненных работ (оказанных услуг).

Каких-либо возражений или документов, опровергающих факт оказания спорных юридических услуг как по качеству, так и по объему, а равно доказательств невыполнения заказанных предпринимателем услуг истцом не представлено.

Кроме того, судом правомерно учтено, что предметом договора возмездного оказания услуг являлось осуществление определенной деятельности, а не материальный результат.

Услуги подлежат оплате в полном объеме (*постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.02.19 по делу № А42-5161/2018*).

Другой часто встречающейся в практике проблемой являются споры о признании односторонних актов надлежащим доказательством оказания услуг.

В силу пункта 4 статьи 753 ГК РФ односторонний акт сдачи или приемки результата работ может быть признан судом недействительным лишь в случае, если мотивы отказа от подписания акта признаны им обоснованными.

Более подробные разъяснения содержит информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.01.2000

№ 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда», согласно пункту 8 которого названная норма защищает интересы подрядчика, если заказчик необоснованно отказался от надлежащего оформления документов, удостоверяющих приемку.

Соответственно, составление односторонних актов и их направление в адрес заказчика является необходимым механизмом защиты интересов подрядчиков от недобросовестных заказчиков.

Заказчик не вправе отказываться от подписания актов в случае фактического оказания услуг.

... В адрес конкурсного управляющего направлены акты об оказании консультационных и юридических услуг.

Конкурсный управляющий от подписания актов отказался, ссылаясь на отсутствие у него документов и информации о факте и цели предоставления консультационных и юридических услуг обществу.

Акты не подписаны без обоснования.

По смыслу статей 753, 779, 781, 783 ГК РФ отказ заказчика от оплаты оказанных исполнителем услуг при условии их надлежащего исполнения не допускается (*постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.12.16 по делу № А56-21312/2016*).

Отдельного упоминания заслуживает пункт 1 статьи 720 ГК РФ, в соответствии с которым на заказчика возложена обязанность немедленно заявлять подрядчику об обнаруженных при приемке недостатках.

Применяя указанный пункт, суды часто ссылаются на отсутствие замечаний к оказанным услугам на протяжении всего периода их оказания и возникновение замечаний только на стадии судебного спора или на стадии предарбитражной претензии.

Такая позиция судов стимулирует заказчика внимательно относиться к каждому факту оказания услуги, не откладывая претензии к исполнителю во времени, то есть быть активным участником гражданского оборота. Также вследствие этой позиции исполнителю после каждого факта оказания услуги лучше отчитываться перед заказчиком, проверяя отсутствие претензий с его стороны. При этом сам по себе характер юридических услуг предполагает достаточно высокий уровень информирования заказчика исполнителем, связанный с разъяснением ситуации, регулирующих норм, возможных действий и их последствий. Такое взаимодействие при оказании юридических услуг — залог нормальных правоотношений.

Отсутствие замечаний заказчика в разумный срок с момента оказания услуг не допускает возможности их учета на стадии судебного процесса.

... В материалах дела отсутствуют доказательства, что в ходе исполнения обществом обязательств по спорному договору заказчиком предъявлялись какие-либо претензии к качеству оказываемых истцом услуг, имелись обращения за разъяснениями по содержанию представленных актов сдачи-приемки оказанных услуг, возражения заказчика на полученные от исполнителя акты отсутствуют, на претензию истца ответчик не ответил. Услуги подлежат оплате в полном объеме (*постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.03.19 по делу № А56-54044/2018*).

... Материалы дела свидетельствуют, что в период с февраля по сентябрь 2013 года предприниматель оказывал услуги обществу, при этом акты оказанных услуг заказчиком за период с февраля по апрель 2013 года подписаны, за период с мая по сентябрь 2013 года — не подписаны.

Договор на оказание услуг от 15.02.13 не расторгнут, ответчик в период действия договора претензии, связанные с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств по договору, предпринимателю не предъявлял.

Ссылка общества на то обстоятельство, что истцом не представлено документального подтверждения оказания услуг, также не может быть принята во внимание апелляционной коллегией. Из предмета договора от 15.02.13 следует, что оказание услуг по проведению консультаций, представлению интересов заказчика в предварительных беседах, совещаниях с третьими лицами не имеет о вещественного результата, а составление договоров и процессуальных документов осуществляется от имени заказчика. Таким образом, подписание данных документов директором общества однозначно не свидетельствует о том, что они не могли быть составлены предпринимателем в рамках исполнения договора (*постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.05.14 по делу № А05-13353/2013*).

... Учитывая, что доказательств предъявления истцу каких-либо претензий относительно оказанных им услуг ответчиком в материалы дела не представлено, доводы последнего о том, что соответствующие услуги были оказаны истцом ненадлежащим образом, отклоняются апелляционной коллегией как бездоказательные и противоречащие материалам дела, в том числе подписанным сторонами актам оказанных услуг.

Доводы ответчика о том, что время в пути и время ожидания в соответствующих органах для целей оказания услуг по договору не могло учитываться как часы работы юриста и, соответственно, не подлежит оплате, поскольку не относится к юридическим услугам, также не могли быть приняты

судом первой инстанции во внимание, так как в силу статей 781, 421 ГК РФ стороны договора возмездного оказания услуг вправе предусмотреть особый порядок оплаты услуг исполнителя, что соответствует позиции, сформулированной в пункте 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.14 № 16 «О свободе договора и ее пределах», а потому, как верно указано судом первой инстанции, исходя из предмета и условий договора время в пути, ожидание и тому подобное при оказании юридических услуг необходимо было учитывать при определении периода оказания спорных услуг.

Отклоняются апелляционной коллегией и доводы ответчика о навязывании ему истцом соответствующих услуг, поскольку, как указано выше, в силу части 1 статьи 421 ГК РФ юридические лица свободны в заключении договора, ответчик был вправе отказаться от услуг истца (пункт 5.2 договора, статья 782 ГК РФ), а также в связи с тем, что они прямо противоречат соответствующим поручениям ответчика и письмам истца (*постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.06.16 по делу № А56-60619/2015*).

... Какие-либо возражения и претензии ответчиком как в период наблюдения, так и внешнего управления не заявлены и в материалы дела не представлены. Отсутствие замечаний по объему и качеству оказанных услуг со стороны ответчика в разумный срок после получения актов подтверждает надлежащее оказание услуг коллегией адвокатов и лишает ответчика права не оплачивать оказанные по соглашению услуги (*определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.01.14 № ВАС-19966/13*).

... Судебные инстанции, оценив приведенные обществом доводы, установили, что работы по спорному договору реально выполнялись, их результат передан заказчику, который производил оплату оказанных услуг в полном объеме в период действия договора до спорного периода. Суды правомерно указали на то, что данный договор исполнялся сторонами в течение длительного времени.

То обстоятельство, что ответчик не воспользовался правом на досрочное расторжение договора, а также факт заключения дополнительного соглашения к нему свидетельствуют о заинтересованности общества в оказании данных услуг юридическим бюро. Вместе с тем сведений о том, что ответчик в спорный период воспользовался аналогичными услугами другой организации, в материалах дела не имеется (*постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.07.10 по делу № А66-13531/2009*).

Критерии ненадлежащего оказания юридических услуг

Для установления ненадлежащего оказания услуг необходимо выделить соответствующие критерии.

Заказчик не является профессионалом в правовой сфере и, заключая договор оказания юридических услуг, он перекладывает бремя своего непрофессионализма на исполнителя, который должен оказать услуги надлежащим образом. Здесь есть некое противоречие, связанное с существующей правовой системой Российской Федерации, так как, во-первых, не все юридические услуги могут быть оказаны только лицами с юридическим образованием, а профессиональный ценз для сторон арбитражного процесса появился сравнительно недавно, во-вторых, отсутствует система обязательного страхования профессиональной ответственности, которая должна стимулировать надлежащее качество оказания услуг исполнителем. При этом суды поддерживают переход ответственности на исполнителя за поведение заказчика, основанное на рекомендациях исполнителя.

Классическим примером является *постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.09.13 № 4593/13*, из которого следует, что исполнителем были оказаны ответчику услуги в области правового консультирования, однако заказчиком услуги оплачены не были. В удовлетворении требования о взыскании стоимости услуг отказано, поскольку оказанная услуга, в связи с незнанием исполнителем изменений в законодательстве, привела к заключению заказчиком договора на крайне невыгодных для него условиях, что можно рассматривать как нарушение взятых исполнителем на себя обязательств.

Данное дело интересно сравнить с классическим примером английского права (дело *Galoo Ltd v. Bright Grahame Murray* от 1995 года), в котором суд не допустил перехода ответственности с заказчика на профессионального исполнителя, к которому заказчик обратился. Согласно указанному делу аудиторы подготовили финансовый отчет компании, которая после этого была приобретена другой компанией. Впоследствии покупатель решил, что отчетность не соответствовала действительности. Аудиторам был предъявлен ряд исков, в том числе от имени той самой компании, для которой они готовили отчетность. Данный иск был основан на теории, что если бы аудиторы подготовили правильный отчет, то компания немедленно прекратила бы коммерческую деятельность и не потерпела бы тех убытков, которые у нее возникли впоследствии. Суд первой инстанции отказался рассматривать (*struck out*) этот иск, посчитав, что заявленные истцом факты не дают возможности требовать возмещения убытков.

Апелляционный суд поддержал эту позицию. Заметив, что вопрос причинности является «одной из наиболее сложных областей права», суд подчеркнул, что в Англии выполнения критерия «если бы не...» (который

применял истец) недостаточно для взыскания убытков, во всяком случае в договорном праве. Сославшись на английские прецеденты, а заодно и на позицию австралийских судов, суд признал, что для взыскания убытков нарушение договора должно быть их «эффективной или доминантной» причиной. Другими словами, необходимо различать нарушение договора, действительно причинившее убытки, и нарушение, которое лишь «предоставило возможность понести убытки» (в последнем случае убытки не возмещаются). Но как же различить эти два случая? На этот вопрос апелляционный суд (Lord Justice Glidewell) отвечает просто: «Используя здравый смысл».

Спор был разрешен в пользу аудиторов⁹.

⁹ Цит. по: Будылин С. Л. Оттого что в кузнице не было гвоздя. Причинная связь и предвидимость убытков в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1.

Для целей настоящего исследования применима доктринальная позиция М. И. Брагинского и В. В. Витрянского, предлагающих обращаться к толковым словарям, в соответствии с которыми «услуга — это действие, приносящее пользу другому». В данном случае все сводится к двум связанным между собой элементам: цели, которой услуга служит (помощь, польза), и средствам достижения этой цели (совершение тем, кто предоставляет услугу, действия)¹⁰. Таким образом, ученые склоняются к выделению критерия пользы для оценки надлежащего оказания юридических услуг. При этом следует отметить, что о необходимости установления полезного эффекта оказываемых услуг также высказывался О. С. Иоффе¹¹.

¹⁰ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Изд-е испр. и доп. М.: Статут, 2002.

¹¹ Иоффе О. С. Указ. соч.

Помимо случая незнания исполнителем закона, необходимо выделить другие критерии ненадлежащего качества оказания юридических услуг. К основным можно отнести: нарушение исполнителем норм процессуального и материального права при подготовке и подаче документов в суд; неустранение исполнителем замечаний суда в случае оставления процессуальных документов без движения; непринятие участия в рассмотрении дела в судебном заседании без уважительных причин; совершение действий, не представляющих ценности для защиты прав и интересов заказчика (имитация исполнения юридических услуг).

Ненадлежащим качеством оказания юридических услуг признается нарушение исполнителем норм о подведомственности при подаче искового заявления в суд.

... Исполнитель, являющийся профессионалом в сфере правового сопровождения, обязан консультировать истца по правовым вопросам, возложение риска незнания законодательства на заказчика необоснованно. В данном случае подачу иска в арбитражный суд, приведшую к прекращению производства по делу этим судом в связи с неподведомственностью спора, можно рассматривать как оказание неквалифицированной юридической помощи, поскольку в компетенцию профессиональных юристов входит определение того, к подведомственности какого суда отнесено рассмотрение того или иного спора. Уплаченные заказчиком за данные услуги денежные средства подлежат возврату в полном объеме (*постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.08.20 по делу № А56-121625/2019*).

Ненадлежащим качеством оказания юридических услуг признается неустранение исполнителем обстоятельств, послуживших основанием для вынесения определения суда об оставлении без движения поданного заявления.

... Исполнитель надлежащим образом не оказал услуги заказчику даже на этапе подачи заявления о признании гражданина несостоятельным (банкротом), в результате чего определением от 13.01.20 по делу № А56-137103/2019 заявление было оставлено без движения; не исполнено требование суда об устранении обстоятельств, послуживших основанием для оставления заявления без движения, судом первой инстанции трижды продлевался срок оставления заявления без движения (определения от 25.02.20, от 31.03.20 и от 25.06.20).

Согласно объяснениям должника недостатки заявления о признании его банкротом он устранил самостоятельно.

В этой связи, правомерно распространив на правоотношения сторон положения Закона Российской Федерации от 07.02.92 № 2300-1 «О защите прав потребителей», согласно которым бремя доказывания относится на исполнителя, суд первой инстанции пришел к верному выводу о фактическом прекращении заказчиком путем устного заявления договорных отношений с 29.04.20 и недоказанности фактического оказания услуг заказчику после указанной даты.

При этом, как указывал при обращении в суд сам исполнитель, с 29.04.20 он совершал лишь одно действие — контроль дела в суде через информационную систему «КАД Арбитр».

В кассационной жалобе исполнитель отмечал, что с 29.04.20 по декабрь 2020 года осуществлял в интересах должника взаимодействие с коллекторами и банками, а также подготовил юридическое заключение по теме «Допустимость использования выписки из бюро национальных кредитных историй при рассмотрении дела о банкротстве гражданина в суде».

Между тем данные действия были верно оценены судами как недостаточные для вывода о надлежащем оказании исполнителем юридических услуг, поскольку указанное в кассационной жалобе заключение при устранении обстоятельств, послуживших основанием для оставления заявления без движения, а также при направлении заявления не представлялось, то есть его ценность для дела о банкротстве заявителем не обоснована.

Во включении требования исполнителя (об оплате оказанных услуг) в реестр требований кредиторов отказано в полном объеме (*постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.10.21 по делу № А56-137103/2019*).

... Принимая во внимание существенное нарушение условий договора ответчиком (несоблюдение норм процессуального законодательства при обращении в арбитражный суд с иском в качестве доверенного лица на основании договора оказания юридических услуг, что повлекло возвращение искового заявления и пропуск процессуального срока на обращение за судебной защитой), истечение 30-дневного срока, предусмотренного для ответа на предложение о расторжении договора, суд первой инстанции удовлетворил требование истца о расторжении договора.

С учетом того, что услуги, предусмотренные договором, оказаны ответчиком ненадлежащим образом, суд пришел к правомерному выводу о наличии оснований для взыскания предварительного платежа в размере 180 000 рублей, предусмотренного пунктом 3.2 договора. Как указал суд первой инстанции, поскольку пропуск срока на подачу искового заявления допущен по вине исполнителя, суду не представлено каких-либо доказательств невозможности исполнения условий договора по вине истца (пункт 5.2 договора), предварительный платеж в рассматриваемом случае подлежит возврату (*постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.06.15 по делу № А56-80360/2014*).

Ненадлежащим качеством признается неучастие исполнителя в судебном заседании, когда такое участие предусмотрено договором.

... Суд апелляционной инстанции считает необоснованным возложение на ответчика обязанности по оплате стоимости услуг, предусмотренных пунктом

1.2.12 приложения к договору (подача апелляционной жалобы), в размере 30 000 рублей, исходя из следующего.

В соответствии с пунктом 1.2.12 приложения к договору исполнитель подготавливает при необходимости апелляционную жалобу, подает ее и участвует в заседании суда апелляционной инстанции.

Таким образом, участие представителя в ходе рассмотрения дела № А21-6394/2015 судом апелляционной инстанции предусмотрено условиями договора и входит в число обязанностей исполнителя.

Вместе с тем судом апелляционной инстанции установлено, что представитель заказчика не принимал участия при рассмотрении дела № А21-6394/2015 судом апелляционной инстанции.

Учитывая изложенное, суд апелляционной инстанции посчитал, что в указанной части (стоимость услуг, предусмотренных пунктом 1.2.12 приложения к договору) с ответчика в пользу истца подлежит взысканию задолженность в размере 15 000 рублей (*постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.07.17 по делу № А21-6960/2016*).

Помимо доводов о некомпетентности, неисполнительности при оказании юридических услуг, можно выделить дополнительные доводы заказчика, выдвигаемые в качестве аргументов для неоплаты услуг исполнителя. Наиболее часто встречающимися доводами являются завышение стоимости юридических услуг исполнителя по сравнению со среднерыночными, а также оказание услуг не ведущими представителями исполнителя, а другими его сотрудниками (в том числе помощниками, стажерами и т. д.). Особенность данных аргументов — отсутствие как таковых указаний заказчика на ненадлежащее качество исполнения самих услуг. В первом случае аргумент заказчика сводится к тому, что услуга оказана надлежащим образом, но она не должна оцениваться на основании изначальной договоренности сторон, ее необходимо переоценить в соответствии со среднерыночными ценами. Таким образом, заказчик предлагает распространить норму о разумном размере взыскания расходов на представителя с проигравшей спор стороны на всю оплату юридических услуг. Однако такая позиция заказчика противоречит принципу свободы договора. Во втором случае исполнитель буквально соблюдает статью 780 ГК РФ (согласно которой, если иное не предусмотрено договором возмездного оказания услуг, исполнитель обязан оказать услуги лично), но исполнение услуги поручается не руководящим или наиболее авторитетным представителям исполнителя в области права, а представителям исполнителя с наименее подтвержденной компетенцией. Заказчик трактует такую ситуацию в свою пользу, считая, что услуги оказаны не тем лицом, чьи услуги, по его мнению, являются наиболее дорогостоящими, поэтому и суды должны снизить стоимость услуг, о которой

стороны изначально договорились. Как в первом, так и во втором случае суды не поддерживают доводы заказчика, считая указанные аргументы безосновательными.

Завышенность договорной цены, установленной при заключении договора, по сравнению со среднерыночными ценами не является основанием для снижения стоимости услуг.

... Ссылка ответчика на приведенный документальный сравнительный анализ цен на аналогичные услуги не принимается апелляционным судом, поскольку указанные данные невозможно соотнести с предметом спора по рассматриваемому делу и выполненным исполнителем фактическим объемом работы (*постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.10.14 по делу № А21-3613/2014*).

... Расценки иных юридических компаний, представленные ответчиком с ходатайством об уточнении требований по апелляционной жалобе, не имеют правового значения для рассматриваемого спора, равно как и тяжелое имущественное положение ответчика, поскольку стоимость услуг была согласована сторонами в договоре и дополнительном соглашении, а нормами гражданского законодательства не предусмотрено ни освобождение должника от обязанности уплатить сумму основного долга, ни снижение такой суммы в связи со сложным финансовым положением должника (*постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.07.12 по делу № А56-65567/2011*).

Оказание услуги не наиболее авторитетным представителем исполнителя одновременно с завышенностью договорной цены по сравнению со среднерыночной не является основанием для снижения стоимости услуг.

... Доводы предприятия о ненадлежащем оказании услуг получили оценку судебных инстанций. Судами обоснованно указано, что оказание юридической помощи не только адвокатами И. и С., но также стажерами и помощниками адвокатов не свидетельствует о некачественном оказании услуг. Выдавая доверенности на имя стажеров адвокатов, доверитель фактически согласился с тем, что услуги будут оказываться не только лично указанными адвокатами, но и другими сотрудниками бюро.

В ходе рассмотрения дела в суде первой инстанции установлено, что действия в рамках оказания юридической помощи по договору с предприятием совершались не только адвокатами И. и С., но и адвокатом Б., стажерами

адвокатов и помощником адвокатов, являющимися сотрудниками адвокатского бюро, по доверенностям, выданным истцом.

Апелляционный суд согласен с выводом суда первой инстанции о том, что перечисленная предприятием в качестве аванса сумма в размере 2 150 000 рублей соответствует стоимости услуг, фактически оказанных адвокатами — членами адвокатского бюро.

Доводы подателя жалобы о том, что уплаченная за оказание юридической помощи сумма значительно превышает среднерыночные цены на юридические услуги в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, отклоняются арбитражным апелляционным судом (*постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.04.11 по делу № А05-11869/2010*).

... Доводы ответчика о том, что стоимость услуг является явно завышенной по сравнению со среднерыночными ценами на аналогичные услуги, а также о том, что оказывать юридические услуги должен был полномочный адвокат единолично, обоснованно признаны судом несостоятельными и отклонены, поскольку согласно пункту 2.1 поручения № 1 полномочный адвокат вправе по своему усмотрению привлекать для исполнения поручения иных адвокатов и сотрудников бюро, не указанных в поручении. При этом квалификация адвокатов адвокатского бюро подтверждена, в том числе сведениями о рейтингах «Право.ru-300» за 2016 и 2017 годы, которые являются общедоступными и общеизвестными.

Услуги подлежат оплате в полном объеме (*постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.06.21 по делу № А56-65500/2020*).

Исполнителю следует избегать выполнения устного поручения заказчика на оказание услуг, а также контролировать буквальное соответствие выполняемых услуг предмету договора, при необходимости заключая дополнительные соглашения о его изменении, так как заказчик впоследствии может заявить об отсутствии поручения исполнителю оказания данных услуг и отказаться от их оплаты. Суды, в силу в основном документального доказывания в арбитражном процессе, часто отказывают исполнителям во взыскании с заказчика стоимости таких услуг.

Ссылка исполнителя на заключение договора в устной форме в связи с отсутствием других достаточных доказательств заключения договора не может являться основанием для взыскания оплаты оказанных услуг.

... Суд первой инстанции удовлетворил иск. Суд, не отрицая факт отсутствия письменных соглашений между сторонами, предусмотренных пунктом

2.5 договора, указал, что пункт 9.2 договора позволяет исполнять устные или письменные инструкции любого надлежащим образом уполномоченного представителя банка при отсутствии предварительного письменного уведомления о каких-либо ограничениях в этом отношении. Учитывая заявления компании о том, что спорные услуги оказывались в рамках устных поручений, данных руководством банка, суд первой инстанции пришел к выводу, что совокупностью представленных в дело доказательств, с учетом условий пункта 9.2 договора, опровергается довод ответчика об отсутствии выражения его воли на оказание истцом спорных услуг.

В соответствии с положениями статьи 162 ГК РФ несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства.

Учитывая изложенное, суд первой инстанции, установив факт несоблюдения сторонами простой письменной формы договора, должен был установить фактическую волю сторон на поручение истцу соответствующих работ и услуг. При этом исходя из требований статьи 162 ГК РФ выводы суда не могли основываться на показаниях свидетелей, в связи с чем ссылка суда на свидетельские показания является неправомерной.

Таким образом, выводы суда должны были быть основаны на представленных сторонами письменных доказательствах, безусловно свидетельствовавших о поручении истцу всех предъявленных к оплате конкретных услуг и именно в спорные периоды.

Распечатки электронной переписки, предъявленные компанией, на которые ссылается суд, представляют собой письма компании в банк с требованиями оплаты спорных услуг, то есть являются односторонними документами, исходящими от истца, и не свидетельствуют о том, что банк поручал или одобрял оказание спорных услуг (*постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.03.15 по делу № А56-28148/2014*).

Доверенность на физических лиц, часть из которых не является сотрудниками исполнителя (юридического лица), при отсутствии договора с исполнителем на оказание юридических услуг может расцениваться как оказание услуг непосредственно физическими лицами, указанными в доверенности, а не исполнителем.

... Повторно рассмотрев дело, апелляционный суд не признал права компании на получение требуемого вознаграждения вследствие недоказанности наличия между сторонами договорных отношений и оказания обществу юридических услуг сотрудниками компании.

Оценив представленные в дело доказательства в совокупности, апелляционный суд не признал их подтверждающими то обстоятельство, что представлявшие в деле № 2-1221/2013 интересы общества лица действовали в рамках договора возмездного оказания услуг, заключенного обществом с компанией, а не с данными лицами.

В обоснование иска компания сослалась на заключение с обществом в устной форме договора оказания правовых услуг. При этом доказательства обращения общества к компании с просьбой оказать данные услуги в деле отсутствуют.

При рассмотрении возникшего спора апелляционный суд исходил из того, что представленные в дело доверенности от 09.08.13 и 20.08.13 выданы обществом физическим лицам и не содержат указания на представление его интересов непосредственно в деле № 2-1221/2013.

Доверенность на представление интересов общества при оказании юридических услуг выдана на имя 14 физических лиц.

Доверенность на изучение и использование в работе документации общества выдана на имя 12 физических лиц.

Из названных доверенностей не следует, что перечисленные в них лица являются сотрудниками компании.

Апелляционный суд с учетом представленной компанией справки от 05.04.17 установил, что в период рассмотрения дела № 2-1221/2013 в штате компании состояло только пять сотрудников. Доказательства наделения компанией перечисленных в доверенностях лиц полномочиями на представление интересов общества в деле № 2-1221/2013 не представлены.

Услуги не подлежат оплате (*постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12.07.18 по делу № А56-58558/2017*).

В заключение следует отметить, что взятый арбитражными судами курс на единообразие судебной практики способствует защите прав и законных интересов как заказчиков, так и исполнителей юридических услуг.

Памяти Надежды Александровны Чечиной посвящается

28 августа 2021 года исполнилось 100 лет со дня рождения профессора Санкт-Петербургского государственного университета, доктора юридических наук, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации Надежды Александровны Чечиной.

58 лет ее жизни были отданы делу создания научной школы, воспитания сотен учеников.

Н. А. Чечина прожила большую нелегкую, но удивительно насыщенную и яркую жизнь. Она родилась в городе Старая Русса Новгородской губернии в семье военнослужащего-пограничника. Школу Н. А. Чечина окончила в 1940 году в Улан-Удэ, столице Бурят-Монгольской АССР. Война застала ее в Ленинграде, откуда она была эвакуирована в Свердловскую область. Сразу после снятия блокады Н. А. Чечина вернулась в Ленинград. По возвращении служила в Трибунале и Политотделе войск МВД СССР по охране тыла Ленинградского фронта.

В 1945 году после окончания с отличием юридического факультета Ленинградского государственного университета Н. А. Чечина была оставлена в аспирантуре для изучения проблем гражданского процесса. На педагогическую стезю Надежда Александровна ступила в ноябре 1948 года, когда была принята ассистентом в штат недавно организованной кафедры гражданского процесса. Спустя год она успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Законная сила судебного решения». С 1 сентября 1952 года к этому времени уже доцент Н. А. Чечина стала заведующей кафедрой гражданского процесса. Доцент, а затем профессор Н. А. Чечина бессменно руководила кафедрой по 1989 год. Под ее руководством кафедра гражданского процесса стала известным научным коллективом с прочными научными традициями. В 1965 году Н. А. Чечина блестяще защитила докторскую диссертацию на тему «Нормы гражданского процессуального права и процессуальные отношения». Являясь ведущим профессором в области гражданского процесса и одним из основоположников ленинградской — санкт-петербургской школы процессуалистов, она служила на кафедре гражданского процесса до последних дней.

Н. А. Чечина — один из крупнейших ученых в области гражданского процессуального права. Ее перу принадлежит более 100 научных работ, статей, рецензий, тезисов, докладов по основным проблемам теории гражданского процессуального права, широко известных в кругу процессуалистов. В течение нескольких десятилетий Надежда Александровна исследовала фундаментальные проблемы гражданского процессуального права: гражданские процессуальные правоотношения, правовую природу судебных постановлений, принципы гражданского процессуального права, гражданскую процессуальную форму защиты права, тенденции развития гражданского процессуального права.

Классическими стали такие научные труды профессора Н. А. Чечиной, как монографии «Норма права и судебное решение», «Гражданские процессуальные отношения», «Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права» и другие. Ряд научных работ Н. А. Чечиной переведены и опубликованы на иностранных языках (во Франции, Германии, Венгрии, Польше). Современные публикации Н. А. Чечиной в основном связаны с дальнейшей разработкой предмета и системы гражданского процессуального права в свете новой кодификации гражданского процессуального законодательства в Российской Федерации.

Замечательное лекторское мастерство Н. А. Чечиной проявилось при чтении разработанных ею курса лекций по гражданскому процессу и специальных курсов «Процессуальные особенности отдельных категорий гражданских дел», «Актуальные проблемы теории гражданского процессуального права». Она читала курсы лекций в Будапештском, Берлинском, Лейпцигском университетах.

На юридическом факультете в полной мере раскрылся выдающийся педагогический дар Н. А. Чечиной. У Надежды Александровны очень много учеников, отмеченных ее плодотворным влиянием, ее заботой, любовью и уважением, будь то студенты, аспиранты, коллеги по юридическому факультету или выпускники, достигшие высот в политической карьере, в практической юридической деятельности и бизнесе. Постоянной заботой Надежды Александровны была подготовка молодых ученых. Под ее руководством стали кандидатами наук почти шесть десятков аспирантов, пять ученых защитили докторские диссертации. Ее всегда окружали студенты, искренне любящие своего педагога. Занятия, проводимые профессором Н. А. Чечиной, — лучшие образцы не только высокого профессионализма, но и пример подлинной университетской культуры и интеллигентности.

Истинное призвание Надежды Александровны Чечиной — ученый и учитель высшей школы. Но ее профессиональные интересы были широкими и многообразными. Результаты научных исследований Н. А. Чечиной получили свое воплощение в законодательной и правоприменительной практике. В качестве члена комиссии Министерства юстиции и Верховного Суда РСФСР Н. А. Чечина работала над проектом Основ гражданского судопроизводства СССР и проектом Гражданского процессуального кодекса 1964 года, а также входила в состав рабочей группы по разработке проекта Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в 1992–1997 годах. В течение 17 лет она избиралась народным заседателем Верховного Суда РСФСР, 10 лет являлась депутатом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся, где возглавляла Комиссию по укреплению социалистической законности и правопорядка. Н. А. Чечина была председателем Третьего суда по разрешению споров в области финансово-кредитных отношений, многократно избиралась третейским судьей по конкретным делам. Заслуженным признанием

пользовались ее консультационные заключения для правоприменительных органов.

Плодотворная деятельность Н. А. Чечиной отмечена государственными наградами: орденом Трудового Красного Знамени (1971), медалью «В память 250-летия Ленинграда» (1957), медалью «За доблестный труд» (1970), медалью «Ветеран труда» (1985). В 1998 году профессор Н. А. Чечина была удостоена звания «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

Высокий профессионализм Н. А. Чечиной гармонично сочетался с ее личным обаянием. Уникальные в своей совокупности качества Надежды Александровны, такие как научная честность, широкая эрудиция, жизнелюбие, доброжелательная и созидательная энергичность, тонкий вкус, чувство юмора, деликатность, снискали ей признание, уважение и любовь коллег, учеников и друзей, всегда позволяли находить общий язык с молодым поколением, оставаться современной. Порядочность, безукоризненная честность, принципиальность и твердость характера были для Надежды Александровны ориентиром и мерилom поступков на протяжении всей жизни в разные периоды истории ее родины.

М. З. Шварц,

профессор кафедры гражданского процесса Санкт-Петербургского
государственного университета, кандидат юридических наук

В конце 2021 года к 100-летию со дня рождения Надежды Александровны Чечиной в Санкт-Петербургском государственном университете был проведен конкурс научных статей для студентов, магистрантов и аспирантов. Его цель — увековечение памяти Н. А. Чечиной, ее заслуг перед университетом, большого вклада в развитие гражданского процессуального права, а также сохранение ее научного наследия, распространение и развитие ее идей и концепций. Жюри конкурса приняло решение опубликовать лучшие работы в журнале «Арбитражные споры» в 2022 году. Предлагаем вашему вниманию статьи двух победителей.

ДЕБЮТ

Развитие учения о гражданской процессуальной ответственности и мерах защиты: процессуальный эстоппель в сфере доказательственной деятельности

Владимирова Любовь Владимировна

Студентка 4-го курса Санкт-Петербургского государственного университета

Статья посвящена современному этапу развития представлений о гражданской процессуальной ответственности и мерах процессуальной защиты в доктрине и судебной практике. Исследование главным образом сфокусировано на способах, используемых для понуждения сторон к своевременному представлению доводов и доказательств, и на том, какое место они занимают в системе взглядов на институт процессуальной ответственности. Недостаточная конкретизация в законе норм, имеющих цель предотвратить затягивание процесса, и практика их применения показывают низкую эффективность имеющегося нормативного инструментария, чем обусловлено обращение судебной практики к восполняющему механизму — принципу процессуального эстоппеля. Анализируются решения российских судов, в которых процессуальный эстоппель использован как обоснование потери права стороны ссылаться на соответствующие доводы и доказательства. Ставится под сомнение удачность лежащего в основе обоснования применения данного принципа круга обстоятельств, подлежащих установлению. Аргументируется вывод о необходимости корректирования и дополнения процессуального законодательства в части норм о сроках представления доказательств и о санкциях (как мер защиты процесса) за их нарушение с опорой на теорию раскрытия доказательств и конструкцию преклюзивных санкций в гражданском процессе ФРГ.

Ключевые слова: гражданская процессуальная ответственность, меры защиты, виды процессуальной ответственности, непоследовательное поведение, злоупотребление процессуальными правами, процессуальная дисциплина, раскрытие доказательств, процессуальный эстоппель.

Введение: постановка проблемы

В последние годы наметилась тенденция борьбы с различного рода злоупотреблениями в правовом пространстве. Они все чаще встречаются не только в области материального права, но и в процессе разрешения споров. Ответом на непоследовательное поведение участников процесса становится развитие и расширение применения различных процессуальных санкций, включая меры защиты

и меры ответственности. Сейчас это кажется закономерным, однако институту гражданской процессуальной ответственности пришлось пройти эволюцию от полного неприятия до поиска путей совершенствования.

Впервые проблема признания гражданской процессуальной ответственности была поднята Н. А. Чечиной во второй половине XX века¹. Будучи представителем «отраслевого» подхода, определяющим фактором в разграничении юридической ответственности на виды она называла специфические свойства предмета и метода правового регулирования². Поскольку у гражданского процессуального права есть свои собственные предмет и метод, Н. А. Чечиной был сформулирован подход о существовании, помимо гражданской, административной и уголовной, собственно процессуальной ответственности³.

¹ Чечина Н. А., Элькин П. С. Об уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной ответственности // Советское государство и право. 1973. № 9. С. 33–41.

² Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. С. 602.

³ Там же. С. 603, 607, 613.

Автор придерживалась позиции, согласно которой самостоятельность гражданско-процессуальной ответственности должна признаваться в той же мере, в какой признается отраслевая самостоятельность гражданского процессуального права⁴ (и это во времена, когда самостоятельность отрасли в принципе ставили под сомнение, аргументируя это процедурным характером процессуальных норм). Разграничивая понятия санкции и ответственности, ученый допускала, что наряду с мерами собственно процессуальной ответственности обеспечивать требования гражданского процессуального права могут санкции, содержащие в себе иные виды юридической ответственности⁵.

⁴ Там же. С. 623.

⁵ Там же. С. 628.

В качестве юридического факта — основания процессуальной ответственности — Н. А. Чечина определяла процессуальное правонарушение, состоящее в нарушении субъектом судопроизводства требований процессуального закона в форме сознательного неисполнения правовых обязанностей⁶.

⁶ Там же. С. 610, 613.

В дальнейшем взгляды на сущность гражданской процессуальной ответственности менялись. М. Л. Гальперин основательно изучил проблематику процессуальной ответственности и взглянул на нее по-новому. Критикуя «отраслевой» подход, ученый предложил отойти от критерия самостоятельности отрасли при определении вида юридической ответственности, уделить особое внимание не тому, что регулируется, а тому, как регулируются отношения⁷; посмотреть на ответственность через призму юридического режима⁸.

⁷ Гальперин М. Л. Ответственность в современном гражданском судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. С. 25, 30.

⁸ Там же. С. 24. Опираясь на труды С. С. Алексеева, М. Л. Гальперин дал определение юридического режима через совокупность его составляющих: особый порядок возникновения, формирования содержания, осуществления прав и обязанностей, специфику и способы реализации санкций, действие единых принципов и положений.

Рассуждая в данном ключе, на основе анализа тонкостей юридического режима гражданского процессуального права М. Л. Гальперин сформулировал понятие гражданского процессуального нарушения: неуважение к суду, проявляющееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении законных актов суда, принятых в связи с осуществлением его руководящей процессуальной деятельности в гражданском судопроизводстве⁹. От него ученый отталкивался при описании элементов состава правонарушения.

⁹ Там же. С. 75, 156.

Н. А. Чечина задала вектор развития науки гражданского процессуального права, поставила на обсуждение важный вопрос существования гражданской процессуальной ответственности, который затем стал обрастать новыми позициями в науке и практике. Так или иначе, и сторонники «отраслевого» подхода, и их критики постепенно признавали существование процессуальной ответственности как таковой. Сейчас эти взгляды получают новое отражение в сформировавшейся в практике тенденции противодействия непоследовательному поведению стороны в процессе рассмотрения гражданских дел, в особенности на этапе доказывания, где принцип состязательности проявляется наиболее ярко. Специфика современной борьбы с проявлениями нежелательного поведения в ходе процессуального противоборства в том, что она выходит за рамки предусмотренных законом санкций и на данный момент проявляет себя в виде применения судами принципа эстоппель — потери права стороны выдвигать соответствующие противоречивые возражения (как последствие недобросовестного поведения).

Специфика современной борьбы с проявлениями нежелательного поведения в ходе процессуального противоборства проявляется себя в виде применения судами принципа эстоппель — потери права стороны выдвигать соответствующие противоречивые возражения

О том, в чем в принципе может проявляться гражданская процессуальная ответственность, нет единой выработанной позиции. Н. А. Чечина в своих трудах отдельно не останавливалась на данном вопросе. М. Л. Гальперин же считает единственно возможной мерой ответственности судебный штраф. Негативные последствия в виде непринятия иска, составленного с нарушением процессуальной формы, рассмотрение искового заявления в отсутствие извещенного лица и прочее автор рассматривает не как процессуальное нарушение, а как последствия нереализации в надлежащем порядке предоставленного процессуального права¹⁰. По его мнению, не может вызывать ответственность то, что не является нарушением процессуальной обязанности. Тем более становится интересна дискуссия о том, можно ли считать злоупотребление процессуальными правами гражданским процессуальным нарушением для целей привлечения к ответственности¹¹.

¹⁰ Там же. С. 177.

¹¹ А. В. Юдин считает, что можно. См.: *Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. С. 10.*

Так как этап доказывания является ключевым в рассмотрении дела по существу, тесно связан с принципом состязательности гражданского процесса, со свободой усмотрения сторон и в значительной мере влияет на исход дела, соблюдение дисциплины и стимулирование последовательного процессуального поведения на данном этапе представляется принципиально важным.

В этой связи в статье поставлены следующие вопросы: является ли, например, отказ в принятии доказательств мерой ответственности в гражданском процессе, и какой инструмент может оказаться пригодным для предотвращения затягивания процесса в результате запоздалого представления доказательств? Является ли эстоппель таким инструментом?

Для ответа на них необходимо проанализировать решения некоторых зарубежных правовых порядков по противодействию непоследовательному поведению стороны в процессе доказывания, историю развития вопроса в российском праве и современную практику применения инструментов борьбы с недобросовестным поведением в сфере доказательственной деятельности.

Механизмы противодействия недобросовестному поведению участников процесса в сфере доказывания в зарубежных правовых порядках

В зависимости от особенностей правовой системы инструменты противодействия непоследовательному поведению могут проистекать из прямого указания закона либо из решений судов. Не вдаваясь в терминологические споры, можно сказать, что в том или ином виде затягивание процесса пытаются предотвратить введением обязанности раскрыть доказательства с соответствующей санкцией за ее неисполнение.

Немецкий правовой порядок, как яркий представитель континентальной системы, борется с затягиванием процесса с помощью преклюзивных санкций, закрепленных в Гражданско-процессуальном кодексе ФРГ (ГПК ФРГ)¹².

¹² Гражданское процессуальное уложение Германии от 30.01.1877 (ред. от 05.12.05) (с изм. и доп. по 30.06.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

В Германии для предупреждения умышленного затягивания судебного процесса и небрежного его ведения на стороны возложена обязанность по своевременному представлению своих процессуальных средств¹³. Если сторона желает представить какие-либо доказательства для подтверждения своей позиции по делу, то она ограничена сроками их представления. Также важен объем процессуального материала. Чтобы сторона не проявляла недобросовестность, порционно вводя свои процессуальные средства в процесс, германский процессуальный кодекс устанавливает обязанность представить процессуальные средства защиты в той мере, в какой это, с учетом процессуальной обстановки, соответствует добросовестному и содействующему производству по делу ведению процесса¹⁴.

¹³ Макаров П. Н. Обязанность сторон по своевременному представлению своих процессуальных средств в гражданском процессе (опыт Германии) // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 11. С. 27.

¹⁴ Абзац 1 § 277 ГПК ФРГ. В параграфе речь идет об отзыве на иск и об ответе на отзыв.

Понятие процессуальной обстановки в кодексе не раскрывается, но доктрина и судебная практика понимают под ней два фактора: 1) процессуальный материал, представленный истцом на момент назначения судьей ответчику срока для подачи отзыва на иск; 2) указания судьи¹⁵. То есть ответчик должен представить все свои контрдоказательства и доказательственные возражения (например, заявление о фальсификации) относительно доводов истца (и наоборот) в полном объеме в установленный судом срок. Возражение, заявленное ответчиком или истцом за пределами сроков, считается запоздалым.

Если срок судом не установлен, то представление контрдоказательств и возражений должно быть произведено к ближайшему судебному заседанию¹⁶ после появления процессуального повода¹⁷; а если характер материалов требует времени для тщательного ознакомления, подготовки противоположной стороной к судебному заседанию ответной позиции в отношении этих процессуальных средств¹⁸, то на стороне лежит обязанность представить их заблаговременно перед судебным заседанием¹⁹ во избежание необходимости его отложения. Непредставление материалов к ближайшему заседанию также влечет признание таких контрдоказательств и возражений запоздалыми.

¹⁵ Макаров П. Н. Указ. соч. С. 28.

¹⁶ Абзац 1 § 282 ГПК ФРГ.

¹⁷ Под процессуальным поводом понимается появление в процессе информации, доводов, раскрытия доказательств и всего того, что может потребовать ответа от стороны, представления ей контраргументов, возражений.

¹⁸ Макаров П. Н. Указ. соч. // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 12. С. 37.

¹⁹ Абзац 2 § 282 ГПК ФРГ.

Обязанность без ответственности за ее неисполнение не имела бы смысла, поэтому в немецком процессуальном праве установлены преклюзивные санкции. Преклюзивная санкция — это исключение (недопущение) судом несвоевременно представленного стороной (запоздалого) процессуального средства, которое суд не учитывает при принятии решения²⁰. Преклюзивные нормы распространяют свое действие на фактические утверждения, отрицания, доказательства (в том числе контрдоказательства), доказательственные возражения²¹.

²⁰ Макаров П. Н. Преклюзивные санкции в гражданском процессе (исключение несвоевременно представленных сторонами процессуальных средств) (опыт Германии) // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 1. С. 40.

²¹ Там же. С. 41.

Исключение запоздалых процессуальных средств не является безальтернативной мерой. У суда имеется определенная дискреция в этом вопросе. Если был установлен срок для представления возражений и материалов, то суд может допустить их в процесс, если это не затян timer разрешения спора или если пропуск срока был вызван уважительными причинами²². При этом вина стороны в пропуске срока презюмируется. Если срок не был установлен и сторона в представлении возражений, доказательств исходила из процессуальной обстановки и ожиданий относительно возможностей

оппонента, то суд не допускает запоздалые средства в процесс, если это затянет разрешение спора либо если имела место грубая небрежность стороны²². Вина стороны в несвоевременном представлении процессуальных средств не презюмируется. Налицо явная дифференциация условий применения негативных последствий.

²² Абзац 1 § 296 ГПК ФРГ.

²³ Абзац 2 § 296 ГПК ФРГ.

Стоит отметить, что немецкий правопорядок с помощью преклюзивных санкций в большей мере стремится не защитить интересы добросовестной стороны, а достичь экономии процессуального времени. Нормы направлены на предотвращение затягивания разрешения дела, то есть предупреждение возникновения ситуаций, когда при допущении несвоевременно представленных процессуальных средств разрешение спора длилось бы дольше, чем в случае их исключения²⁴.

²⁴ *Макаров П. Н.* Преклюзивные санкции в гражданском процессе (исключение несвоевременно представленных сторонами процессуальных средств) (опыт Германии) // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 2. С. 30.

Немецкие преклюзивные нормы защищают в первую очередь сам процесс, а потом уже интересы сторон. Они не разрешают (и не стремятся этого делать) вопроса возможного расхождения материально-правовой плоскости с решением суда, когда запоздалое контрдоказательство может кардинально изменить итог дела, но не учитывается судом при вынесении решения во избежание затягивания процесса.

Если резюмировать опыт Германии, то можно сказать, что немецкий процесс стоит на позиции понуждения сторон к концентрированному представлению доказательств (контрдоказательств) и возражений с самого начала. В приоритете находится экономия времени рассмотрения дела в суде.

В Великобритании институт раскрытия имеет многовековую историю. Он представляет собой способ собирания доказательств и относится только к документам²⁵. В английском гражданском процессе ему придается большое значение вплоть до включения его в ранг принципов процесса²⁶. На современном этапе развития институт раскрытия в английском процессе представляет собой совокупность норм, регулирующих порядок предоставления стороной информации о документах, подлежащих раскрытию, а также представления самих документов другой стороне для ознакомления²⁷. Высока при этом активная роль суда, у процесса прослеживаются признаки инквизиционности. В качестве

санкции за нераскрытие суд может отклонить исковые требования или возражения²⁸.

²⁵ *Лозовицкая А. Д.* Раскрытие доказательств в гражданском процессе Англии: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 25.

²⁶ Там же. С. 27.

²⁷ Там же. С. 31, 46.

²⁸ Там же. С. 95.

Затягивать процесс можно не только невыполнением обязанности по раскрытию в срок, но и с помощью различного рода злоупотреблений. Ответом на них в системе общего права, где вектор развития правовых институтов определяет в основном судебная практика, стал принцип эстоппель, то есть лишение стороны права ссылаться на какие-либо факты, оспаривать или отрицать их ввиду ранее ею же сделанного заявления об обратном в ущерб противоположной стороне в процессе судебного разбирательства²⁹. Для применения указанного запрета должно присутствовать одновременно четыре признака: 1) наличие у субъекта недвусмысленной позиции по определенному вопросу факта или права; 2) другая сторона предприняла определенные действия или же, наоборот, воздержалась от них, добросовестным образом положившись на позицию субъекта, создавшего ситуацию эстоппель; 3) субъект существенно изменил в последующем свою первоначальную позицию по определенному вопросу, относящемуся к одним и тем же фактам (допустил непоследовательное поведение в отношении другой стороны); 4) другая сторона понесла ущерб (в любой форме, кроме морального или интеллектуального ущерба) в результате непоследовательного поведения субъекта³⁰.

²⁹ *Седова Ж. И., Зайцева Н. В.* Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. М.: Статут, 2014. С. 6.

³⁰ *Седова Ж. И.* Виды эстоппеля в зарубежной доктрине и возможности их применения в различных отраслях права // Вестник гражданского процесса. 2018. № 4. С. 52.

Принцип эстоппель имеет много разновидностей и проявлений. При всем их различии они сохраняют общую идею — блокирование осуществления принадлежащих стороне прав, если это противоречит требованию добросовестного поведения, уважения к торжественно провозглашенным заявлениям в суде и т. п.³¹ Важно отметить, что какой-либо четкой доктрины применения эстоппеля в системе общего права нет. Это довольно гибкий инструмент, для него не существует ограниченного перечня случаев применения.

³¹ Володарский Д. Б., Кашкарова И. Н. Процессуальный эстоппель в системе общего права // Закон. 2020. № 4. С. 191.

Среди эстоппелей в рамках настоящего исследования наибольший интерес вызывает так называемый подразумеваемый отказ от процессуальных прав (implied waiver), поскольку он наиболее близок к российскому подходу по противодействию непоследовательному поведению³². Чтобы судебное разбирательство не затягивалось, реализация процессуальных прав должна быть своевременной; недобросовестное промедление стороны, препятствующее эффективному ходу процесса, должно пресекаться. Implied waiver — несвоевременное заявление о процессуальном праве, умолчание о нем в тот момент процессуальной активности, когда ссылка на него представляется логически необходимой, интерпретируется как сознательный и намеренный отказ от соответствующего права, безвозвратный по своим последствиям³³. Это относится и к этапу представления, раскрытия доказательств.

³² Отказ от права (waiver) хотя и близок к эстоппелям, но в их число не включается. См.: Седова Ж. И., Зайцева Н. В. Указ. соч. С. 57–65, 105–106.

³³ Володарский Д. Б., Кашкарова И. Н. Указ соч. // Закон. 2020. № 5. С. 197.

Самой расхожей санкцией за затягивание процесса является потеря права, которое сторона не намерена использовать добросовестно

В отличие от классического понимания эстоппеля, где необходимо последствие в виде ущерба, в implied waiver речь идет не о защите разумных ожиданий противоположной стороны спора, а о способе поддержания процессуальной дисциплины, согласно которой доводы и возражения должны выдвигаться сторонами своевременно, без неоправданных задержек³⁴ (хотя, конечно, эти цели взаимосвязаны). В этом сходство с преклюзивными нормами в Германии, в которых основной задачей выступает экономия процессуального времени.

³⁴ Там же. С. 199.

Как видится, самой расхожей санкцией за затягивание процесса (нераскрытие в срок или злоупотребление) является, в том или ином виде, потеря права, которое сторона не намерена использовать добросовестно. С точки зрения российской правовой мысли это не ответственность в собственном смысле слова, а скорее мера защиты процесса. Говорить о существовании в российском процессуальном праве полноценного института раскрытия или же о

детально разработанной доктрине злоупотребления процессуальными правами пока рано. Тем не менее некоторые предпосылки для их развития в нормативном материале присутствуют.

Российский подход к противодействию непоследовательному поведению стороны в процессе

Обязанность по раскрытию доказательств и последствия ее неисполнения

В России, чтобы недобросовестная сторона не застала оппонента врасплох внезапно представленными материалами³⁵, в целях ускорения разбирательства формально существует обязанность раскрывать доказательства (части 3, 4 статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ)³⁶, часть 3 статьи 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ³⁷)). Формулировки соответствующих статей несколько различаются. В отличие от ГПК РФ, АПК РФ не связывает обязанность по раскрытию только со сроками, установленными судом. В случае если срок не установлен, лица, участвующие в деле, должны раскрыть доказательства до начала судебного заседания, позволить другим лицам ознакомиться с ними заблаговременно.

³⁵ Еще дореволюционный юрист Е. В. Васьковский писал о значении принципа концентрации процессуальных материалов: восприятие судьей заявлений сторон и доказательств «сразу и целиком» способствует формированию целостного и ясного представления об обстоятельствах дела. Ученый также отмечал возможность проявления недобросовестности сторон, когда они в нарушение принципа концентрации приводят новые доказательства перед вынесением судом решения, чтобы затянуть рассмотрение дела. См.: *Васьковский Е. В.* Учебник гражданского процесса. М.: Изд. бр. Башмаковых, 1914. С. 162–164.

³⁶ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.02 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.21).

³⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.02 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.21).

С охранительными нормами дело обстоит сложнее. Напрямую преклюзивные санкции не закреплены в российских процессуальных кодексах в том виде, в котором они способны полноценно воспрепятствовать непоследовательному поведению или «наказать» за него. Однако некоторые нормы кодексов имеют ту же цель — стимулирование соблюдения

процессуальной дисциплины, экономия времени судебного разбирательства. Статья 99 ГПК РФ устанавливает возможность взыскания со стороны, систематически противодействовавшей правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела, в пользу другой стороны компенсации за фактическую потерю времени. В АПК РФ несколько иное регулирование: все судебные расходы могут быть отнесены на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами или не выполняющее своих процессуальных обязанностей, если это, в частности, привело к затягиванию судебного процесса (часть 2 статьи 111 АПК РФ). И в ГПК РФ, и в АПК РФ содержится санкция. Но санкция и ответственность — понятия не равнозначные³⁸.

³⁸ Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. С. 627–628.

Н. А. Чечина не делала акцент на видах мер ответственности в процессе. В работе, посвященной изменениям в ГПК РСФСР³⁹, в раздел статьи о правилах, усиливающих ответственность лиц, участвующих в процессе, автор поместила штрафы, возможность рассмотрения дела в отсутствие ответчика, заочное решение.

³⁹ Там же. С. 592–595.

Как было отмечено ранее, с развитием законодательства и доктрины взгляды на ответственность сместились в сторону признания в качестве меры гражданской процессуальной ответственности только судебного штрафа⁴⁰. М. Л. Гальперин не относит к мерам процессуальной ответственности возложение судебных расходов, так как их основанием являются действия, которые в момент их совершения были правомерными⁴¹. Но эта позиция дискуссионна. А. В. Юдин к числу мер ответственности, помимо судебного штрафа, относит среди прочего «виновное» возмещение судебных расходов, компенсацию морального вреда и т. д.⁴² Санкция, установленная статьей 99 ГПК РФ, заключается в выплате денежных средств провинившейся стороной и этим напоминает судебный штраф. Но в отличие от штрафа денежная сумма выплачивается не государству, а другой стороне и имеет целью компенсацию, что не позволяет отнести данную норму к судебным штрафам, о которых говорит М. Л. Гальперин. Исходя из позиции М. Л. Гальперина о природе процессуального нарушения, объективная сторона, выражающаяся в систематическом противодействии правильному и своевременному рассмотрению дела, не может образовывать состав, пока она не является неисполнением судебного акта⁴³. То есть, если следовать этой позиции, пока суд не вынес определение о совершении каких-либо действий в определенный срок (в частности, о представлении доказательств), не может быть основания для применения санкции по статье 99 ГПК РФ. Однако в таком случае в отсутствие судебного акта сторона вполне может

затягивать процесс, но применить к ней единственную предусмотренную кодексом санкцию будет нельзя.

⁴⁰ Гальперин М. Л. Указ. соч. С. 204.

⁴¹ Там же.

⁴² Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: Дис. ... д-ра юрид. наук. С. 406.

⁴³ Гальперин М. Л. Указ. соч. С. 190.

Что касается возложения судебных расходов по части 2 статьи 111 АПК РФ, то позиции разнятся: М. Л. Гальперин не признает их в качестве меры процессуальной ответственности, А. В. Юдин же выделяет «виновное» возложение расходов.

Еще одним возможным последствием неисполнения обязанности по раскрытию, которое уже точно можно назвать мерой процессуальной ответственности, является судебный штраф за неуважение к суду (часть 5 статьи 119 АПК РФ). И хотя он напрямую не связан со статьей 65 АПК РФ, тем не менее судами периодически применяется.

Так, в одном из дел неоднократное нарушение истцом сроков представления документов, повлекшее за собой отложение рассмотрения дела, было расценено судом как достаточное основание для наложения судебного штрафа по части 5 статьи 119 АПК РФ⁴⁴. Однако в другом деле попытка судов наложить штраф на ответчика, представившего истцу отзыв и дополнительные доказательства непосредственно в судебном заседании, была пресечена судом округа⁴⁵: суд указал, что невыполнение стороной процессуальной обязанности, влекущей негативные последствия только для нее самой, не может быть расценено как неуважение к суду.

⁴⁴ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.03.21 по делу № А70-7700/2020 (здесь и далее к решениям арбитражных судов доступ через <https://ras.arbitr.ru/>).

⁴⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.08.21 по делу № А40-11366/2021.

Имеющееся регулирование вряд ли может эффективно стимулировать к исполнению обязанности по раскрытию. Разумным последствием нарушения обязанности по раскрытию был бы отказ в приобщении запоздалых доказательств⁴⁶, но такое последствие сейчас отсутствует.

⁴⁶ Кайзер Ю. В. Раскрытие доказательств в гражданском и арбитражном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. С. 22.

Данная санкция за неисполнение обязанности по раскрытию была, по сути, нивелирована Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации (далее — ВАС РФ) еще в 2004 году. Президиум ВАС РФ указал, что своевременно не раскрытые доказательства должны быть исследованы судом первой инстанции независимо от причин нарушения порядка раскрытия (пункт 35 информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.08.04 № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», пункт 16 постановления Пленума ВАС РФ от 20.12.06 № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству»).

Так, прямая ссылка суда на нарушение требований статьи 65 АПК РФ как на основание отказа в приобщении документов к материалам дела была признана вышестоящей инстанцией необоснованной, в качестве уместной санкции указано лишь возложение судебных расходов⁴⁷.

⁴⁷ Суд округа отменил решение апелляционного суда со ссылкой на пункт 35 информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.08.04 № 82; см.: постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.03.21 и Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.12.20 по делу № А56-131723/2019.

Нормативные возможности пресечения непоследовательного процессуального поведения и повышения процессуальной дисциплины сильно ограничены

На сегодняшний день не имеется обширной практики применения статьи 111 АПК РФ как следствия неисполнения обязанности по раскрытию (нет и сложившегося подхода к части 3 статьи 56 ГПК РФ в совокупности со статьей 99 ГПК РФ). Встречающиеся судебные решения разнородны, позиции сильно привязаны к фактическим обстоятельствам дела. В целом суды применяют часть 2 статьи 111 АПК РФ в случаях, когда сторона постоянно заявляет дополнительные ходатайства, подает пространные процессуальные документы, несвоевременно направляет документы в адрес истцов⁴⁸, когда процесс затягивается в связи с представлением недостоверных доказательств⁴⁹, когда судебное заседание откладывается исключительно по причине нарушения ответчиком обязанности по заблаговременному раскрытию доказательств⁵⁰.

⁴⁸ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.11.20 по делу № А56-83648/2014.

⁴⁹ Определение Суда по интеллектуальным правам от 11.06.20 по делу № СИП-558/2018.

⁵⁰ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.07.19 по делу № А40-61027/2017.

Нормативные возможности пресечения непоследовательного процессуального поведения и повышения процессуальной дисциплины сильно ограничены: несвоевременно представленные доказательства могут быть приняты, судебное заседание перенесено, а все, что грозит нарушителю, — несение судебных расходов либо штраф. Это всего лишь денежные лишения за допущенное злоупотребление, они не помешают недобросовестной стороне вести себя противоречиво и извлекать выгоду из такого поведения, особенно если на кону большие размеры исковых требований.

Альтернативные последствия несвоевременного заявления доводов и представления доказательств

Из барьерных мер по недопущению умышленного откладывания момента вынесения итогового решения по делу процессуальные кодексы знают запрет на представление новых доказательств в суд второй инстанции (часть 2 статьи 322, часть 1 статьи 327.1 ГПК РФ, часть 2 статьи 268 АПК РФ). Новые доказательства могут быть рассмотрены в апелляции, если причина непредставления их в суд первой инстанции будет признана уважительной. Однако в этом вопросе наблюдается непоследовательность. Пункт 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 30.06.20 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» устанавливает, что немотивированное принятие новых доказательств является основанием для отмены постановления арбитражного суда апелляционной инстанции, если это привело или могло привести к принятию неправильного постановления. Но дополнительные доказательства едва ли могут привести к неверным выводам, они, наоборот, содействуют установлению истины. Определение апелляционного суда устоит, даже если при его принятии использовались новые доказательства при отсутствии соответствующих уважительных оснований. Правоприменитель «мечется» между поддержанием процессуальной дисциплины и поиском объективной истины, и пока что последняя остается в приоритете. Однако аналогичные разъяснения в постановлении Пленума ВС РФ от 22.06.21 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» внесены не были.

Но все это не касается запоздалого представления доказательств в суде первой инстанции, а также выдвижения стороной новых доводов без представления доказательств (например, отрицание факта, который был признан ею ранее) при обжаловании. Как было выяснено, для таких случаев предусмотрены только денежные взыскания, действенность которых с практической точки зрения вызывает вопросы.

Если относительно природы санкций по статье 99 ГПК РФ и части 2 статьи 111 АПК РФ вопрос пока остается дискуссионным, то применительно к непринятию доказательств в процессе доктрина стоит на более однозначной позиции: мерой ответственности оно не признается. Действие мер процессуальной защиты направлено на пресечение возможных правонарушений, на недопущение негативных последствий действий участников судопроизводства⁵¹. В качестве критерия разграничения мер процессуальной ответственности и мер защиты в процессе выделяют наличие дополнительного обременения, дополнительной обязанности⁵². К одной из групп мер процессуальной защиты А. В. Юдин относит отказ лицу в санкционировании процессуальных действий, на совершение которых претендует само лицо⁵³. В случае с представлением запоздалых доказательств это будет отказ в приобщении материалов к делу.

⁵¹ Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: Дис. ... д-ра юрид. наук. С. 435.

⁵² Там же. С. 401.

⁵³ Там же. С. 437.

Осознавая неэффективность имеющегося регулирования, практика пошла по пути фактического применения меры процессуальной защиты — процессуального эстоппеля. Но в качестве основания используется не прямое нарушение обязанности по раскрытию, а злоупотребление правом, непоследовательное поведение. В целом в России процессуальный эстоппель — это обобщенное название инструментов противоборства злоупотреблениям сторон в процессе, то есть перед лицом суда и в связи с судебной деятельностью⁵⁴. По сути, это не копия и не преемство эстоппеля из системы общего права, это нечто отдельное, имеющее свои особенности. За недобросовестное поведение в процессе практика «устанавливает» санкцию в виде блокирования какого-либо действия, отказа в его санкционировании. В случае с доказательствами это непринятие запоздалых доказательств к рассмотрению.

⁵⁴ Володарский Д. Б., Кашкарлова И. Н. Процессуальный эстоппель в практике российских судов (эмпирический анализ) // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 65.

В целом в России процессуальный эстоппель — это обобщенное название инструментов противоборства злоупотреблениям сторон в процессе, то есть перед лицом суда и в связи с судебной деятельностью

Выбор в качестве основания применения мер защиты именно категории злоупотребления может быть обоснован недостаточной конкретизацией обязанности по раскрытию в процессуальных кодексах. Из формулировки статьи 56 ГПК РФ следует, что обязанность по раскрытию возникает только в случае установления срока судом. Если понимать это правило буквально, то когда такой срок не установлен, представлять другой стороне заблаговременно ничего не нужно. Это может быть объяснено особенностями непрофессионального характера гражданского процесса. Но и в АПК РФ, в большей мере основанном на профессиональном представительстве, также мало конкретики. Часть 4 статьи 65 АПК РФ говорит о заблаговременном раскрытии. Однако не ясно, насколько заблаговременным должно быть раскрытие и какие временные рамки понимаются под данной формулировкой. Также кодексы не предусматривают ни основного регулирования, ни возможных последствий выдвижения стороной новых доводов без представления доказательств (например, при отрицании факта).

Практика отходит от формального понимания реализации процессуальных прав. Еще Н. А. Чечина в свое время отмечала важность добросовестного процессуального поведения, которое способствует выявлению материальной истины и гарантирует возможность осуществления процессуальных прав другой стороны⁵⁵.

⁵⁵ Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. С. 44.

Действительно, доказательства, представленные к концу рассмотрения дела, или резко выдвинутые доводы стороны ставят оппонента в крайне невыгодное положение: ему необходимо ознакомиться с новыми материалами, процесс затягивается, и неизвестно, не повторится ли это вновь. Стоит заметить, что к ожиданиям стороны и суда о том, что какое-либо заявление/возражение/доказательство не будет представлено внезапно, следует относиться с настороженностью. Принцип состязательности, на котором строится весь цивилистический процесс (статья 12 ГПК РФ, статья 9 АПК РФ), вступает в некую конфронтацию с ожиданием последовательного поведения стороны в процессе. Добросовестность в материально-правовых отношениях существенно отличается от добросовестного поведения в процессе, ведь в состоянии

правового спора стороне не выгодно содействовать своему оппоненту, ее цель — выиграть процесс, и в ход идут самые разные способы защиты или нападения⁵⁶.

⁵⁶ *Володарский Д. Б., Кашкарова И. Н.* Процессуальный эстоппель в практике российских судов (эмпирический анализ). С. 67.

Другое дело, что у состязательности есть пределы, она не безгранична. Стороны должны считаться с интересами как правопорядка, так и интересами оппонента в скором рассмотрении дела и достижении объективной истины (о добросовестности и недопустимости злоупотреблений указывается в частях 2, 3 статьи 41 АПК РФ).

Тем не менее к злоупотреблениям процессуальными правами в науке сложилось неоднозначное отношение.

А. В. Юдин в диссертации отстаивает определение злоупотребления процессуальными правами как особой формы процессуального правонарушения⁵⁷, характеризующейся нарушением функционального назначения субъективного процессуального права, нацеленным на достижение противоправной цели⁵⁸. Имея право доказывать свою позицию, сторона, пользуясь недостаточной строгостью норм о раскрытии, запоздало представляет доказательства в процесс с целью заставить оппонента врасплох или затянуть рассмотрение дела. Но у права представлять доказательства такой цели нет. Налицо противоречие фактического поведения стороны предназначению процессуального института доказывания⁵⁹.

⁵⁷ *Юдин А. В.* Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 10.

⁵⁸ *Юдин А. В.* Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: Дис. ... д-ра юрид. наук. С. 344.

⁵⁹ Там же. С. 342. Противоречие истинному предназначению процессуальных норм и институтов А. В. Юдин отмечал как один из признаков злоупотребления правом.

Есть и другая позиция, согласно которой злоупотребление процессуальным правом правонарушением не является, так как, совершая действие, лицо делает это в пределах принципов состязательности и диспозитивности, в пределах допустимой свободы. Если же действия лица были незаконными, то они не должны были быть санкционированы судом⁶⁰.

⁶⁰ *Гальперин М. Л.* Указ. соч. С. 191.

Так или иначе, суды за злоупотребления применяют пока только меры процессуальной защиты. Рассматриваемые меры защиты не являются мерами ответственности, а значит, могут быть установлены и при отсутствии процессуального нарушения. Поэтому применение мер процессуальной защиты не вступает в противоречие с доктринальными подходами к гражданской процессуальной ответственности, где фактом-основанием выступает правонарушение.

Итак, защищая процесс, суды стали эстоппелировать некоторые виды процессуальной активности. Надо сказать, эстоппель применяется хаотично, единого подхода или доктрины пока нет. Тем не менее можно выделить общую тенденцию.

На практике не приветствуется изменение позиции, которую сторона долгое время занимала ранее. Например, отрицание в суде апелляционной инстанции доводов, заявленных в иске и поддерживаемых в суде первой инстанции, подлежит отклонению на основании принципа эстоппель⁶¹; сторона, не заявляя доводы в обособленном споре, теряет право на их представление в основном споре на основании процессуального эстоппеля, поскольку такое изменение позиции считается недобросовестным процессуальным поведением⁶²; изменение правовой позиции, противоречащее общеправовому принципу эстоппель, само по себе является достаточным основанием, чтобы не учитывать вновь заявленный довод в качестве опровержения⁶³; различное толкование одним и тем же лицом одной и той же правовой ситуации при рассмотрении разных споров недопустимо⁶⁴; логика, по которой молчание означает согласие с правовой позицией оппонента (эстоппель), подлежит применению и к не заявленным в суде первой инстанции процессуальным аргументам⁶⁵.

⁶¹ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.09.21 по делу № А60-63803/2020; см. также: постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12.12.19 по делу № А56-23680/2019.

⁶² Определение Арбитражного суда Ставропольского края от 12.10.21 по делу № А63-11966/2019.

⁶³ Решение Суда по интеллектуальным правам от 02.09.21 по делу № СИП-909/2019.

⁶⁴ Определение ВС РФ от 19.05.21 № 300-ЭС21-7175.

⁶⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 15.12.20 № 70-КГ20-4-К7.

Процессуальным эстоппелем суды апелляционной инстанции пресекают ссылку стороны на ранее не раскрытый договор⁶⁶. Однако в обозначенном деле такого же эффекта можно было достичь применением нормативных ограничений. При инстанционном переходе представление новых доказательств прямо ограничивается в кодексах, чего нельзя сказать о новых доводах, не сопровождающихся представлением новых доказательств.

⁶⁶ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.08.21 по делу № А65-27836/2019.

В другом случае заявление о фальсификации соглашения и ходатайство о назначении экспертизы отклонены судом апелляционной инстанции на основании процессуального эстоппеля, так как в первой инстанции данное возражение не было заявлено⁶⁷. Однако и здесь можно было обойтись без применения эстоппеля, поскольку согласно пункту 29 постановления Пленума ВС РФ от 30.06.20 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» арбитражный суд апелляционной инстанции не принимает заявлений о фальсификации доказательств, представленных в суд первой инстанции, кроме случая, когда в силу объективных причин лицу, подавшему заявление, ранее не были известны определенные факты (иное нарушало бы требования части 3 статьи 65 АПК РФ о раскрытии).

⁶⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.09.21 по делу № А40-176204/13.

Но данное разъяснение не касается «позднего» ходатайства в суде первой инстанции. В одном из дел суд расценил заявление о фальсификации доказательств, заявленное ответчиком спустя два года с момента поступления искового заявления в суд, как злоупотребление правом, направленное на затягивание процесса⁶⁸.

⁶⁸ Решение Арбитражного суда Магаданской области от 26.10.21 по делу № А37-2891/2019.

Способ процессуальной защиты, когда новые доказательства представляются в суд первой инстанции спустя 11 месяцев после возбуждения производства, был признан судом недобросовестным процессуальным поведением, влекущим за собой потерю права ссылаться на такие доказательства (эстоппель)⁶⁹.

⁶⁹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.11.18 по делу № А56-40228/2014.

Перспективы развития процессуального эстоппеля в российском праве

Еще Н. А. Чечина отмечала, что без санкции норма не может функционировать как юридически значимое правило поведения⁷⁰. Обязанность, не обеспеченная санкцией, становится бессмысленной. Также бессмысленным будет и отсутствие действенной санкции. В связи с этим сейчас назрела острая

необходимость в реформировании института раскрытия, и практика пошла по пути применения процессуального эстоппеля. Им она усиливает действие имеющихся в российских процессуальных кодексах институтов, а иногда вовсе восполняет их недостаток. Как видно из содержания предыдущих разделов статьи, применение российскими судами инструментов блокирования непоследовательного поведения стороны под общим наименованием «принцип эстоппель» вбирает в себя разные признаки возможных способов борьбы с процессуальными злоупотреблениями в зарубежной практике, но полностью не повторяет ни один из них.

⁷⁰ Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. С. 631.

Практика постепенно возвращается к истокам, к первоначальному варианту института раскрытия доказательств, когда последствием несоблюдения обязанности по раскрытию было непринятие судом в процесс запоздалых доказательственных материалов. Данный подход неминуемо сталкивается со стремлением достичь объективной истины. Есть риск того, что в силу нарушения сроков к делу может быть не приобщено доказательство, которое могло бы перевернуть исход дела и пролить свет на настоящее положение дел. Но недостижение объективной истины является закономерным негативным последствием для лица, которое затягивает рассмотрение дела и не раскрывает доказательства в срок. Согласно доктрине формальной истины, на которой стоит современный цивилистический процесс, суд принимает решение на основании того, как стороны просостязались, как они доказали свои доводы. Формальная истина будет считаться достигнутой, даже если суд не примет доказательства, раскрытые с нарушением установленного порядка⁷¹.

⁷¹ Кайзер Ю. В. Указ. соч. С. 24.

Выбранный практикой способ защиты процесса (эстоппель, потеря права ссылаться на соответствующие доводы) не лишен недостатков. В его основу положено злоупотребление процессуальными правами, установить которое может быть весьма сложно ввиду скрытости истинных мотивов лица при внешней правомерности действий.

Будучи принципом, эстоппель имеет высокую долю абстракции, что недопустимо в процессуальной форме. Эту проблему можно преодолеть конкретизацией положений о сроках в нормах о раскрытии в ГПК РФ и АПК РФ. Тогда нарушение четко установленных сроков будет образовывать презумпцию отсутствия уважительности причин неисполнения обязанности по своевременному раскрытию доказательств, и это будет основанием для применения мер защиты в совокупности с мерами процессуальной

ответственности. Судам не придется в каждом случае сравнивать требования добросовестности с поведением лица, участвующего в деле. Последствия в виде непринятия запоздалых доказательств также было бы целесообразно включить в процессуальные кодексы по модели немецких преклюзивных санкций. Это содействовало бы установлению правовой определенности участников процесса, повышению уровня процессуальной дисциплины, а также обеспечению единообразия работы судов при рассмотрении аналогичных дел.

Будучи принципом, эстоппель имеет высокую долю абстракции, что недопустимо в процессуальной форме

Институты процессуальной ответственности и процессуальной защиты на современном этапе переживают определенные трансформации, вызванные недостатками законодательного регулирования. И практика, и наука процессуального права видят потребность в расширении арсенала мер защиты и развитии норм об ответственности. Н. А. Чечина одна из первых заговорила о процессуальной ответственности как о самостоятельном институте, задавала вектор развития науки процессуального права. Многие современные ученые в своих работах, затрагивающих структуру гражданской процессуальной нормы, отталкиваются от трудов Н. А. Чечиной. Практика и доктрина движутся вперед, опираясь на фундамент, который был заложен Надеждой Александровной еще во второй половине прошлого столетия.

Тенденции развития доступности правосудия в гражданском процессе

Дзыбал Максим Антонович

Магистрант Санкт-Петербургского государственного университета

В статье исследуются проблемные вопросы доступности правосудия в свете последних преобразований процессуального законодательства. Для этих целей автор анализирует изменения в сфере групповых исков и приказного производства. Также автор обращает внимание на наметившуюся тенденцию профессионализации гражданского судопроизводства с целью ответить на вопрос о том, способствует ли это повышению доступности правосудия либо же, наоборот, затрудняет гражданам доступ к правосудию. Кроме того, рассматриваются изменения, направленные на внедрение электронных технологий в судопроизводство.

В итоге автор делает вывод о том, что отдельные изменения процессуального закона приводят к нежелательным последствиям в виде понижения доступности правосудия, в связи с чем предлагаются некоторые изменения законодательства.

Ключевые слова: доступность правосудия, тенденции, групповые иски, информационные технологии в гражданском процессе, приказное производство, профессионализация процесса.

Введение

На данный момент российское процессуальное законодательство находится в стадии реформирования и преобразований, в процессе которых необходимо ответить на ряд концептуальных вопросов, один из них связан с проблемой тенденции доступности российского правосудия. Безусловно, в основе любых преобразований в сфере процессуального права лежит идея повышения доступности правосудия для целей обеспечения права на судебную защиту, на что обращали внимание советские ученые.

Так, В. М. Семенов указывал, что доступ к правосудию — это «начало, пронизывающее нормативную ткань законодательства о судостроительстве и судопроизводстве»¹.

¹ Семенов В. М. Демократические основы гражданского судопроизводства в законодательстве и судебной практике. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1979. С. 59.

Н. А. Чечина в своих трудах относил к основным направлениям развития науки процессуального права выявление способов и методов повышения эффективности гражданского процессуального права как отрасли и его институтов².

² Чечина Н. А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. С. 23.

Только оценивая любое преобразование в сфере процессуального законодательства на предмет того, не нарушает ли оно принцип доступности правосудия и не создает ли преграды для обращения в суд за защитой прав в судебном порядке, можно достичь указанной цели.

В основе любых преобразований в сфере процессуального права лежит идея повышения доступности правосудия

В настоящей работе будет проведен анализ последних изменений процессуального законодательства с целью ответить на вопрос о том, в каком направлении движется развитие доступности правосудия. С одной стороны, будут представлены аргументы, подтверждающие тенденцию на повышение доступности гражданского процесса через предоставление дополнительных механизмов судебной защиты и сокращения издержек на осуществление судебной защиты нарушенных прав. С другой стороны, будет отмечено, что некоторые изменения процессуального закона можно понимать как направленные к закрытию гражданского процесса и доступа некоторых лиц к правосудию. Также будут сделаны практические выводы касательно того, как следует в дальнейшем развивать отдельные элементы гражданского процесса, влияющие на доступность правосудия.

Понятие доступности правосудия

Изучение любого явления следует начинать с раскрытия его содержания. Так как основной целью настоящей работы является не анализ самого понятия доступности правосудия, а исследование тенденций его развития, то стоит обратиться к уже сделанным выводам относительно понятия данного явления.

По мнению В. В. Яркова, принцип доступности в процессуальном праве представляет собой правило, в соответствии с которым любое заинтересованное лицо вправе обратиться в суд за защитой прав и интересов. Также автор

отмечает, что доступность правосудия проявляется в наличии у сторон и иных лиц, участвующих в деле, широких процессуальных прав³.

³ Арбитражный процесс: Учебник / Отв. ред. В. В. Ярков. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

М. А. Викиут при раскрытии принципа доступности правосудия акцентирует свое внимание на финансовой стороне. Пошлина, оплата помощи представителя и другие судебные издержки не должны выполнять роль препятствия к получению судебной защиты⁴.

⁴ Гражданский процесс России: Учебник / Под ред. М. А. Викиута. М.: Юрист, 2005. URL: https://www.studmed.ru/vikut-ma-grazhdanskiy-process-rossii_7eb330361c2.html.

Таким образом, можно отметить, что исследователи смотрят на принцип доступности правосудия как на открытость судебной защиты нарушенного права для всех заинтересованных лиц. Лицо, желающее обратиться в суд, не должно сталкиваться с какими-либо необоснованными препятствиями.

Групповые иски

Исследование стоит начать с одного из ключевых преобразований процессуального закона последних лет: с 1 октября 2019 года в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — ГПК РФ) была введена глава 22.3, закрепившая право на подачу групповых исков. Групповой иск позволяет гражданину или организации обратиться в суд в защиту прав и законных интересов группы лиц при наличии указанных в законе условий.

Данный институт имеет ряд преимуществ, которые направлены на повышение доступности правосудия.

Во-первых, следует обратить внимание на финансовый аспект ведения судебных процессов по групповым искам. Как отмечается в литературе, групповые иски позволяют снизить размер расходов каждого из участников иска за счет перераспределения таких расходов среди большого количества лиц⁵. Действительно, вместо того чтобы самостоятельно нести расходы на судебный процесс, участники группового иска имеют возможность распределить издержки между собой. Более того, статья 244.27 ГПК РФ предусматривает возможность заключения нотариально удостоверенного соглашения о порядке несения судебных расходов при предъявлении группового иска, что позволяет даже в полной мере освободить некоторых лиц от таких расходов. Как будет отмечено далее при анализе профессионализации судебного представительства,

финансовый вопрос правосудия и размер издержек, которые несет лицо при предъявлении иска, существенным образом влияет на уровень его доступности. Некоторые граждане отказываются от судебной защиты своего права именно в силу нежелания нести большие финансовые издержки либо вовсе не имея средств для этого, в результате чего доступ к правосудию для них оказывается закрытым. Однако риск возникновения подобной проблемы уменьшается при предъявлении группового иска. Соответственно, за счет снижения издержек на ведение судебного процесса повышается уровень доступности правосудия.

⁵ *Сутормин Н. А.* Преимущества и недостатки группового иска // Государство и право. 2020. № 7. С. 119–123.

Во-вторых, институт групповых исков обладает организационными преимуществами по сравнению с индивидуальными исками в той же ситуации. Анализ законодательства позволяет сделать вывод, что групповой иск возможен, когда имеется ряд максимально приближенных друг к другу с точки зрения содержания споров о праве. В отсутствие данного института каждой стороне спора было бы необходимо предъявлять самостоятельный иск, собирать доказательства, искать себе представителя, ответчик должен был бы готовить отзывы на каждый отдельный иск и совершать ряд однотипных действий применительно к каждому иску. При этом суд также нес бы чрезмерные издержки на отправку правосудия, ведь ему приходилось бы проводить десятки или сотни судебных заседаний по аналогичному вопросу, исследовать схожие обстоятельства и доказательства. Предъявление группового иска позволяет снизить подобные издержки и повысить тем самым доступность правосудия.

Для подтверждения данного тезиса можно обратиться к зарубежному законодательству, в котором институт групповых исков существует продолжительное время. Так, Верховный суд США указал, что групповые иски направлены на обеспечение эффективности и экономии правосудия, что является главной целью судебного процесса⁶.

⁶ *General Telephone Company of the Southwest v. Falcon*, 457 U.S. 147, 159, 102 S Ct 2364 (1982) [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/457/147/> (дата обращения: 03.10.21).

Следует также отметить, что институт групповых исков делает жизнеспособной защиту нарушенных прав, если предмет требования составляет незначительная сумма. Особенно актуален этот вопрос в сфере потребительских споров, где истцом выступает слабая сторона, а размер требования не столь велик. Например, если лицу продали некачественную еду, то оно вряд ли дойдет до судебной защиты своих прав в силу наличия различного рода издержек (временные, финансовые, организационные).

Однако если будет возможность присоединиться к групповому иску, где таких же лиц с нарушенными правами могут быть сотни, то шанс, что лицо решится на защиту своих прав, возрастает. Следовательно, институт групповых исков направлен на повышение доступности правосудия применительно к небольшим суммам требований.

В частности, в деле *Phillips Petroleum v. Shutts*⁷ Верховный суд США указал, что истцы не провели бы «ни одного реального дня в суде, если бы институт группового иска не был доступен». Также в зарубежной литературе отмечается, что групповой иск позволяет истцам объединить требования, которые экономически нецелесообразно рассматривать в индивидуальном порядке⁸.

⁷ *Phillips Petroleum Co v. Shutts* 472 U.S. 797 (1985) [Электронный ресурс]. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/472/797.html> (дата обращения: 05.10.21).

⁸ *Rubenstein W. B. Why enable litigation?: a positive externalities theory of the small claims class action* // *UMKC Law Review*. Vol. 20. 2006. No 10 [Электронный ресурс]. URL: https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/12070370/why_enable_litigation.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 07.10.21).

По итогам проведенного анализа можно отметить, что введение института групповых исков направлено на повышение доступности правосудия путем предоставления дополнительной процессуальной формы, посредством которой возможна защита прав.

На важность расширения возможностей судебной защиты прав обращали внимание и советские процессуалисты. Так, Н. А. Чечина указывала, что возможности широкой судебной защиты гражданами своих прав следует относить к одному из существенных завоеваний советского законодательства⁹.

⁹ *Чечина Н. А.* Указ. соч. С. 26.

Профессионализация гражданского процесса

Также следует обратить внимание на наметившуюся в последнее время профессионализацию гражданского процесса и влияние данной тенденции на уровень доступности правосудия. Этот вопрос является особенно актуальным в контексте существования Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи, подготовленной Минюстом России, в которой говорится о том, что с 2023 года юридическую помощь вправе будут оказывать исключительно адвокаты и адвокатские образования¹⁰.

¹⁰ Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://minjust.ru/deyatelnost-v-sfere->

В недавнем времени было введено требование об обязательном высшем юридическом образовании у представителя в гражданском процессе. Так, статья 49 ГПК РФ гласит, что представителями в суде, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Однако встает вопрос о том, чем обусловлено это нововведение и не направлено ли оно на снижение уровня доступности правосудия.

С одной стороны, можно предположить, что требование о наличии высшего юридического образования у представителя снижает уровень доступности правосудия в силу следующих причин. Так, нужно помнить о финансовой составляющей данного вопроса. Чтобы позволить себе профессионального представителя, необходимо иметь определенный уровень дохода для оплаты его услуг. Но далеко не у каждого лица, право которого нарушено, есть такая возможность.

Исследователи вопроса доступности правосудия обращают внимание на важность отсутствия финансовых преград к получению судебной защиты.

Как уже отмечалось ранее, М. А. Викин указывает, что оплата помощи представителя и другие судебные издержки не должны выполнять роль препятствия к получению судебной защиты¹¹.

¹¹ Гражданский процесс России: Учебник / Под ред. М. А. Викин. М.: Юрист, 2005.

К тому же названное нововведение сокращает количество лиц, способных быть представителями, поскольку теперь оказывать юридическую помощь сможет исключительно лицо, имеющее высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Подобное требование приведет к увеличению временных издержек на поиски данного лица. В связи с этим обеспечению доступности правосудия должна способствовать система бесплатной юридической помощи. Этот вопрос регулируется Федеральным законом от 21.11.11 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». Однако положения названного акта не могут в полной мере обеспечить эффективный доступ к правосудию для всех желающих лиц.

Как отмечается в литературе, порядок оказания бесплатной юридической помощи выглядит в достаточной степени забюрократизированным и вряд ли стимулирует адвокатов такую помощь оказывать¹².

¹² Терехова Л. А. Некоторые аспекты доступности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 10. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

Анализ положений законодательства о бесплатной юридической помощи позволяет сделать вывод о том, что оно не способно предоставить доступ к правосудию всем лицам, не имеющим возможности самостоятельно оплатить услуги представителя, вследствие чего некоторые лица после введения требования о наличии профессионального представителя лишаются доступа к правосудию по причине отсутствия финансовых средств на оплату услуг такого представителя. Законодателю следует помнить, что вводить требование об обязательном наличии высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности можно лишь после того, как все лица, имеющие потребность в защите своих прав, будут иметь возможность получить соответствующие услуги (либо путем самостоятельной оплаты, либо с использованием системы бесплатной юридической помощи).

Законодатель должен выстраивать такое регулирование, которое отвечает потребностям общества. На данный аспект обращала внимание Н. А. Чечина. Так, она указывала, что правовая система должна реагировать на потребности и изменения общества¹³.

¹³ Чечина Н. А. Указ соч. С. 23.

Однако текущая экономическая ситуация показывает, что доходы некоторых граждан падают, в связи с чем им становится еще сложнее обратиться за помощью профессионального представителя и оплатить его услуги.

Впрочем, на названное нововведение можно посмотреть с иной стороны и указать, что требование о наличии высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности направлено на повышение доступности правосудия. Следует обратиться к определению Конституционного Суда Российской Федерации от 23.07.20 № 1663-О, в котором суд указал (применительно к аналогичным нормам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации), что требование о наличии высшего юридического образования у представителя направлено на обеспечение конституционного права каждого на квалифицированную юридическую помощь и не может нарушать права граждан.

Законодатель при введении соответствующих положений также ссылался на необходимость обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь¹⁴. А значит, доступность правосудия можно понимать в том числе и как возможность получить качественную защиту прав, для чего необходимо иметь профессионального представителя. Важно не само по себе участие в судебном заседании, а получение реальной защиты нарушенных прав и интересов в суде. И именно для того, чтобы такие права защищали те, кто действительно данную защиту может предоставить, необходимо существование требования о наличии

высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности.

¹⁴ Законопроект № 383208-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.09.21).

На неразрывную связь права на квалифицированную юридическую помощь и права на доступ к правосудию указывается и в литературе. Так, М. С. Шакарян отмечала среди основных проблем доступности правосудия гарантию права на получение квалифицированной юридической помощи¹⁵.

¹⁵ *Шакарян М. С.* Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 31 января — 1 февраля 2001 года). М., 2001. URL: <http://www.legist.ru/conf/Shakaryan.htm> (дата обращения: 06.10.21).

К тому же следует обратить внимание, что требование о наличии профессионального представителя распространяется не на все судебные разбирательства. Например, оно не касается дел, которые рассматриваются мировыми судьями или районными судами. Эти дела в большинстве случаев не отличаются высоким уровнем сложности, в связи с чем представлять интересы стороны может и лицо, не имеющее юридического образования. Данный факт свидетельствует, что законодатель при введении соответствующих положений руководствовался тем, сможет ли непрофессиональный представитель защитить интересы лиц в том или ином суде, учитывая цели обеспечения права на доступ к квалифицированной юридической помощи.

Таким образом, оценивая профессионализацию судебного представительства как фактора, влияющего на доступность правосудия, нельзя сделать однозначный вывод. С одной стороны, данное нововведение может привести к тому, что некоторые категории лиц полностью будут лишены возможности пользоваться услугами представителя в силу отсутствия финансовых средств, что является недопустимым с точки зрения доступности правосудия. С другой стороны, это нововведение направлено на повышение гарантий права на квалифицированную юридическую помощь, которое можно рассматривать как неотъемлемую часть доступности правосудия. При таком подходе заинтересованному лицу будет гарантирована не просто возможность прийти в суд и получить судебное решение, а получить такое решение именно как акт правосудия, чему будет способствовать наличие профессионального представителя.

Использование информационных технологий

Элементом судебной системы, который непосредственно влияет на уровень доступности правосудия, также является уровень ее информатизации, в связи с чем для определения тенденций развития доступности правосудия необходимо проанализировать изменения в данной сфере.

Использование информационных технологий направлено на повышение доступа к судебной системе и уменьшает расходы, касающиеся взаимодействия с судом, так как если заинтересованное лицо может, например, подавать иски в электронном виде, получать информацию о ходе судебного разбирательства и т. д. не выходя из дома, то тем самым снижаются издержки для обращения за судебной защитой, следовательно, повышается доступность правосудия.

На неразрывную связь внедрения информационных технологий и уровня доступности указывают и ученые. Так, К. Л. Брановицкий отмечает, что одной из главных целей внедрения информационных технологий является повышение уровня доступности правосудия¹⁶.

¹⁶ Брановицкий К. Л. Использование информационных технологий в контексте оптимизации гражданского судопроизводства // Закон. 2018. № 1. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

В последнее время в связи со стремительным расширением компьютерных технологий они стали внедряться и в процесс судопроизводства. В 2017 году в ГПК РФ были внесены изменения, направленные на активное внедрение информационных технологий в гражданский процесс, в результате чего появился ряд норм, позволяющих взаимодействовать с судом в электронной форме.

Так, в статье 3 ГПК РФ (в редакции Федерального закона от 30.12.21 № 440-ФЗ) указано, что исковое заявление, заявление, жалоба, представление и иные документы в электронном виде могут быть поданы участником судебного процесса посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», либо информационной системы, определенной Верховным Судом Российской Федерации, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, либо систем электронного документооборота участников процесса с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия.

Согласно статье 35 ГПК РФ лица, участвующие в деле, вправе представлять в суд документы в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью.

Также начиная с 2017 года в соответствии с частью 1 статьи 13 ГПК РФ судебное постановление, за исключением постановления, содержащего сведения, составляющие охраняемую законом тайну, может быть выполнено в форме электронного документа, который подписывается судьей усиленной квалифицированной электронной подписью.

В последнее время в связи с распространением коронавирусной инфекции стала активно использоваться видео-конференц-связь для проведения судебных заседаний, что также положительно сказывается на доступности правосудия. Кроме того, утверждена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в которой указано на необходимость к 2024 году формирования правовых условий в сфере судопроизводства и нотариата в связи с развитием цифровой экономики в части: унификации правил подачи исковых заявлений, жалоб, ходатайств, иных заявлений в электронной форме, а также допустимости электронных доказательств; дистанционного участия в судебном заседании; развития инструментов электронного нотариата (изготовление нотариальных документов в электронной форме и т. д.)¹⁷.

¹⁷ Федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды» [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/862/> (дата обращения: 19.10.21).

Приведенные изменения законодательства позволяют сделать вывод об активном внедрении электронных технологий в гражданский процесс, однако следует помнить, что влияние таких изменений на доступность правосудия не является столь однозначным, как может показаться на первый взгляд. Это связано с тем, что не каждое лицо обладает необходимыми навыками для взаимодействия с судом посредством электронных технологий, а потому их внедрение может оставить некоторую группу лиц, не обладающих навыками коммуникации в электронной форме, без доступа к правосудию. Для недопущения подобного внедрение информационных технологий в гражданский процесс не должно означать отмену ранее существовавших форм взаимодействия суда и граждан. У лица должна оставаться альтернатива между осуществлением процессуальных действий в электронной форме и неэлектронной.

Анализируя последние изменения гражданского процесса, необходимо отметить, что данный критерий обеспечения доступности правосудия соблюдается. Так, введение электронной системы подачи документов не привело к отмене права граждан подавать процессуальные документы в письменной форме путем визита в суд лично.

Также следует обратить внимание на требование о наличии электронной подписи для подачи некоторых документов. Указанный вопрос актуален по той

причине, что у многих лиц она отсутствует. Впрочем, анализ законодательства показывает, что требование о подписании документа электронной подписью касается небольшого количества случаев, при этом лицо, не обладающее электронной подписью и желающее подать документ, вправе сделать это в бумажной форме.

Таким образом, в завершение настоящего раздела следует прийти к выводу, что названные нововведения направлены на повышение доступности правосудия. У заинтересованных лиц появляется все больше альтернатив в сфере взаимодействия с судом, так как кроме подачи документов в письменном виде теперь можно подавать их в электронной форме. Однако важно помнить, что отдельные категории граждан не обладают достаточным уровнем владения интернет-ресурсами, в связи с чем возможность использования неэлектронного взаимодействия с судом должна оставаться. При этом некоторые исследователи отмечают, что для повышения доступности правосудия необходимо обучать участников судопроизводства внедряемым цифровым технологиям¹⁸.

¹⁸ *Иванов А. А., Белов И. Л.* Открытость и доступность правосудия в гражданском процессе // Государство и право. 2017. № 8. С. 17–23.

Суд как гарант доступности правосудия

В 2018 году были приняты изменения, устанавливающие обязанность суда передать дело по подсудности.

Согласно статье 33 ГПК РФ суд передает дело на рассмотрение другого суда общей юрисдикции, если при рассмотрении дела в данном суде выявилось, что оно было принято к производству с нарушением правил подсудности. Если при рассмотрении дела в суде выявилось, что оно подлежит рассмотрению арбитражным судом, суд передает дело в арбитражный суд, к подсудности которого оно отнесено законом.

Аналогичные правила закреплены в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации. В соответствии с частью 4 статьи 39 данного кодекса, если при рассмотрении дела в арбитражном суде выяснилось, что оно подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции, арбитражный суд передает дело в верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области или суд автономного округа того же субъекта Российской Федерации для направления его в суд общей юрисдикции, к подсудности которого оно отнесено законом.

Приведенные законодательные изменения направлены на то, что суд начинает приобретать функции органа, исправляющего ошибки, совершенные сторонами в ходе гражданского судопроизводства. Схожий вывод можно сделать и в отношении правила о том, что ошибочная ссылка истца на норму права в

исковом заявлении не может являться основанием отказа в удовлетворении требований. Еще в 2015 году в пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.15 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» было сказано: «Если при принятии искового заявления суд придет к выводу о том, что избранный истцом способ защиты права не может обеспечить его восстановление, данное обстоятельство не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения либо оставления без движения».

Однако в результате анализа судебной практики можно заключить, что нижестоящие суды порой не замечают указанное положение и отказывают в удовлетворении требований лишь на том основании, что лицо ошибочно сослалось на нормы права, в связи с чем Верховному Суду Российской Федерации приходится напоминать о правовой позиции, закрепленной в постановлении Пленума от 23.06.15 № 25¹⁹. Подобный факт говорит о том, что идея исправления ошибок сторон при ссылке на нормы права не является устойчивым правилом, однако Верховный Суд Российской Федерации держит путь на ее укрепление.

¹⁹ Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.02.20 № 16-КГ19-50, от 23.10.18 № 127-КГ18-22.

Таким образом, в настоящий момент судебная практика и законодательство движутся в направлении наделения суда функциями по исправлению ошибок сторон и способствованию совершения ими процессуальных действий в надлежащей форме. Данный процесс следует признать положительным с точки зрения влияния на уровень доступности правосудия. Суд при этом реализует нормативные положения, закрепленные в статье 12 ГПК РФ, согласно которой суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет содействие в реализации прав лиц, участвующих в судебном процессе.

Многие лица, желающие обратиться в суд, не могут разобраться в положениях материального и процессуального законодательства и точно определить нормы, подлежащие применению в конкретном деле, а также надлежащую подсудность. В таком случае суд как субъект, обладающий более профессиональной компетенцией, должен способствовать сторонам в осуществлении их прав, что повышает доступность правосудия в гражданском процессе.

Однако следует помнить, что кроме функции содействия в статье 12 ГПК РФ также закреплено правило о том, что суд при этом должен сохранять независимость, объективность и беспристрастность. Суд не должен вставать на место стороны процесса и осуществлять за нее процессуальные действия путем исправления всех совершенных ошибок. В противном случае в погоне за повышением доступности правосудия он может потерять свою

беспристрастность и вместо органа, разрешающего судебный спор, стать органом, осуществляющим процессуальные права сторон вместо них.

Как указывала в своих работах Н. А. Чечина, особенностью гражданского процессуального отношения является то, что его обязательным субъектом выступает суд и оно складывается по вертикали между судом — властвующим субъектом, с одной стороны, и всеми остальными участниками процесса — с другой. Из этого следует, что исходя из сущности процессуальных отношений суд не должен подменять собой стороны.

Проанализированные ранее изменения законодательства не позволяют сделать вывод о том, что они приводят к нарушению принципа независимости и беспристрастности суда. Ошибка в подсудности и норме права, на которую ссылается лицо, не является столь значительной, чтобы на данном основании отказывать в праве на судебную защиту. Обязанность суда передать дело по подсудности обосновывается тем, что суд уже принял дело к своему производству и начал судебное разбирательство, а передача дела по подсудности является исправлением не только ошибки истца, но и ошибки суда. Невозможность отказа в исковых требованиях только на основании ошибки в норме права, на которую ссылается лицо, также соответствует идее осуществления судом именно правосудия. Суд не может, осознавая правоту истца, отказать ему лишь потому, что он ошибся в правовой квалификации своего требования. При таком подходе возрастали бы издержки как со стороны истца, которому пришлось бы вновь подавать исковое заявление и совершать все процессуальные действия, так и со стороны суда, которому пришлось бы начинать процесс сначала. При этом суд бы заранее знал, что истец прав, в связи с чем встал бы вопрос о целесообразности проведения нового судебного процесса. В таком случае единственным верным вариантом, снижающим издержки на отправление правосудия и тем самым повышающим доступность гражданского процесса, является самостоятельная квалификация судом правоотношений и вынесение решения в соответствии с данной квалификацией, даже если истец в исковом заявлении ссылался на иные нормы.

Таким образом, последние изменения законодательства в сфере обязанности суда передать дело по подсудности направлены на повышение уровня доступности правосудия. Кроме того, судебная практика также движется по пути повышения доступности правосудия путем выработки правила о невозможности отказа в исковых требованиях лишь на том основании, что истец неверно сослался на нормы права.

Временные издержки как элемент доступности правосудия

Одним из проявлений доступности правосудия является право на рассмотрение дела в разумный срок, на что указывается и в научной

литературе²⁰. Действительно, чем более затратным с точки зрения времени является судебный процесс, тем меньше лиц готовы прибегнуть к судебной защите своих прав и тем больше лиц предпочтут смириться с нарушением.

²⁰ *Андреева Т. К., Улетова Г. Д.* Новый этап судебной реформы: конституционные возможности и вызовы // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»; *Гриценко Е. В., Ялунер Ю. А.* Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

Одним из институтов, направленных на сокращение сроков рассмотрения судебного дела, является институт приказного производства. Он существует в гражданском процессе уже долгое время, однако следует обратить внимание на его последние изменения.

В октябре 2019 года был расширен перечень случаев, при которых необходимо обращаться в суд за выдачей судебного приказа, а не подавать иск. Ранее действовавшая редакция статьи 122 ГПК РФ предусматривала, что в приказном производстве подлежат разрешению споры о взыскании задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, а также услуг телефонной связи. После внесенных изменений к данному перечню было добавлено также взыскание расходов на капитальный ремонт и содержание общего имущества в многоквартирном доме, а также указано на то, что в приказном производстве подлежат взысканию задолженности по любым услугам связи, а не только телефонной. Кроме того, теперь в приказном производстве взыскивается задолженность по обязательным платежам и взносам с членов любых товариществ собственников недвижимости (ранее взыскивать можно было лишь с членов товарищества собственников жилья), а также с членов любых потребительских кооперативов (ранее взыскивать задолженность можно было лишь с членов строительных кооперативов). Данные изменения расширили предмет приказного производства за счет увеличения количества споров, которые подлежат рассмотрению в приказном порядке.

Однако встает вопрос о том, как это сказывается на доступности правосудия. Стоит отметить, что если законом спор отнесен к приказному производству, то лицо не может по своему выбору обратиться в суд за защитой своего права в исковом порядке. Так, в соответствии со статьей 135 ГПК РФ судья возвращает исковое заявление в случае, если заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства. Согласно статье 222 ГПК РФ суд оставляет заявление без рассмотрения в случае, если истцом не соблюден установленный федеральным законом для данной категории дел

досудебный порядок урегулирования спора или заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства. Таким образом, если прийти к выводу, что приказное производство не является правосудием, то по некоторым категориям споров доступ к правосудию является закрытым.

Несомненно, разрешение дела в порядке приказного производства отличается сокращенными сроками рассмотрения, а также меньшим количеством организационных издержек по сравнению с исковым порядком. Фактор времени, которое должно быть потрачено между обращением в суд и получением итогового решения, влияет на желание лица обратиться за судебной защитой. Чем короче указанный срок, тем выше вероятность на обращение в суд, так как многие граждане именно в силу нежелания тратить на судебные споры месяцы могут отказаться от судебной защиты своих прав. С данной точки зрения расширение категорий дел, которые должны быть рассмотрены в порядке приказного производства, направлено на повышение уровня доступности правосудия.

Однако сам институт приказного производства подвергается многочисленной критике в юридической литературе.

Основные аргументы его противников сводятся к тому, что в приказном производстве отсутствует правосудие как таковое.

В первую очередь указывается на отсутствие в нем процессуальной формы, свойственной правосудию²¹. Под процессуальной формой в юридической литературе понимается совокупность норм, устанавливающих порядок рассмотрения дела²². Но в законодательстве нет достаточной детализации порядка вынесения судебного приказа. Так, например, в ГПК РФ отсутствует регламентация срока, в течение которого выносится определение об отмене судебного приказа, что приводит к неопределенности в отношениях сторон.

²¹ Громошина Н. А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 289.

²² Чечина Н. А., Чечот Д. М. Гражданская процессуальная форма, процессуальные нормы и производства // Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / Под ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. М.: Юрид. лит., 1976. С. 174.

Также исследователи включают в понятие процессуальной формы, свойственной правосудию, совокупность процессуальных гарантий²³. Правосудие возможно лишь тогда, когда оно подкреплено достаточной системой гарантий, которые не позволяют исказить сущность правосудия, однако данный элемент в приказном производстве отсутствует²⁴. Так, согласно статье 126 ГПК РФ судебный приказ выносится без вызова взыскателя и должника и проведения судебного разбирательства. Кроме того, суд исследует изложенные в

направленном взыскателем заявлении о вынесении судебного приказа и приложенных к нему документах сведения в обоснование позиции этого лица и выносит судебный приказ на основании представленных документов. То есть должник о факте рассмотрения дела в порядке приказного производства узнает лишь после вынесения судебного решения об удовлетворении требований заявителя. На момент же рассмотрения требования суд не знает позицию должника и не может ее оценить. В этом заключается одно из основных отличий приказного производства от искового, особенностью которого, как указывала Н. А. Чечина, является то, что суд разрешает вопрос о наличии у истца спорного субъективного права путем анализа позиций сторон и представленных ими доказательств²⁵.

²³ Громошина Н. А. Указ. соч. С. 289.

²⁴ Туманов Д. А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Чечина Н. А. Норма права и судебное решение. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. С. 56.

Данные обстоятельства не соответствуют идее правосудия как механизма разрешения спора между сторонами посредством именно судебного органа, который должен выносить решение по результатам состязательного процесса между сторонами. Кроме того, подобное регулирование нарушает принцип состязательности, закрепленный в статье 12 ГПК РФ. При таком положении дел решение, принятое судом в рамках приказного производства, ничем не отличается от акта иного несудебного правоприменительного органа²⁶.

²⁶ Громошина Н. А. Указ. соч. С. 300.

Некоторые исследователи указывают²⁷, что отсутствие процессуальной формы в приказном производстве сглаживается упрощенным порядком отмены вынесенного судебного приказа, для чего достаточно немотивированного возражения со стороны должника. Однако нужно отметить, что упрощенный порядок отмены судебного решения скорее свидетельствует об отсутствии в судебном приказе признаков правосудия в силу следующих причин. Лицо обращается в суд для разрешения возникшего правового спора между сторонами, и одной из главных целей правосудия является внесение правовой определенности в отношения сторон. Н. А. Чечина в своих трудах также обращала внимание, что последствием законной силы судебного решения является его неопровержимость, исключительность, обязательность и исполнимость²⁸. Но вносит ли судебный приказ, который возможно отменить

лишь немотивированным возражением со стороны должника, правовую определенность в отношении сторон и обладает ли он ранее указанными свойствами судебного решения как акта правосудия? Представляется, что ответ является скорее отрицательным.

²⁷ Туманов Д. А. Указ. соч.

²⁸ Чечина Н. А. Норма права и судебное решение. С. 55.

Таким образом, по итогам анализа изменений законодательства о приказном производстве следует сказать о негативном влиянии тенденции расширения применения данного института на уровень доступности правосудия. Безусловно, приказное производство направлено на разрешение дела в максимально короткий срок. Однако необходимо помнить, что важна не сама возможность обратиться в суд и получить судебное решение, а именно процесс, в котором должны быть все признаки правосудия. В противном случае стремление упростить и ускорить процесс получения решения суда может привести к выхолащиванию правосудия как такового.

Как было сказано ранее, в приказном производстве отсутствуют многие элементы, свойственные правосудию в рамках искового производства. Учитывая невозможность выбирать между приказным производством и исковым, доступ заинтересованному лицу к правосудию открывается только после отмены судебного приказа посредством направления должником немотивированного возражения.

Также следует отметить, что приказное производство является специальным видом производства по отношению к общеисковому порядку рассмотрения дел, при этом многие положения приказного производства противоречат общим положениям ГПК РФ. Однако, как указывала Н. А. Чечина, специальные правила в сфере гражданского процесса основываются на принципах гражданского процессуального права и не могут противоречить общим положениям законодательства²⁹.

²⁹ Чечина Н. А. Особенности производства по отдельным категориям гражданских дел // Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. С. 639.

Вывод

В процессе настоящего исследования был проведен анализ последних изменений процессуального законодательства с целью ответить на вопрос о том, в каком направлении движется развитие доступности правосудия в гражданском процессе. Однозначно ответить на этот вопрос довольно сложно.

С одной стороны, некоторые преобразования позволяют сказать, что доступность правосудия повышается (например, в связи с введением института групповых исков). С другой стороны, многие изменения не имеют однозначной оценки.

Так, профессионализация гражданского процесса направлена на повышение гарантий получения именно квалифицированной юридической помощи, однако при этом возникает риск, что некоторые категории лиц останутся без доступа к правосудию в связи с отсутствием возможности оплатить услуги профессионального представителя. Подобные выводы стоит сделать и применительно к расширению института приказного производства, который обладает преимуществом в виде сокращенных сроков рассмотрения дела, но при этом имеются большие сомнения касательно наличия в нем признаков правосудия. Также был проведен анализ тенденции внедрения информационных технологий в контексте влияния указанного процесса на доступность правосудия и сделан вывод о том, что использование информационных технологий направлено на повышение уровня доступности правосудия. При этом законодателю следует с осторожностью относиться к данному процессу, так как остается значительная группа лиц, которые не имеют доступа к информационным технологиям, в связи с чем для них должна сохраняться альтернатива в виде возможности неэлектронного взаимодействия с судом.

Также отметим, что законодатель должен оценивать преобразования в процессуальной сфере с точки зрения того, не способно ли какое-либо нововведение нарушить принцип доступности правосудия, тем самым держа курс на его повышение. Только так можно взять путь на усиление эффективности судебной деятельности, на важности которого акцентировала свое внимание Н. А. Чечина³⁰. Это важно и с точки зрения того, что статья 46 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. Учитывая то обстоятельство, что снижение уровня доступности правосудия препятствует судебной защите прав и свобод, норма закона, которая ограничивает доступ к правосудию, может быть признана неконституционной как нарушающая положения статьи 46 Конституции Российской Федерации.

³⁰ Чечина Н. А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. С. 4.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЖУРНАЛА

АРБИТРАЖНЫЕ СПОРЫ

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

ООО «КАДИС»

Тел.: +7 (812) 493-54-66, 575-00-84

E-mail: fas@kadis.ru

В МОСКВЕ

ООО «УРАЛ-ПРЕСС»

Тел.: 8 (499) 391-68-21 (доб. 3105)

E-mail: e_timoshenkova@ural-press.ru

Журнал «Арбитражные споры» приглашает юристов к сотрудничеству.

Мы принимаем к рассмотрению ранее не опубликованные материалы, темы которых соответствуют общей направленности издания.

Все материалы просим присылать в редакцию по электронной почте pilipenko_a@kadis.ru

Объем материалов — до 80 тыс. знаков

Авторов просим сообщать о себе следующие данные: фамилию, имя, отчество, место работы и должность, ученую степень, почетные звания (всё на русском и английском языках), контактные данные (номер телефона, e-mail).

Также к материалу необходимо приложить ключевые слова и аннотацию (на русском и английском языках).

Вопрос о публикации решается редакционным советом журнала.

По факту публикации авторам выплачивается гонорар.

© ООО «КАДИС». 2022 г.

При перепечатке авторских материалов и их фрагментов ссылка на журнал «Арбитражные споры» обязательна.

Мнения авторов могут не совпадать
с мнением редакционного совета.